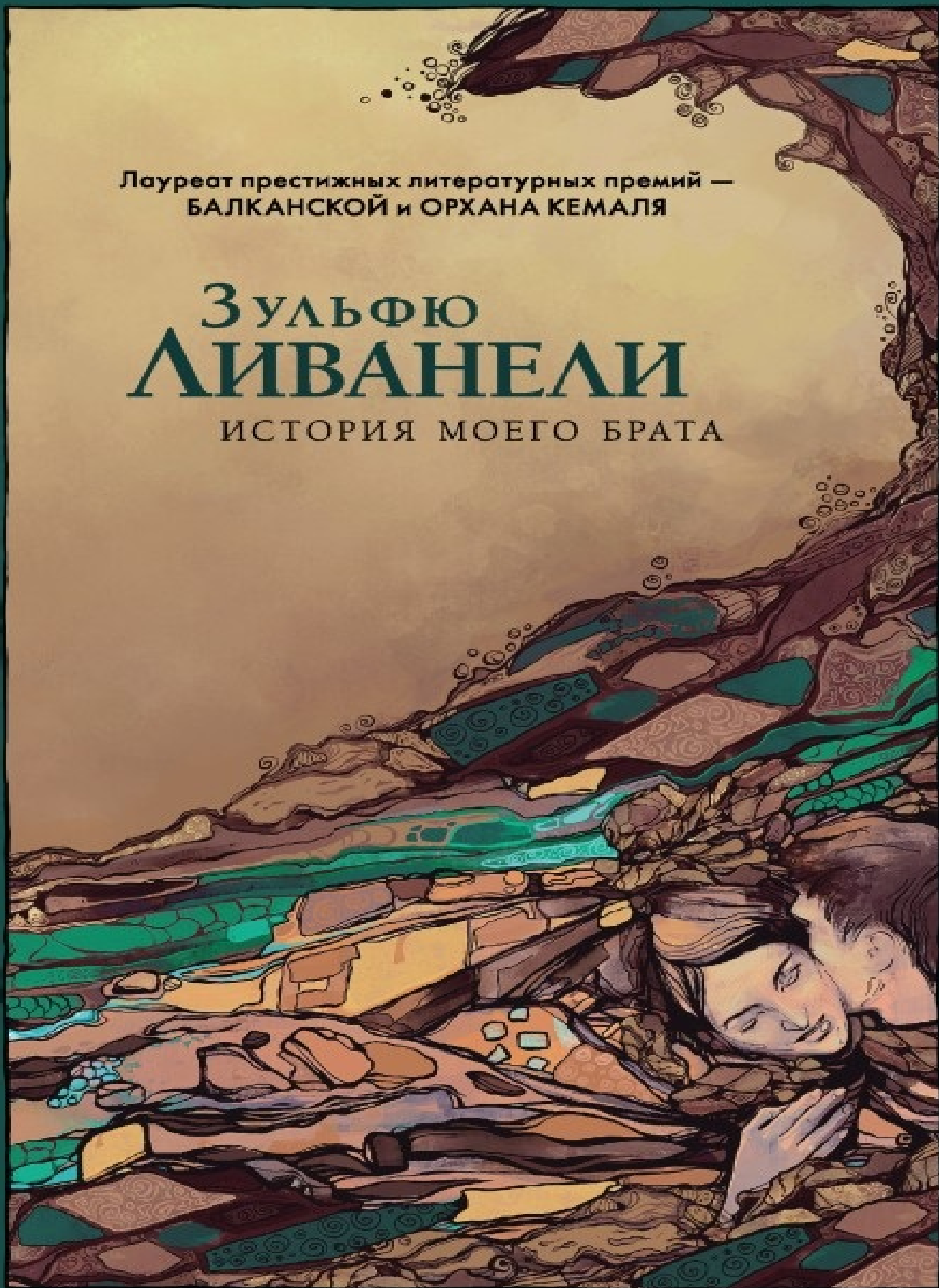

Лауреат престижных литературных премий —
БАЛКАНСКОЙ и ОРХАНА КЕМАЛЯ

Зульфю ЛИВАНЕЛИ

ИСТОРИЯ МОЕГО БРАТА

Annotation

В тихой рыбацкой деревушке убита женщина – так все и началось. Молодая журналистка ведет расследование преступления, которое приводит ее к загадочному человеку, настоящему затворнику. Дом мужчины заставлен книжными шкафами, а книги собраны по темам: у него есть комната Любви, Войны, Страсти, Мести... А еще есть тайная история, которую он решился открыть любопытной журналистке. Вы спросите, при чем тут убийство женщины в тихой рыбацкой деревушке? Чтобы получить ответ, нужно услышать рассказ до конца. Потому что в стоящей истории каждая деталь имеет значение, а вымысел переплетается с реальностью, чтобы запутать и поразить. Начнем?

- [Зульфю Ливанели](#)

-

- [Предисловие](#)

- [Я](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [Мехмед](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [Письмо](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Зульфю Ливанели

История моего брата

© Аврутина А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2018

* * *

Предисловие

Омер Зульфю Ливанели (род. 1946) – уникальное явление как для турецкой культуры, так и для мировой.

Прозаик, чьи романы много лет уверенно бьют рекорды продаж в родной Турции и в Европе; поэт, чьи стихи знает каждый образованный турок; музыкант, создатель группы, прославившейся исполнением песен на стихи другого великого турка – Назыма Хикмета – и установившей рекорд, собрав на свой концерт в Анкаре более 500 тысяч зрителей; композитор, написавший песни более чем к 30 кинофильмам; режиссер, чьи картины получили немало наград; крупный политический деятель, однажды едва не ставший мэром Стамбула; депутат Национального собрания Турции; кавалер ордена Почетного легиона; с 1995 года личный советник генерального директора ЮНЕСКО Федерико Майора. И с 1996 года посол ЮНЕСКО, с должности которого он ушел в отставку только в 2016 году в знак протеста против неспособности организации осудить действия турецкого правительства по уничтожению курдских памятников старины.

В масштабах современной культуры существует немного личностей, деятельность которых была бы столь же многогранна, сколь деятельность Ливанели.

Иногда Ливанели называют «турецким Бобом Диланом», но, безусловно, это упрощение. Значение фигуры Ливанели таково, что уже сейчас, при жизни, в самом фешенебельном районе Анкары, Чанкае, в честь него открыт большой культурный центр, а в Стамбуле его именем назван сквер, по всей Турции воздвигнуты памятники. К тому же в Санкт-Петербурге также планируется открытие русско-турецкого культурного центра имени Ливанели.

Между тем биография писателя довольно типична для представителя турецкой интеллигенции. Если сравнить его жизнь и жизни таких известных турецких писателей, как Назым Хикмет, Сабахаттин Али и Орхан Памук, то можно найти много схожих событий.

Ливанели родился в семье влиятельного турецкого судьи, служившего одно время даже президентом кассационного суда Турции. Образование получил в США, окончив консерваторию в городе Фэрфаксе (штат Виргиния), затем вернулся в Турцию. Однако приверженность левым, социалистическим взглядам (своего рода дань неизменному кумиру Ливанели Назыму Хикмету), а затем несколько арестов и совокупно год в

тюрьме вынудили будущего писателя в 1970-е годы отправиться в изгнание.

60-е, 70-е, 80-е годы – непростое для Турции время. Вооруженные конфликты между правыми и левыми. Постоянные стычки между консерваторами и военными. Многие друзья Ливанели были казнены, есть те, кто бежал, большинство оказались в тюрьме. Сумев эмигрировать по поддельному паспорту, он долго жил сначала в Стокгольме, затем в Париже, в Афинах, в Нью-Йорке, и жизнь была непростой. Порой приходилось подрабатывать на черных работах. Еще до отъезда в Турцию Ливанели начал писать песни-плачи, посвящая их своим ушедшим друзьям. К моменту отъезда за рубеж этих «плачей» набралось на целый альбом, и Ливанели его записал. Альбом немедленно приобрел огромную популярность в Турции, хотя власти сразу запретили его. По воспоминаниям писателя, через год в Стокгольм к Ливанели приехал брат: *«Твои песни слушает вся Турция, студенты поют их на демонстрациях, – сказал мне он. Я ничего не знал об этом – ведь тогда не было нынешних средств связи. Так я стал популярным, своего рода турецким Высоцким. Музыка захватила меня. Правда, потом я вернулся к своей «первой любви» – литературе».*

Но музыка действительно сделала Ливанели очень знаменитым – настолько, что многие известные музыканты и музыкальные коллективы не раз исполняли ее. Джоан Баэз, Зубин Мета, «Виртуозы Москвы».

Главным своим учителем Ливанели называет Хикмета. И еще нескольких деятелей искусства, с которыми он познакомился во время жизни за границей, дружба с которыми продолжалась долгие годы: Абидина Дино – близкого друга Эйзенштейна; курдско-турецкого писателя Яшара Кемаля; Мюневвер Андач – первую супругу Назыма Хикмета, которая в свое время открыла Западу имя Орхана Памука; греческого композитора Микиса Теодоракиса... *«С самим Хикметом я знаком не был, – вспоминает Ливанели, – но в Париже меня окружала «хикметовская» атмосфера, он словно бы присутствовал среди нас».*

В октябре 1986 года, когда Михаил Горбачев уже стал генеральным секретарем ЦК КПСС, Чингиз Айтматов пригласил двенадцать крупнейших писателей мира, а среди них и двоих турок – Яшара Кемаля и Зульфю Ливанели – в Москву. Среди приглашенных были такие писатели, как Артур Миллер, Джеймс Болдуин, Федерико Майор, Клод Симон, Питер Устинов и другие. Из Москвы они направились во Фрунзе, где открыли первую встречу знаменитого Иссык-Кульского форума, который принято считать важной вехой в окончании «холодной войны». После окончания форума гости вернулись в Москву, и Горбачев пригласил их в Кремль.

Это было через день после той самой встречи Горбачева с Рейганом. В Кремле генеральный секретарь долго беседовал с писателями. В том числе он говорил о том, что, даже будучи преданным ленинцем, понимает – государственная система не может продолжать существовать в нынешнем виде и стране требуются перемены. Об этом важном историческом событии сообщали многие крупнейшие новостные агентства мира. Впоследствии Ливанели напишет книгу об этом дне – «Беседы с Горбачевым о революции». Именно эта встреча стала началом личной многолетней дружбы Ливанели и Горбачева.

Книги Ливанели несколько раз били рекорды продаж в Турции. Его последний роман, «Беспокойство», был продан тиражом полмиллиона экземпляров. Роман «Отель Константинополь» стал самым продаваемым романом 2015 года. Роман «История моего брата», который вы сейчас держите в руках, был самым продаваемым романом в 2013 году, и этот список можно продолжать.

Развитие современной культуры и науки демонстрирует нам тенденцию к объединению знания – синтезу различных направлений. Творчество Ливанели тоже являет собой, по сути, синтез искусств: будучи поэтом, он выступает в роли режиссера, будучи музыкантом – в роли прозаика.

Вы сейчас держите первый роман Ливанели, который выходит на русском языке. Начинается он как детектив. Но отбросьте сразу все свои ожидания. Подобно самым ярким произведениям современного искусства, которые поражают своей неожиданностью и шокируют, нынешний роман Ливанели готовит множество сюрпризов.

Хотелось бы пожелать российскому читателю поскорее познакомиться с творчеством замечательного автора, встреча с которым явно задержалась.

*Аполлинария Аврутина, переводчик,
январь 2018 г.*

Человек – это капля крови и тысяча тревог.

Саади Ширази, XIII в.

*О мой шах! Ты пожаловал мне жизнь,
Но взамен похитил мои истории.
А ведь я могла жить только историями.
Теперь они кончились, а вместе с ними и моя жизнь.*

«Смерть Шахерезады», Интайзар Хассейн, 2014 г.

1

Странное утро, явление девушки-журналистки, Керберос

Кажется неправдоподобным, однако, проснувшись рано утром 11 июня 2011 года, я уже знал, что получу странное известие. В безлюдной деревеньке, жившей один на один с сине-зелеными волнами Черного моря, в которой каждый новый день был повторением предыдущего, нечасто случались события, которые бы взволнованно обсуждали все. Тот день тоже должен был начаться и закончиться, как все остальные, но, как оказалось, суждено было другое. Я, конечно, в те хмельные утренние часы еще не знал, что мне предстоит получить известие об убийстве, однако чувствовал: что-то произойдет. Я еще лежал в кровати, глаза были закрыты, мне еще снились стремительно сновавшие ярко-синие зайцы, которые оставляли за собой фосфоресцирующие линии.

Снившиеся зайцы сновали все быстрее. Они не стояли на месте; им не терпелось вскарабкаться то на одну скалу, то на другую, и, карабкаясь, они проявляли невиданную сноровку. Они перемещались так быстро, что я не успевал за ними следить, а видел только ярко-синие линии, тянувшиеся за ними шлейфом. Эти светящиеся линии напоминали инфракрасное излучение, которое часто показывают в фильмах про грабителей и которое образует надежную защитную клетку в специальных банковских хранилищах. Такое излучение, которое – вы, конечно, поняли, о чем я, – герой видит, только если надел специальные очки. Но линии света, которые тянулись за зайцами, были ярко-синими. Я это хорошо помню.

В тот момент зазвонил телефон. Не успел я ответить, как услышал голос Хатидже-ханым, домработницы, которая приходила ко мне несколько раз в неделю. «Ужас, Ахмед-бей! Аллах, какой ужас случился!» – причитала она.

В таких ситуациях, то есть когда кто-то страшным голосом кричит «ужас», я сразу понимаю, что надо начинать бояться, и мне тут же вспоминается мой брат-близнец Мехмед. Так что некоторое время я слушал ее, не проронив ни звука, а затем, почувствовав, что она успокаивается, осторожно спросил, что же она подразумевает под словом «ужас».

«Вы что, еще не слышали про Арзу-ханым?» – всхлипнула она.

Я поинтересовался, что стряслось с Арзу-ханым. Она ответила, что у

нее язык не поворачивается такое рассказывать, но затем, должно быть, поняла, как глупо с ее стороны звонить по телефону, приговаривая «какой ужас», но так и не рассказать, что же все-таки за ужас приключился, и она прошептала в трубку: «Арзу-ханым убили!»

Я задумался, что следует делать в такой ситуации. Обычно люди, узнав о смерти знакомого человека, выражают печаль. Жизненный опыт подсказывал мне именно это. Да, следовало сказать что-то о том, как я огорчен, но если чувства выразить я еще кое-как мог, то вот их мера мне никогда не удавалась. То есть разумом я все это понимал, но сердцем ощутить не мог. Да и что вообще может этот жалкий, измотанный жизнью насос!

Что мне следовало сделать – заплакать или вскрикнуть от изумления? Ведь я близко знал Арзу, больше того, я расстался с ней примерно семь или восемь часов назад. Наверное, мне следовало выразить все эти чувства одновременно. Да, но как и насколько мне следовало их выразить?

Так что вначале я изумленно вскрикнул, тем самым нарушив неловкое и затянувшееся молчание. Потом, решив, что этого недостаточно, я воскликнул: «Какое горе! Какое ужасное горе! Как это произошло?»

Любопытство – совершенно нормальное чувство, и любому человеку, услышавшему про убийство, хочется узнать подробности.

«Вечером у них были гости...» – начала рассказывать Хатидже-ханым. Вообще-то ей не нужно было все это рассказывать: я знал об этом, так как сам был вечером у них в гостях. Я провел там целый вечер – вместе с Арзу, одетой в ярко-красное платье на бретельках, выставившее на всеобщее обозрение ее загорелые плечи, ее мужем Али и их друзьями из Стамбула. Так как дело было летом, мы сидели в большом саду, благоухавшем ароматом жасмина – таким сильным, что, казалось, им и сейчас пахла моя кожа.

Но я продолжал слушать рассказ домработницы, не проронив ни слова.

«Вечером Али-бей ненадолго уехал, чтобы показать гостям выезд на трассу».

Да, и об этом я тоже знал, потому что ушел от них сразу после него. Я пешком дошел до дома и лег спать. Чтобы выехать к Стамбулу из Подимы, то есть из нашей деревеньки, необходимо довольно долго плестись темными и извилистыми проселочными дорогами по полям. Приезжие обычно теряются. Сбившись с пути, они плутают в темноте до утра, пока не застревают, наконец, в песке где-нибудь у скал на берегу Черного моря – впрочем, такими живописными песчаными пляжами в окружении скал и славятся наши места. Так что Али именно поэтому отправился показать

своим стамбульским друзьями дорогу на машине.

«Через полчаса Али-бей вернулся и увидел, что во всем доме горит свет. Он несколько раз позвал жену из сада. Не дождавшись ответа, вошел и вот... Ее... так... Аллах Всемогуший, как ее...»

В трубке раздавались такие звуки, будто бы на том конце провода кто-то кого-то душил. Честно говоря, мне они показались очень смешными, однако смех в ту минуту был бы ни к месту, потому что старую женщину в самом деле сдавливали рыдания. Я ждал. Не будет же она плакать вечно, когда-нибудь успокоится.

Через некоторое время Хатидже-ханым взяла себя в руки и, шмыгая носом, сумела выговорить: «Простите меня, мне очень тяжело...», а затем, окончательно собравшись с духом, продолжила: «Вернувшийся домой муж увидел, что Арзу-ханым лежит у лестницы в луже крови. Такая красавица вся была изрезана ножом, бедненькая. Алая ее кровь дотекла аж до середины гостиной. Иншаллах, найдут мерзавца, покарает его Аллах Всемогуший, гореть ему в адском пламени до скончания века, иншаллах, зато, что погубил такую красоту!»

«Кто же это сделал?»

«Я не знаю, и никто не знает. Полиция сейчас всех опрашивает, даже, говорят, прокурор приехал. Журналистов тоже понаехало. Я же неграмотная женщина, в таких делах не понимаю».

После звонка Хатидже-ханым я сладко потянулся, как кот, а потом сварил себе в кофеварке кофе. Пока я завтракал, в магнитофоне играли песни Мелоди Гардо. Каждое утро певица пела мне низким, чувственным голосом: «Сердце твое черное, как ночь». Я постоянно слушаю музыку, потому что она помогает мне понимать и познавать человеческие чувства, но не выношу ничего, кроме джаза, подобного тому, что исполняет Мелоди Гардо. Все остальное мне кажется приторным. С трудом терплю всякие глупые эмоции.

У меня в доме только одна-единственная комната не превращена в библиотеку – помимо кухни, разумеется. В этой комнате стоит широкая удобная кровать и большой платяной шкаф с белыми полированными дверцами. В шкафу в безупречном порядке хранится моя одежда, старательно выглаженная и сложенная Хатидже-ханым. Все разложено по категориям: в порядке пребывают не только белье и носки, но и брюки, рубашки, пояса, галстуки, пиджаки и костюмы. Шерсть и хлопок лежат отдельно, одежда на прохладную и жаркую погоду – отдельно. Каждое утро одно из первых дел, которыми я занимаюсь, заключается в том, что я смотрю на экран гаджета, где транслируется погода, и выбираю

сообразный наряд. В общем, если экран показывает 22 °С, я надеваю одно, а если 19 °С – совсем другое. Гардероб мой состоит, ко всему прочему, из двух частей в соответствии с двумя различными состояниями погоды, которые разделяет разница в пять градусов. Брюки тоже разложены на группы, к каждой паре прикреплена этикетка, на которой написана температура от 0 °С до 30 °С с интервалом в пять градусов. Этот порядок никогда не нарушается. Пожалуйста, не считите меня богачом после такого рассказа. Я всего лишь пенсионер, некогда служивший инженером, средства мои ограничены, трачу деньги я весьма экономно и, по правде говоря, живу очень скромно. Вся одежда у меня старая, однако из-за тщательного ухода выглядит неплохо.

В прочих комнатах, которые сделаны в виде библиотеки, стоит кое-какая мебель – стул, кресло, журнальный столик. В одной из комнат есть кушетка и *Любимая*. До сегодняшнего дня на кушетке спал мой брат Мехмед. А других гостей у меня никогда и не было. *Любимая* – это имя одного прибора; может, ниже я и расскажу о нем, потому что собрал я его сам, узнав из интернета, как такие работают.

В тот день я заглянул в прогноз погоды и, увидев, что температура 25 °С, надел тонкий домашний серо-синий хлопчатый костюм, а затем сел в кресло на втором этаже и погрузился в размышления. Была убита женщина, которую я хорошо знал. Я уже долгие годы жил в этой деревне, но прежде таких историй в моей жизни не происходило.

Я взял истрепанный блокнот с потертыми, загнутыми краями, куда время от времени записываю свои мысли, и торопливо набросал:

«Полагаю, каждому из нас трудно осознать гибель человека, которая забирает из его плоти кровь и то, что мы называем душой, потому что нам свойственно не считать человека простым созданием в биологическом смысле и потому что мы придаем его существованию разный смысл. Мы понимаем смерть животных, но смерть человека осознать не в состоянии. То, что мы называем душой, в одно мгновение покидает тело человека из-за какой-нибудь раны или удара, и это до безумия поражает людей. “Господи, – причитают они, еще пару часов назад он был таким живым и веселым, так смеялся, а сейчас его больше нет”. Это ситуация, которая воздействует на человеческое восприятие. Она не соотносится ни с нашей привычной жизнью, ни со смыслом, который мы вкладываем в свое существование. Неужели и в самом деле все – суета, а жизнь не имеет никакого смысла? Мне кажется, именно так. Ничего нет на самом деле. Мы просто прилагаем усилия, чтобы дать какой-то высший смысл обычным биологическим законам. Потому что небытие осознать очень

СЛОЖНО».

На этих словах я бросил карандаш и блокнот на журнальный стол. Эти мысли, которые мне только что казались такими блестящими, утратили весь свой блеск, едва оказавшись на бумаге; теперь они выглядели простой банальщиной, но стирать их мне тоже было лень. Ладно, их так и так никто не увидит.

Когда раздался звонок в дверь, я взглянул на часы, было 11:14. Значит, с того момента, как я узнал об убийстве, прошло примерно два часа, и я провел их в своем кресле, задаваясь вопросами, на которые никогда не будет ответа.

В дверь позвонили еще раз.

Кто же это может быть? Полиция или прокурор? Интересно, когда совершают убийство, допросы проводит сразу прокурор или первичное расследование отдают полиции? Меня непременно должны вызвать на допрос, потому что вчера вечером я был в том доме и одним из последних видел убитую. Правда, если бы пришел человек, который мог представлять для меня малейшую опасность, то мой пес Керберос в саду на привязи немедленно оповестил бы меня громким лаем.

Я заметил, что за время, проведенное в кресле, я начал называть молодую женщину, которую при жизни все называли «красивой и соблазнительной», не «Арзу», а «убитой». «Убитой», то есть той, которую кто-то убил... За ночь Арзу сменила состояния. Теперь ее будут называть только так – что в прессе, что в судебных бумагах. Те, кто образован получше, будут именовать ее «потерпевшая» – чтобы подчеркнуть, что пострадала женщина.

Я вновь придвинул свой блокнот. *«Мы все знаем, что умрем, но никому из нас не приходит в голову, что нас могут убить, – записал я. – Рождаются миллионы детей, родители с радостью и аплодисментами встречают младенцев, и ни одному отцу или матери в голову не приходит, что, начиная с момента рождения, человек начинает стареть и обречен на смерть. Самое странное, никому в голову не приходит, что долгожданный малыш, только что явившийся на свет, однажды может погибнуть, стать жертвой преступления либо несчастного случая, его могут казнить, он может погибнуть на войне. А ведь все это не исключения. За всю историю миллиарды людей умерли не той смертью, которая считается “нормальной”, а были подло убиты. Теперь к их числу присоединилась и Арзу».*

Кто-то продолжал настойчиво звонить в дверь. Я не открывал. Мало кому удавалось войти ко мне в дом. Сначала ко мне приходила только

Хатидже-ханым. Она была коренной жительницей деревни. Ее муж служил садовником в доме Арзу, а полноватый парень Мухаррем, ее четырнадцатилетний сын, иногда помогал то матери, то отцу. Мухаррем стал вторым человеком, которому удалось у меня побывать. Хатидже-ханым упросила меня заниматься с ее сыном английским. А я был вынужден согласиться, потому что не хотел терять Хатидже-ханым, поскольку другую такую домработницу, которая бы так подходила моему дому и которая относилась бы к нему с таким уважением, найти было невозможно, так что мне пришлось разрешить парню приходить ко мне раз в неделю на урок.

Язык дается ему с трудом, потому что у него нет, что называется, «способностей». Его выгнали из школы не только поэтому: парень страдает от какого-то психического заболевания, не знаю, от какого именно, так как никогда не интересовался. В общем, этому крепко сколоченному молодчику, как я уже сказал, четырнадцать лет, он простой добрый парень, но, признаюсь, мне всегда нелегко видеть его странное выражение лица и терпеть его бегающие глаза.

За дверью продолжали названивать. Бросить это дело неизвестный визитер вовсе не собирался, но меня это, конечно, ничуть не смущало.

Много лет назад, когда я приехал в деревню Подима из шумного и перенаселенного Стамбула в поисках тишины и уединения и узнал, что в деревне продается двухэтажный дом, да к тому же и очень дешево, я не раздумывая купил его. Видимо, прежний его хозяин тоже сбежал от шума и суеты. Человек этот, как мне рассказали, любил читать и даже сам писал, однако опубликовать ему удалось единственную книгу рассказов, да и то за собственные деньги. В общем, добрый малый был неудавшимся писателем с разбитым сердцем. Мне нетрудно было об этом догадаться по куче сваленных в одном из углов дома экземпляров книги «Я и мои мечты», на обложке которых неуверенная рука вывела голубую русалку. Писатель, оставшийся один на один с собственными мечтами, превратил каждый метр дома в библиотеку – книги были повсюду – и провел остаток дней в своем литературном храме, редко покидая его стены. Сильный запах старых книг встретил меня, когда я впервые вошел в обветшалый дом. Именно запах укрепил меня в желании купить дом как можно скорее, потому что и моим намерением было провести остаток дней за книгами и письменным столом. Надо сказать, что, несмотря на стесненные средства, я сумел привести библиотеку в порядок.

Внутри дом был разделен металлическими книжными стеллажами. Эти стеллажи образовывали нечто вроде комнат. Дверей между ними не

было, и я поставил дверь только в одной комнате на первом этаже. В ту комнату я поместил кушетку, а еще сделал небольшую ванную, подготовив ее специально для моего брата Мехмеда, который изредка навещал меня. Поэтому комната отличалась от прочих. Что касается библиотеки, то главный принцип расстановки книг заключался в том, что все они, будучи произведениями художественной литературы, стояли в разных комнатах по темам. На входе в каждую комнату висела красивая вывеска, выведенная мной от руки чернилами и обозначающая тему. В общем, у меня были:

Комната Мести

Комната Ревности

Комната Любви

Комната Страсти

Комната Войны

Комната Самоубийств

Комната Убийств

Авторы трудов, собранных в тех комнатах, пристально изучали человеческие чувства на протяжении веков, и чтение этих книг стало частью моего обязательного ежедневного самообразования. Когда я говорю, что у меня дома хранятся тысячи художественных книг, я вовсе не имею в виду, что у меня хранятся рассказы и романы всех сортов. Например, в *Комнате Убийств* вовсе не было никаких детективов. Ведь детективные романы стремятся не понять человеческие чувства, а раскрыть нам то, как совершалось преступление, представляя ситуацию одномерно и лишь будоража любопытство. Признаться, такие книги не вызвали у меня интереса. Но книги, хранящиеся в *Комнате Убийств*, повествовали о внутреннем мире убийцы и об условиях, в которых он жил.

Мне очень хотелось узнать, каковы человеческие чувства, что испытывает человек в различных обстоятельствах. Мне нужно было знать, что происходит, когда человек любит кого-то, что он испытывает, когда на кого-то сердится. Ведь хотя я и удалился от стамбульской жизни, но все равно продолжал жить с людьми. А жить с людьми было невозможно, не понимая их чувств. Так что просветить меня на эту тему могла только художественная литература.

Вначале я надеялся на помощь психологии, философии, в общем, наук, но искомого там не нашел. Кино казалось мне очень поверхностным, оно не давало желаемых сведений. Так что в результате я понял, что есть единственное искусство, которое способно поведать о чувствах рода человеческого и достичь самых больших психологических глубин: это литература. С того времени я купил сотни книг к тысячам, которые уже

хранились у меня, и начал заполнять новые стеллажи избранными образцами художественных произведений. Я составил длинный список, которому собирался следовать, и, по выражению Флобера, посвятил себя воспитанию чувств.

Итак, мой дом посещали четыре человека. Я уже сказал, что двое из них были Хатидже-ханым и ее сын Мухаррем. Еще приходила Арзу. Кроме них, у меня бывал мой брат Мехмед, но это особенный случай. Я расскажу его историю, когда придет время.

А посетитель, который пожаловал сейчас, очевидно, был решителен. Ведь в дверь продолжали звонить.

Ах, чуть не забыл! Уже давно в своем воспитании чувств особое место я уделял музыке. Потому что, если говорить о героизме, то его прекрасно иллюстрирует «Героическая симфония» Бетховена, а если говорить о страдании, то о нем говорит бетховенское «Адажио». Правда, я понял, что музыка не повествует о человеческих чувствах так, как литература. В конце концов, я решил, что единственной музыкой, которую я могу слушать, является легкий, плавный, мягкий джаз, в котором нет места сильным эмоциям.

В это время звон в дверь прекратился – посетитель, наверно, ушел.

Задумавшись, что следует читать после убийства Арзу, я направился в *Комнату Убийств*. Как я уже сказал выше, в этой комнате не было романов наподобие детективов Агаты Кристи, зато хранились книги писателей, сумевших исследовать темные глубины человеческой души.

Окидывая полки взглядом, я долго думал, что выбрать. В каждой из этих книг для убийства была своя причина. Либо любовь, либо ревность, либо грабеж, либо соперничество... Пока я не знал мотива преступления, никакой пользы от чтения не было. Все книги рассказывали не о жертве, а об убийце. Точнее говоря, каждая из этих книг повествовала о жертве задолго до убийства, а затем переводила внимание на убийцу или на того, кто пытался вести расследование. А сейчас я знал только о жертве.

В тот момент я вновь вспомнил о посетителе. Кто был тот человек, который так долго, так настойчиво звонил мне в дверь? Судя по тому, что это не могли быть Хатидже-ханым или Мухаррем, Арзу погибла, а Мехмед находился далеко отсюда, звонить мне мог либо полицейский, либо прокурор. В таком случае, конечно, мне следовало открыть дверь, но я уже сказал, что Керберос, который продолжал лежать в своей будке в саду, не залаял.

В эту минуту в дверь опять начали звонить. Под влиянием предшествовавших мыслей я встал и направился к двери.

В дверях стояла девчонка, которая, судя по возрасту, никак не могла работать в полиции или быть прокурором. На ней были состаренные джинсы с выбеленными коленками и белая блузка, спадавшая с одного плеча. Она была довольно высокой, стройной, светлокожей, с черными прямыми волосами. Огромные глаза привлекали внимание. Как выяснилось, поначалу она решила, что дома никого нет, но, узнав в бакалее на углу, что я очень редко выхожу из дома, решила вновь испытать удачу. Судя по всему, разговор с бакалейщиком вселил в нее надежду. Сейчас она была очень довольна, что решила вернуться и еще раз попробовать.

– Это вы Ахмед Аслан?

– Нет, – сказал я.

Она растерялась.

– Но как же? Разве не вы живете в этом доме?

– Ну, живу.

– Так, значит, вы и есть Ахмед Аслан.

– Нет, это не я.

– А как же вас зовут?

– Ахмед Арслан.

Растерянность девчонки усилилась.

– Ну да, я так и говорю.

– Нет, вы не так говорите. Вы говорите: «Ахмед Аслан», а меня зовут Ахмед Арслан.

– Так что, вы из-за одной буквы «р» говорите, что это не вы?

– Да!

– Ну, вы очень странный.

– Нет, я не странный, – холодно произнес я. – Если бы вы знали, к каким последствиям может привести одна-единственная буква... Ладно. Для чего вы меня искали?

– Говорят, вы знали Арзу Кахраман.

– Да!

– И даже вчера вечером были у них в гостях.

– Да, ну а вам какое дело?

Она протянула мне руку. Рука ее повисла в пустоте. Лицо ее вновь отразило растерянность, но она быстро овладела собой и сказала, что приехала из Стамбула работать журналисткой. Назвала одну из больших газет, которые я никогда не читал. Даже вознамерилась показать свое удостоверение. Я жестом остановил ее и спросил, что ей нужно. Оказалось, ей нужно, если это возможно, немного со мной поговорить.

– О чем? – спросил я.

На этот раз, уставившись своими черными глазами на меня, она растерянно сказала:

– Конечно же, об убийстве.

Я ответил, что об этом мне ровным счетом ничего не известно.

– Ну ладно вам, не бойтесь, я вовсе не из полиции, – усмехнулась она, – я только хотела задать вам несколько вопросов об Арзу-ханым. Я хочу узнать, что за человек она была и тому подобное. Вы же знаете, люди любят подробности.

Я сказал:

– Она была молодой. Люди считали ее красивой, она была здоровой, много смеялась, ее смех будил в мужчинах смутные сильные желания, но теперь она мертва. Это все.

Отступив на шаг, журналистка внимательно посмотрела на меня. Примерно минуту мы продолжали разглядывать друг друга, а затем она произнесла:

– Нет, какой же вы все-таки странный человек.

– Может быть, – сказал я. – У вас кончились вопросы?

– Это означает, что вы вежливо меня гоните?

– Я не знаю, что это означает. Я просто ответил вам.

Она замялась, не понимая, как ей поступить дальше. Лицо ее стало совсем растерянным. Наклонившись, она подняла большую сумку, лежавшую на земле возле ее ног. В этот момент я разглядел верхнюю часть девичьей груди, видневшуюся в широкий ворот блузки.

– Ну что, я тогда пойду, раз уж вы не приглашаете меня войти, – обиженно произнесла девушка.

– Я такого не говорил, – сказал я.

– Чего вы не говорили?

– Того, что я не приглашаю вас войти.

Тут лицо ее озарилось детской радостью.

– То есть я могу войти? – уточнила она.

Я сделал рукой подчеркнуто изящный жест, приглашая ее в гостиную.

Так в моем доме оказался пятый человек. Мы направились в гостиную, я впереди, она следом. Внезапно я заметил, что девчонка отстала, и повернулся. Она застыла на пороге и с изумлением смотрела на стеллажи.

– Ох, что же это? – простонала она.

– Дом, – заметил я.

– Что же это за дом?

– Ну, вот такой дом.

– Но это же не дом, это библиотека.

– Не бойтесь, я не заставляю вас стоять. Кресло и стул имеются, – сказал я. – А книжные колонны, которые стоят вдоль стен, на вас не упадут. Во всяком случае, пока я этого не захочу. Потому что колонны сложены с инженерным расчетом.

Я видел, что мне не удалось ее успокоить. Должно быть, она думала, не случится ли с ней чего-нибудь в логове этого чудака, дающего необычные ответы на обычные вопросы. На лице ее установилось именно такое выражение. То было не изумление, а взгляд, в котором светился вопрос – что ей следует делать? Может, уйти? Или остаться? Я сказал, что Арзу тоже поразила обстановка, впервые попав ко мне.

Задумчивость тут же слетела с нее, а в глазах загорелось любопытство.

– Арзу что, сюда приходила? – спросила она.

– Да, – ответил я. – Она приходила ко мне днем и каждый раз оставалась чуть больше часа.

– И чем же вы занимались в этот час?

– Книжки читали. – Я почувствовал, что мой ответ слегка разочаровал ее. – Ой, нет, не верьте мне, – продолжил я, – здесь же не публичная библиотека.

Теперь она и вовсе не знала, что думать. Она пыталась ухватиться хоть за какую-то ниточку, но у нее ничего не выходило. Было ясно, что в голове у нее все перемешалось. Наблюдая за ее мимикой, я внезапно осознал, что любуюсь ее очень красивым лицом, лицом милой молодой девушки, на котором все отражается. Мне нравилось изучать ее растерянность, ее любопытство. Поначалу мне совершенно не хотелось, чтобы она сюда заходила, но сейчас...

– Хорошо. Раз уж Арзу-ханым приходила сюда не затем, чтобы читать книги, то тогда вы, наверное, гоняли чай и болтали?

Стряхнув задумчивость, я ответил:

– Да. В этой деревне ей не с кем было разговаривать по душам, и поэтому она приходила сюда.

Должно быть, главным желанием девчонки было как можно скорее сделать карьеру в своей газете. Не будь в деле «клубнички», наш разговор, вероятно, не смог бы продолжаться. Было ясно, что мой рассказ вызывает у нее живейший интерес. Похоже, она начинала верить, что у нее нюх на сенсацию.

– Под тем, что вы лучше узнавали друг друга, вы подразумеваете...

Ей непременно захотелось, чтобы я сам завершил предложение и перешел к деталям, но я решил сбить ее с толку.

– Под тем, что мы лучше узнавали друг друга, – подыграл я ей, – я

подразумеваю, что мы рассказывали друг другу разные истории.

Как я и рассчитывал, на лице ее вновь появилась растерянность, придавшая ей вид обиженной девочки.

– Иными словами... – Тут она замолчала. Кажется, она совсем не знала, что ей делать. Она вертела в руках блокнот и, скорее всего, собиралась уйти. В то же время ей хотелось разговаривать со мной. В конце концов, она подавила растерянность и спросила о главном:

– Убитая Арзу-ханым была вашей любовницей?

Теперь было ясно видно, как она взволнована тем, что, кажется, поймала настоящую сенсацию. Ей, единственной среди десятков журналистов, наводнивших Подиму, удалось найти любовника убитой женщины и разговаривать с ним!

– Нет! – опустил я ее с небес на землю.

– Как это – нет?

– Мы не были любовниками с Арзу.

– Но вы же только что... – теперь она еще больше стала похожа на обиженную маленькую девочку. – Вы же только что сказали...

– Что я сказал?

Тут она взорвалась. Брови нахмурились, губы сердито поджались, она гневно посмотрела на меня и спросила:

– Мы что, с вами тут в игрушки играем, Ахмед-бей?

Как она была хороша! Эта девчонка, у которой каждую минуту менялось настроение и которая, очевидно, очень дорожила собственным достоинством, была очень интересным объектом для наблюдений. Самое странное, что с каждой минутой ее красота проступала ясней. Потому что выражения ее взгляда и лица постоянно менялись, как погода на Черном море.

– Нет! – громко сказал я. – Я не смеюсь над вами. Но вы задаете такие сбивчивые вопросы, на которые невозможно толком ответить. Садитесь, я угощу вас кофе. Давайте поговорим, спрашивайте, что хотите.

Теперь мне удалось пробить брешь в ее решимости. Гнев девчонки прошел. Она снова растерянно взглянула на меня и согласилась.

Затем я уговорил ее пройти в *Комнату Ревности* и присесть там на маленькое кресло и вскоре вернулся с двумя чашечками кофе. Она спросила, огорчает ли меня смерть Арзу. Я не ответил, потому что не знал, что сказать.

– Я поняла, – вздохнула она, – я так и предполагала.

Я не понял, что именно она поняла, но спрашивать не стал, да мне и не хотелось. Теперь она смотрела на меня так, как смотрят на неведомое

создание – изучающе, немного пугливо, но по большей части с любопытством. Так смотрят на неизвестное насекомое.

Все в ней было очень красиво – и ее брови, и ее черные глаза, и черты ее лица, и ее плечи, и ее изящное упругое тело, но больше всего мое внимание привлекали ее губы. Я не могу сказать, что у меня особая страсть к губам, тем не менее мне кажется, что губы специально задумали в качестве инструмента, который помогает девушке выразить ее душевные терзания. Сейчас они ничего не выражали, но я был уверен, что выражение губ еще не раз поменяется за время нашего разговора.

Пока я ходил, девчонка извлекла из своей большой черной сумки цифровой диктофон. Ну такой, как сейчас делают – тонюсенький, металлического цвета.

– Я хочу задать вам несколько вопросов под запись. Конечно, если вы позволите, – сказала она.

– Конечно позволю. Но у меня есть одно условие.

– Какое условие?

– Я задам вам столько же вопросов, сколько вы мне.

– Но ведь это я беру у вас интервью.

– А разве, чтобы задать вопрос, нужно обязательно брать интервью?

– Нет, – сказала она. – Но задавать вопросы – это моя работа.

– Послушайте, перестаньте понапрасну спорить. Просто это – мое условие. Вы не обязаны давать ответы на те вопросы, которые вам не понравятся.

Я замолчал, она тоже замолчала. Мы смотрели друг на друга, стараясь, чтобы кто-то из нас первым отвел взгляд, как в игре в «гляделки». Правда, она не знала, что я способен играть в такую игру бесконечно. Я могу сидеть, как мумия, не мигая и не отводя взгляда, до последнего вздоха.

Через некоторое время она сдалась и, примирительно кивнув, нажала на кнопку диктофона. Прежде всего она спросила, кто я, почему живу в Подиме, чем занимаюсь, на что живу, откуда знал Арзу и ее мужа. Я обо всем рассказал, и был искренним.

2

Беседа о любви и ревности и проклятье знать свою судьбу

Рассказал я следующее:

– Я инженер, точнее говоря – в прошлом я был строительным инженером. Мне пятьдесят восемь лет. Считается, что наша семья родом из Стамбула. Это утверждение всегда казалось мне немножко глупым, потому что в нем таится некоторое хвастовство. Мы не византийцы, фамилия наша не Палеологи, а поэтому кто знает, откуда и когда мы приехали в этот город. Должно быть, уже прошло много времени с тех пор, как мы поселились в Стамбуле, так много, что мы забыли, кто первым приехал сюда. Поэтому не следует обвинять мою мать и отца, которых давно нет с нами.

– Ого, значит, оба ваших родителя умерли? – грустно переспросила она.

– Да, умерли, – кивнул я. – Жив только мой брат-близнец Мехмед.

– Ага, так значит, Ахмед и Мехмед. Какие замечательные имена для близнецов!

– Мне кажется, это самые подходящие имена для близнецов. Мать с отцом очень разумно поступили, назвав нас так, но вы видите, что в жизни невозможно все распланировать. Они не могли предположить, что умрут, не увидев, как подрастают их близнецы. И хорошо, что они этого не предполагали, не так ли? Что может быть страшнее знания своей судьбы? Вы только подумайте: если бы каждый знал день и час, когда ему предстоит умереть, как был бы труден обратный отсчет. Разве бы мы не воспринимали каждую прошедшую минуту как гвоздь в крышку гроба? Люди боятся откровенных ответов, разве не так? Особенно это касается ранних смертей. Если бы ангел смерти нашептал Арзу час ее убийства, пока она готовилась к роскошному приему, разве смогла бы она так весело и радостно встретить гостей? Каждый человек ждал бы своего последнего часа, как осужденный на смертную казнь – шесть часов десять минут, четыре часа двадцать три минуты, один час пятьдесят одна минута или ровно тридцать восемь минут. Вы знаете, как был наказан пастух, который забыл свое место и влюбился в богиню Луны?

– Нет, не знаю, – ответила она.

Я так и предполагал.

– Боги наказали пастуха знанием своей судьбы. Он мог знать, что произойдет с ним в будущем, что произойдет с ним завтра. На свете нет наказания страшнее этого. Но боги хотели дать ему наказание хуже смерти и поэтому задумали такое. Если бы мои родители тоже знали свою судьбу, они бы ни на минуту не смогли обрести покоя. Род человеческий слаб, хрупок, смертен, подвержен любым болезням, несчастьям, страданиям, но живет так, будто не ведает ни о чем, забывая обо всем. Вот суть жизни – ее великая тайна. Забыть обо всем. Если бы не было возможности забыть обо всем, то и жизни бы не было. Человек не может продолжать жизнь, не забывая.

Она спросила меня, как умерли мои родители.

– Какое вам дело до того, как умерли мои родители? – спросил я.

– Вы согласились отвечать на мои вопросы, – напомнила она. – Как давно вы их потеряли?

Я сказал:

– Нам было десять лет, когда отец повез нас из Стамбула в Анкару на машине, чтобы навестить дедушку. В поездке на нас вылетела фура, водитель которой, как потом выяснилось, провел без сна много дней. Отец погиб на месте, а мать скончалась в больнице. Мы с Мехмедом сидели сзади и остались живы. Впоследствии мы пошли учиться в Ближневосточный технический университет. Я инженер по строительству, а Мехмед – по электрике. После катастрофы нас забрал к себе в Анкару дед, чиновник на пенсии. Дед с бабушкой вырастили нас. Впоследствии вся моя жизнь прошла на стройках, но теперь я больше не занимаюсь этой работой.

– Что за человек Мехмед?

– О, как вам сказать? Он довольно странный человек. Я бы предпочел, чтобы вы не задавали никаких вопросов о Мехмеде, потому что не готов рассказывать о нем.

– Но вы уже согласились отвечать на мои вопросы! Поэтому, пожалуйста, отвечайте.

– Нет, я не буду о нем рассказывать, и не настаивайте! Пожалуйста, давайте закроем тему Мехмеда.

– Хорошо, – нехотя согласилась она. – В таком случае продолжайте рассказывать о себе.

Я и продолжил:

– Выйдя на пенсию и оставив все позади, я поселился здесь, в этой деревушке на побережье Черного моря. Жизнь в деревне, названия которой не слышало большинство стамбульцев, проста. Никто ни к кому не лезет. А

если вам станет скучно или у вас какое-то дело, то до Стамбула два часа езды. Если же поехать от деревни на север, то через час вы доедете до болгарской границы. В деревне живут местные, которые занимаются рыбной ловлей, несколько человек искусства и науки и таких, как я, пенсионеров, которым надоел Стамбул.

– И какие у вас отношения с другими жителями деревни?

– Я никого особенно не знаю, кроме Хатидже-ханым и ее сына. Не могу сказать, что и этих двоих знаю хорошо, но все же... Именно здесь я познакомился с Али, мужем Арзу. Он выпускник Академии изящных искусств, по окончании остался там работать, стал преподавателем. Одновременно начал писать картины, выставляться, в общем, прославился. Два года назад они переехали сюда, услышали, что один странный инженер из Стамбула тоже поселился в деревне, и захотели познакомиться. Хотя я и пытался какое-то время сохранять дистанцию, Али с Арзу добились своего. В особенности Арзу. С Али она познакомилась, когда училась на последнем курсе. Али был ее преподавателем. Влюбившись в эту жизнерадостную девушку, Али развелся с супругой и женился на Арзу. Надо думать, что ему не хотелось постоянно сталкиваться со своими прежними знакомыми, которые провожали его осуждающим взглядом, и он решил купить в Подиме двухэтажную виллу с большим садом и поселиться здесь. В прошлом году у них родился сын, они назвали его Эмир. Мальчик был первым сыном Арзу, но четвертым ребенком Али. Старшие дети, двое сыновей и дочь, уже давно выросли и стали самостоятельными.

– У них, наверно, большая разница в возрасте, – заметила девушка.

– Да, большая, – сказал я, – довольно большая. Попробую предположить... Навскидку примерно тридцать лет.

– Тогда не стоит удивляться, – покачала она головой с видом опытной женщины.

– Чему не стоит удивляться? – спросил я.

– Я хочу сказать, что в такой ситуации женщины обычно изменяют. Разве не для этого она и к вам приходила?

– Она не была моей любовницей.

– Какой она была?

– Веселой. Людей привлекала ее энергетика. Ее смех, ее манера двигаться, ее походка – она была полна жизни.

Девушка спросила, была ли Арзу красивой. Я сказал, что она была красивой, даже очень красивой, и сказал так, как будто в чем-то признался. Девушкам обычно не нравится, когда им рассказывают о красоте других женщин. Девчонка на какое-то время задумалась. По лицу пробежали

неясные тени. Затем она спросила:

– Вы могли бы быть отцом этого мальчика, как его зовут? Эмир.

– Нет, конечно, – ответил я. – С чего вы взяли?

– Вы уверены?

– Конечно, уверен, – сказал я. – Это не мой ребенок.

Она спросила, откуда у меня такая уверенность.

– Я уверен, – произнес я, – потому что у нас не было тех отношений, на которые вы намекаете.

– Да-а-а, – протянула она, – все проясняется. Убийство ревнивым мужем.

– Я не понял, что у вас проясняется.

– Ну, муж узнал, что у его жены с вами связь.

– Прошу меня простить, – сказал я. – Не сердитесь, что я смеюсь, но если бы вы познакомились с Али, то вы бы сразу увидели, какая это глупая теория. Он не может ни на кого поднять руку не то что с ножом, но даже с кисточкой.

– Нечего смеяться надо мной.

– Милочка, не стоит сразу обижаться. Ваши предположения совершенно неверны. Я просто немного улыбнулся, – сказал я.

– А может быть, все наоборот.

– Что значит «наоборот»?

– Может быть, это не ревнивый муж, а ревнивый возлюбленный.

– То есть вы называете убийцей меня?

– Почему бы и нет?

– Послушайте, вы так искренне злитесь, что мне снова хочется смеяться, и вы снова на меня разозлитесь. Точнее говоря, вы слишком быстро обижаетесь.

Мои слова прозвучали как предупреждение, и в комнате воцарилось молчание.

– Теперь моя очередь, – сказал я. – Кто вы? Чем занимаетесь? Есть ли у вас муж? Кто ваши родные?

– Я обязана вам отвечать? – напряглась она.

– Да, – сказал я. – Слово есть слово. Я вам все рассказал, теперь и вы обязаны мне все рассказать.

Она облизывала губы, не зная, с чего начать. Затем, судя по всему, решив, чтобы все это поскорее закончилось, начала быстро-быстро рассказывать. Она сказала, что изучала журналистику в Мраморноморском университете и, закончив его, начала работать корреспондентом в газете, а одновременно поступила в магистратуру. Нет, она не замужем, живет

вместе с родителями, ее отец – зубной врач, у него частный кабинет в Кадыкёе, а мать – домохозяйка. У нее нет братьев и сестер, она – единственный ребенок. Убийство в Подиме – ее первое большое задание, которому она сразу придумала именно такой заголовок. Если она выполнит его с успехом, то ее положение в газете упрочится.

– У вас есть возлюбленный?

Этот вопрос застал ее врасплох. Она растерялась и, широко раскрыв глаза, переспросила:

– Что вы сказали?

– Я спросил, есть ли у вас возлюбленный.

Это совершенно меня не касается! Как я осмелился такое спрашивать, какой же я странный человек! Гневно ответив мне, она внезапно заметила, что диктофон по-прежнему включен, и воскликнула:

– Ужас какой-то! Я, оказывается, записываю сама себя. Видите, до чего вы меня довели.

– Что я такого сделал, что вы так разозлились? – усмехнулся я.

Девушка ответила, что я действую ей на нервы, что перехожу границу и вообще она ни разу в жизни не встречала такого вредного человека, как я. Сейчас она встанет и уйдет отсюда и постарается никогда больше даже не вспоминать об этом визите. К тому же с чего это я вдруг настойчиво отказываюсь отвечать на вопросы о моем брате Мехмеде? Можно подумать, из простого желания защитить его? Будто это у него была связь с Арзу, и поэтому я не желаю говорить, где он сейчас находится, и пытаюсь это скрыть.

В сердцах произнеся все это, она запихнула диктофон в сумку, вскочила и направилась к выходу. Я вежливо открыл перед ней дверь, ей не пришлось в голову пожать мне на прощание руку (и хорошо!), она даже не сказала «до свидания». Но едва она сделала шаг, как я тихонько проговорил вслед:

– В том доме находился еще один человек.

Она остановилась. Выждав какое-то время, девчонка, не поворачиваясь ко мне, спросила:

– В каком доме?

– В доме Арзу и Али. Возможно, именно он и даст ответ на ваш вопрос об убийстве из-за любви и ревности.

Она повернулась ко мне. Глаза ее сверкали. Она яростно смотрела на меня.

– Кто же это? – спросила она.

– Вот и попытайтесь узнать. А если не получится, то приходите сюда

после обеда. Я вам расскажу очень интересную вещь. Вы просто изумитесь.

– Прийти еще раз? Ну уж нет. Вы, наверное, совсем с ума сошли. Я сюда шагу больше не сделаю.

Я расхохотался и повернулся к своему псу.

– Керберос, – сказал я, – давай вежливо попрощаемся с нашей разгневанной гостьей.

Керберос весело залаял в ответ и помахал хвостиком. Девушка заметила:

– У вас все старинное, даже кличка собаки. Это и есть тот самый Керберос?

– Да, – ответил я.

Так я их познакомил.

3

Подрезанные уши Кербероса, Светлана и проявление гнева

Уже долгое время Керберос охранял мой дом. Он не обладал тремя, пятью либо семью головами, как его мифологический тезка Цербер, но его единственная огромная голова была такой страшной и уродливой, что хватало одного его взгляда на неприятного гостя, чтобы тот сделал ноги. Пес был огромным. Так как он не помещался в будках фабричного производства, то мне пришлось пойти к плотнику и в итоге заказать настоящую собачью виллу.

Керберос, уши которого были подрезаны, чтобы в случае борьбы волки не смогли схватить его за уши, был самым огромным экземпляром кангала – турецкой пастушьей собаки – и выглядел сущим чудовищем.

Пока я провожал журналистку, пес бросал на меня взгляды, словно желая сказать: «Ну, ты опять молодец». Я знал, что девушки ему нравятся, и приходы Арзу ему тоже нравились. Сейчас было видно, что он очень доволен визитом этой девчонки. На Хатидже-ханым, конечно, он так не смотрел. Мошенник делал такую морду, будто он ее и женщиной-то не считает.

– Нечего так на меня смотреть, – сказал я ему. – Это была просто журналистка.

В ответ пес осклабил, и только я знал, что это означало всего лишь улыбку. Остальных его оскал просто пугал. Потом он наклонил голову и лег на землю. Этот пес был хитер как лис. И меня он понимал очень хорошо.

Вернувшись в дом, я вновь пошел в *Комнату Ревности* и какое-то время размышлял, что мне делать. Может быть, стоит выйти и отправиться на место преступления? Но там, должно быть, работали полиция и прокурор, так что в моем приходе не было никакого смысла. Они, так или иначе, когда-нибудь постучатся ко мне и позовут на допрос. Так что лучше всего оставаться дома.

Я решил, что будет лучше, если я надену не свою домашнюю одежду, а брюки с рубашкой. Так что, когда за мной придут, я буду готов. Я направился к шкафу. Из отделения, на котором красовалась надпись «*Двадцать пять градусов и выше*», я выбрал серые брюки, а к ним – белую

хлопчатобумажную рубашку. Из отделения для обуви достал легкие мокасины и надел без носков. Мокасинам было самое меньшее двадцать лет. Ведь я, как уже говорил, жил на свою пенсию довольно стесненно, едва сводил концы с концами, а деньги вкладывал только в дешевые издания книг, как правило, из вторых рук. Я очень люблю свою старую одежду, и, когда мне приходится покупать что-то новое, чувствую себя не в своей тарелке. Особенно я не могу терпеть этикетки новых рубашек. Они натирают затылок, и мне хочется тут же сорвать рубашку с себя. А новые ботинки натирают мне ноги.

На кухне я достал из холодильника кусок мяса, зелень на салат и принялся готовить обед. Я стараюсь есть пищу простую, но питательную. Обычно в моем доме не бывает углеводов вроде хлеба и макарон (единственное исключение – миндальное курабье, которое я ем каждый день на завтрак). Поэтому я не толстею. Признаться, мне удастся сохранить один и тот же вес благодаря тому, что мне повезло: я худой и высокий и минимум три раза в неделю стараюсь совершать длительные прогулки пешком по берегу моря. Этого вполне хватает, но, если говорить начистоту, с поддержанием нужного веса становилось все сложнее. Мне требовалось есть все меньше, а ходить все больше, но я был готов платить эту цену. К тому же прогулки нужны не только мне, но и Керберосу, и мне приходилось подолгу бродить в его компании.

Я не стремился никому понравиться и вовсе не заботился об этом, но быть худым – это хорошо и полезно для здоровья. Я верил, что так смогу прожить дольше. Я готовил себя к тому, чтобы прожить здоровой жизнью до ста лет. Для этого я каждый день составлял для себя программу питания и читал на эту тему научные статьи в интернете. Ведь главная обязанность человека в жизни – следить за собой и прожить как можно дольше. Разве не так?

С этой мыслью я тут же отправился к столу, чтобы записать ее в тетрадь. На этот раз я не стал перечитывать свои слова, как делал обычно. Лучше посмотрим через несколько дней, какими мне покажутся ныне столь блестящие мысли. Отложив блокнот на журнальный столик, я потянулся к лежавшей раскрытой книге. Последующие несколько часов прошли за ее чтением. Вокруг все было спокойно, из деревни не доносилось никакого шума. Телефон тоже не звонил. Ближе к трем часам дня, в то время, когда я обычно чищу себе фрукты, залаял Керберос. Журналистка была удивлена, что я так быстро открыл.

– Вы что, ждали за дверью? – спросила она.

– Нет, – пожал я плечами. – Просто Керберос сообщил, что вы здесь.

– Почему вы решили, что это я?

– Я уже сказал – Керберос сообщил мне об этом.

Она насмешливо посмотрела на меня:

– Ваша собака со смешным именем сообщила, что пришла молодая журналистка?

– Да, именно так.

– Вы серьезно?

– Серьезнее некуда.

– И что, вы хотите сказать, что разговариваете с животными?

– Не знаю, можно ли это назвать разговором. Тем не менее какой-то диалог происходит.

– Вы и в самом деле говорите совершенно серьезно.

– Да, ведь я не похож на человека, который часто шутит, – заметил я. – Хватит вам препираться со мной, вам удалось узнать, кто еще был в доме, помимо мужа с женой?

– Да, кажется, там была гувернантка, она присматривала за ребенком.

– Светлана.

– Как, простите?

– Светлана... Так зовут гувернантку. Она из Болгарии.

– Мне об этом не сказали.

– Вы хотите узнать ее историю?

– Да.

Я сказал гостье, что готовлю салат, и предложил вместе пообедать.

– А на пороге вы не можете рассказать?

– Ну что вы! – возмутился я. – Мы что, будем в дверях разговаривать?

Беспомощно опустив руки, она лишь выдохнула: «Уффффф!» Я видел, что ее терзают жуткие сомнения, входить или нет. Ведь ей и так наверняка было непросто сюда вернуться. Упрямые девчонки редко отказываются от своих слов, но она сделала над собой усилие, потому что ее съедало любопытство. Ее гордость была задета, я это видел совершенно ясно.

Я пригласил ее еще раз. Наконец она согласилась:

– Хорошо, но только ненадолго. Самое большее – на полчаса, потому что мои друзья возвращаются в Стамбул, и мне надо ехать с ними.

– Ладно, постараюсь рассказать как можно быстрее, даю слово.

Она смущенно вошла, мы сели в той же комнате, я угостил ее дыней на маленькой тарелке. Она принялась задумчиво есть.

Я начал рассказывать о Светлане:

– Светлана выучилась на медсестру. Сейчас ей слегка за тридцать. Высокая шатенка, аккуратная и очень дисциплинированная. Она носит

белый медсестринский халат, в другой одежде я ее не видел. Зачем Светлана сюда приехала?

– Она в кого-то влюбилась у себя на родине. Долгое время они были вместе. Однако мужчина без всяких объяснений бросил Светлану и женился на другой женщине. К тому же оказалось, что женщина, ради которой он оставил Светлану, невероятно глупа. Для Светланы это был удар по самолюбию, которого она не вынесла, и она захотела уехать как можно дальше от этого человека. А самая близкая подруга Светланы была турчанка. Она отправилась вслед за своей подругой, которая со своей семьей переехала в Турцию.

Беспокойство девчонки все больше возрастало.

– Да-да, я вижу, что ваше время подходит к концу, – опередил ее я, – постараюсь как можно быстрее перейти к сути дела. Прошу прощения, но если вы не будете постоянно смотреть на свои часы, то мне будет легче сосредоточиться. Всякий раз, когда вы смотрите на них, я ощущаю давление.

Усмехнувшись, она согласно кивнула.

– Вот так гораздо лучше, – сказал я. – Так что я говорил? Приехав в Турцию, Светлана отправилась в одну из фирм, которые ищут работу иностранцам, а те прежде всего отправили Светлану сиделкой в один дом ухаживать за пожилой больной. Женщина была при смерти. Светлана очень дисциплинированный человек, она великолепно справлялась со своими обязанностями, вовремя давала лекарство, меняла простыни, делала массаж от пролежней, кормила ее... Но почему вы встали? Ваше время истекло? Постойте, постойте, я сейчас заканчиваю. Когда пожилая женщина, несмотря на столь тщательный уход, все же умерла, Светлана осталась без работы и обратилась в ту же фирму. На этот раз ее отправили в другую семью в Стамбуле. Она присматривала за двумя маленькими детьми одной семейной пары, оба из родителей в которой постоянно работали. Светлана и там... Что случилось? Почему вы рассердились?

– Я сюда пришла вовсе не за тем, чтобы слушать о мытарствах болгарской медсестры.

– Но я как раз дошел до самого захватывающего момента, потому что после той семьи Светлана отправилась в Подиму смотреть за новорожденным сыном Али и Арзу, Эмиром.

– Ой, все, надоел этот ваш рассказ! – вспыхнув, вскочила журналистка. – Вы всякую ерунду рассказываете. Я сама виновата, что вновь пришла в этот сумасшедший дом выслушивать всякий бред. Вам лучше разговаривать с вашей собакой. Как там ее зовут, Керкенес? Вот с

ней. Вам как раз подойдет.

Она яростно схватила сумку, повесила на плечо и двинулась к двери. Мне даже послышалось, что она пробормотала «Черт тебя побери!» или что-то в этом роде.

Я побежал за ней, опередил и вновь с большой вежливостью открыл перед ней дверь. Не глядя на меня, она вышла, не сказав ни слова, не попрощавшись. Серdito зашагала по садовой тропинке.

– До свидания! – сказал я ей вслед. – Признаться, очень плохо, что машина уезжает так рано, потому что я подошел к самому важному моменту, который прольет свет на преступление.

Она слегка запнулась, но все же продолжала шагать. Когда девушка дошла до кованой садовой калитки, я крикнул ей вслед:

– Светлана, как безумная, влюбилась в Али!

Ее рука замерла на металле решетчатой калитки, однако, не оборачиваясь и не глядя на меня, не говоря ни слова, она все-таки покинула мой сад, широко шагая в своих майках.

Керберос насмешливо оскалился, словно бы говоря: «Ну что?»

– Все в порядке, даже не переживай! – успокоил я его. – А вот тебя мне надо отпустить погулять. Побегай немножко, только выбегать из сада и пугать прохожих я тебе запрещаю. Рыться в цветах тоже.

Он громко фыркнул.

Я знал, что, несмотря на мое предупреждение, пес, одуревший от сидения на цепи, сорвется с места ураганом, чтобы выплеснуть скопившуюся энергию; он помчится что есть мочи к забору, взрывая на ходу землю, в последний момент, оказавшись перед самым забором, попятится. Любой мало-мальски твердый предмет тут же окажется в его пасти. Хвала Аллаху, сад был немаленьким. Участок, выделенный в те времена, когда земля в деревне была дешевой, составлял примерно четыре денюма^[1]. Пес мог носиться сколько ему вздумается.

Я ждал примерно полчаса, затем подозвал его, взял на поводок и повел на прогулку. Я всегда стараюсь брать с собой Кербероса только после того, как он набегаются и устанет. Он такой сильный, что никакая цепь ему не помеха, он просто тащит меня вперед, как машина, и все. Правда, ошейник помогает напомнить псу, кто главный, если он очень уж разгуляется.

Мы вышли на берег моря. Под вечер дневная жара несколько спала. Палящее солнце уже направилось к горизонту, и все вокруг начало покрываться розовой дымкой. Рыбаки вытаскивали из моря свои сети. Несколько рыбацких катеров плыли к берегу. Шум их моторов эхом долетал до нас, становясь все громче.

Я посмотрел на шагомер, закрепленный у меня на поясе: 2342 шага. В общем, до обязательной ежедневной нормы мне еще было далеко. Я зашагал быстрее. Кербероса приходилось оттаскивать от тех мест, где он замирал, вероятно, нанюхавшись мочи какой-нибудь очаровательной суки.

Граждане, приехавшие отдохнуть к берегу моря на один день, уже складывали свои покрывала, собирали грязную посуду, мангалы, мячи, которые целый день гоняли по берегу их дети, и грузили все это в свои машины. Скоро начнется всеобщее плотное движение в сторону Стамбула. Девчонка, должно быть, давно в машине, подумал я. Сейчас она непременно рассказывает своим приятелям о странном человеке, с которым познакомилась в Подиме. Может быть, даже называет меня «сумасшедший старик».

Что бы она сейчас про меня ни говорила, мне не было до нее никакого дела. С такими неопытными молоденькими девочками очень сложно. С Арзу все было намного проще: ни она не ждала от меня ничего, ни я от нее. Она сразу согласилась на мое требование не прикасаться друг к другу. Мы могли разговаривать, могли дружить, но даже на простое рукопожатие я не был согласен. Сначала это мое желание показалось ей странным, но потом даже понравилось. Лишь однажды она спросила:

– Прости, Ахмед, это что-то значит для тебя?

– Нет, – ответил я, – это ничего для меня не значит, но я не могу ни к кому прикасаться, будь то мужчина или женщина, и не позволю кому-то касаться меня.

– О-о-о, – улыбнулась она. – В этой стране тебе, должно быть, трудно приходится, дружок! Признаться, мне самой не нравится, когда наши мужчины обнимаются и целуются, здороваясь, но что поделаешь? Таков обычай. Даже Али так делает... Стоит ему встретить знакомого, как кидается ему на шею и давай целовать.

Мы с Керберосом приближались к центру деревни. Отсюда до дома Али было уже недалеко. Если я сверну на тропинку слева, то примерно за десять минут дойду, подумал я, но не свернул.

Кто знает, что теперь происходило в их доме? Я был не в состоянии заниматься всем этим. Мимо нас пронесся полицейский фургончик, выкрашенный в защитный цвет. Должно быть, его появление как-то связано с убийством. Кроме этой машины, по дороге на скутерах проехали еще двое жителей деревни. Я с ними не поздоровался. Коренные жители Подимы недолюбливают богатых «понаехавших». Они – люди очень традиционных взглядов; как правило, переселенцы с Балкан; ходят в мечеть, совершают намаз, часами сидят в кофейне, где играют в нарды, а

приезжих стамбульцев терпят только ради денег, которые выручают за продажу участков. Они живут в собственном мире. Я уверен, что любые вечеринки, вроде тех, что устраивались в доме Али, скажем, в честь открытия художественной выставки, местные считают настоящим непотребством.

На обратном пути я бросил взгляд в сторону дома Али, однако идти туда мне вновь не захотелось. Наверняка там собрались всякие плачущие и причитающие люди, имам. Произносятся молитвы и все такое. Я это терпеть не могу. Вообще говоря, не знаю, можно ли так рано начинать читать молитвы. Женщину-то еще ведь даже не похоронили, наверняка ее тело сейчас в больнице на вскрытии. Как бы то ни было, я все равно узнаю подробности завтра утром от Хатидже-ханым. Она не сможет промолчать, даже если я ее об этом попрошу. Ой, а ведь завтра вечером на урок английского ко мне должен прийти еще и этот странный парень, ее сын. Поверьте, выучить Кербероса английскому гораздо проще, чем этого тупицу. Вот уже несколько лет мне не удастся обучить его даже цифрам, которые мы перечисляем, загибая пальцы обеих рук. One, two, three...и вдруг five. Сынок, что это такое? А четвертый палец ты куда дел? Забыл? Six! Какое six? Сынок, а четверку куда ты дел? Четверку! Four! Вспоминай! Давай еще раз сначала.

Если б не его мать, я бы не вынес этого мучения. Никто, кроме Хатидже-ханым, не в состоянии делать уборку, не нарушая порядка в расстановке книг. Никто, кроме нее, не способен гладить брюки так, чтобы не получалось стрелок; развешивать одежду так, как она разделена по погоде; разбирать тесные рубашки по цвету и фактуре ткани; стирать носки в горячей воде. Она обходится без пылесоса, потому что я не терплю никакого шума в доме и т. д. и т. п. Поэтому я был вынужден терпеть ее придурочного сыночка, который и рот-то толком не умел закрытым держать. За все в жизни надо платить.

Подходя к своему дому, я заметил, что бакалейная лавка на углу, как всегда, открыта. Бакалейщик, усы которого были тронуты сединой, летом работал до полуночи; наверное, ожидал, что какой-нибудь припозднившийся турист придет покупать вафли, каленый горох, семечки, раки, хлеб или халву. Ближе ко входу он поставил холодильник с мороженым. Сам он жил вместе с семьей на верхнем этаже странного двухэтажного дома, собранного из всякой всячины, а одну комнату сдавал в качестве пансиона. Он постоянно заставлял работать всех своих близких: жену, дочь и обоих сыновей. На кассе раньше сидел его отец – хаджи. Увы, он умер в прошлом году от рака гортани. Бакалейщик сам был не промах,

но мы хорошо ладили и друг другу не мешали. Он был доволен, что рядом с его лавкой поселился постоянный клиент, а я был доволен тем, что рядом с моим домом есть хороший магазин. Таков наш рациональный мир.

Ужин и гадость, похожая на испорченное сливочное масло, только коричневого цвета

Художественно смешанные краски заката дарили мне невероятное наслаждение, когда я входил в свой сад, вовсе не надеясь никого там увидеть. Девчонка сидела на ступеньках крыльца и что-то писала в телефоне. Услышав скрип калитки, она поднялась и направилась ко мне. Прежде всего надо было привязать Кербероса. Она подошла к будке и, стоя рядом, рассказала, что уже ехала в Стамбул, но по дороге получила некое сообщение и из-за этого даже была вынуждена вернуться.

– Что же было в сообщении? – спросил я.

– Арестовали Светлану, – сказала она.

Я подумал, что в полицейском фургончике, который проехал мимо меня, возможно, находилась Светлана. Я видел, как девчонка взволнована. Она напала на след настоящей сенсации. Она хотела, чтобы я помог ей, рассказав все, что знаю. От прежней ее ярости не осталось и следа. Она сгорала от нетерпения.

– Хорошо, – согласился я. – Но ведь вы ни одного своего обещания не держите.

Она спросила, о каких обещаниях идет речь. Я напомнил, что в ответ на ее право задавать мне вопросы я тоже получаю право задавать свои, и она должна на них отвечать, однако она сразу нарушила эту договоренность и ни на один вопрос толком не ответила. Она надула губки, на ее лице промелькнуло выражение безысходности.

– Но я же отвечала, – сказала она скучным голосом.

– Отвечали вы не полностью, а кроме того, сами задавали мне гораздо больше вопросов, – возразил я. Некоторое время я смотрел ей в глаза, а потом продолжил: – Вы нарушили уговор, но можно все исправить. Я расскажу вам о Светлане и обо всем, что происходило в том доме. С одним условием... Вы должны со мной поужинать.

На мгновение она замерла, было видно, что девушка колеблется. Я резонно заметил, что сейчас уже вечер и все равно не удастся уехать из Подимы. Как бы то ни было, ей следует подкрепиться. К тому же думала ли она, где остановится на ночь?

– Нет, я еще не думала об этом, – призналась она. – Новости так

взволновали меня, что я решила не забивать себе голову такими мелочами, как ночлег, решив, что наверняка в Подиме есть какой-нибудь отельчик или пансион.

– Есть. – Я показал ей на нелепый дом у бакалейщика. В этот момент зазвонил ее телефон.

– Мама, я опоздала на автобус, сегодня вечером приехать не смогу. Я в Подиме ради важного сюжета, осталась здесь, нашла пансион. Да, мамочка, не беспокойся. Да, конечно, я поужинаю, а завтра утром позвоню. Все, не могу больше разговаривать! Все, мама, пока. – И повторила: – Ну все, мама, пока, пока-а-а-а, целую-ю-ю-ю.

Прошло около двух минут, а девушка все повторяла: «Пока, мама!» Ясно, что женщина на другом конце провода спуску чаду не давала. Наконец, в очередной раз произнесла: «Мама, целуюююю», она освободилась.

– Мне нужно всего десять минут, чтобы приготовить великолепный ужин, – сказал я, когда мы оказались на кухне. – А вы пока взгляните на книги. Я недолго, у меня есть фуа-гра. Я открою бутылку белого.

– А что такое фуа-гра? – спросила она.

– Гусиная печень, – объяснил я. – Ее привозят из Франции. В Стамбуле продается лишь в некоторых магазинах. Это деликатес.

Она пожала плечами, не проявив особенного интереса к фуа-гра, и ушла в соседнюю комнату.

Я положил в тостер два кусочка хлеба, а из буфета достал консервированный фуа-гра, который привез мой брат Мехмед. Затем налил в бокалы основательно охлажденное белое вино. В дополнение к фуагра положил еще инжирное варенье. И пригласил девушку к столу. Она пришла, села, с кислой миной посмотрела на еду.

– Вот это и есть тот самый чудесный ужин, который вы обещали?

– Да.

Я заметил, что она смотрит на варенье. Вопрос светился в ее глазах. Я сообщил, что инжирное варенье отлично сочетается с гусиной печенью, и начал рассказывать ей о том, как едят фуа-гра. Объясняя, я взял на ножик немного варенья и намазал его на поджаренный хлеб с фуа-гра. Она сделала несколько глотков вина и поморщилась. Я протянул ей кусочек хлеба, на который намазал варенье, и сказал, что ей очень понравится. Она взяла его с большим сомнением, какое-то время разглядывала, с недоверием откусила, замерла – и выплюнула все в салфетку.

– Господи, что это? – воскликнула она. – Дрянь-то какая, похоже на испорченное сливочное масло, только коричневого цвета. Тьфу!

В самом деле, казалось, будто ее сейчас стошнит. Сам того не желая, я рассмеялся. Она глотнула еще вина, чтобы перебить вкус, но и вино ей пришлось не по нраву. «Газировка!»

– Все с ума сходят по фуа-гра, – пожал я плечами.

– Приятного им аппетита, но это жуткая дрянь.

– Теперь я не знаю, чем вас угостить, – признался я.

Девушка смягчилась:

– Можно просто брынзу с хлебом.

Я снова рассмеялся. Она удивленно посмотрела на меня.

– Вам, наверное, точно так же и сыр мой не понравится, – сказал я. – Куплю-ка что-нибудь в бакалейной лавке. Сэндвич пойдет?

– Конечно, пойдет, но давайте не будем терять время. Лучше перейдем к новостям. Бросьте вы эту еду и рассказывайте.

– Ну уж нет. Вы дали слово. Я все расскажу вам после еды, а сейчас оставляю вас одну на несколько минут.

Я отправился к бакалейщику за сэндвичем с овечьим сыром и колбасой. Стоял теплый мягкий летний вечер, море сильно шумело. На пути в бакалею до меня донесся разговор проходивших мимо рыбаков. Из него стало ясно, что завтра будет шторм. Так вот почему рыбаки вытаскивали на берег лодки. Странно – вечер накануне шторма всегда бывал тихим, теплым и приятным. Так было и на этот раз.

Бакалейщик, усы которого были тронуты сединой, заметил:

– Кажется, у вас сегодня гость! Бедная девочка долго под дверью стояла!

– Да, – сказал я. – Журналистка из Стамбула. Это по поводу того убийства.

Пока бакалейщик делал сэндвич, я спросил, свободен ли у него пансион. Как я и предполагал, комната оказалась не занята.

Сэндвич девушка съела с аппетитом. Затем мы пили кофе в *Комнате Убийств*, которая была просторнее других, и я рассказал ей об Али, Арзу и Светлане.

Она спросила меня, как я понял, что Светлана влюблена в Али.

– У меня, – сказал ей я, – есть привычка, которой не мешают ни чувства, ни эго. Возможно, вы заметили – я наблюдаю за всеми и за всем. Многие слишком сильно заняты своими чувствами и собственным эго. Они не интересуются другими людьми. А я интересуюсь.

Было видно, что девушка не верит мне; ее глаза говорили: «Оставь ты уже эти рассказы, переходи к делу!»

– Давайте проведем эксперимент, – предложил я. – Например, я

попытаюсь узнать вас.

– Ой, ну хватит уже ваших приколов!

Все эти молодежные словечки и присказки, несомненно, сохранились у нее с университетских лет.

– Помните, я спросил, есть ли у вас возлюбленный, а вы рассердились. Теперь я больше не задам этот вопрос, потому что ответ и так знаю. Возможно, вы с кем-то и флиртуете, но серьезных отношений у вас ни с кем нет. Это несложно понять. Из вашего телефонного разговора я узнал, что вы живете с родителями и постоянно отчитываетесь о том, где находитесь. Кроме них и ваших коллег по газете, вам никто не звонит, да и вы не посчитали нужным кому-либо сообщить, что на ночь останетесь здесь. Некоторое время назад вам пришло сообщение, но вы даже его не открыли. Значит, вы решили, что это неважно. Если бы у вас был возлюбленный, он бы постоянно вам звонил. А может быть, даже приехал сюда.

– Мы что, сейчас о моей личной жизни речь ведем? – возмутилась девушка. – Вам-то какое дело? Я не стану вам отвечать. Кто вы такой? Может, у меня есть возлюбленный, а может, и нет, может, вот-вот будет, может, совсем никогда не будет! Вам-то какое дело? Просто удивительно!

– Ладно, – сказал я. – Продолжу-ка я свой рассказ. Поведаю вам о жизни в доме Али.

– Расскажите о Светлане?

– Я бы уже давно вам о ней рассказал, если бы вы в прошлый раз не разозлились и не ушли.

Обманщики, обманутые и ночь убийства

Сказал я ей следующее:

– Светлана получила хорошее образование. Однако эта красивая женщина, разочаровавшись в любви, решила начать новую жизнь. Она с большим трудом зарабатывала на хлеб. Разве легко ухаживать за пожилыми, убирать за ними? Разве легко выносить за больными стариками утку?

– Я предпочитаю, чтобы вы говорили только о том, что касается нашей темы, – перебила она.

– Но я и говорю о том, что касается нашей темы, – возразил я. – Я как раз подхожу к самому главному, вы лучше послушайте. Ни с того ни с сего эта образованная красивая женщина оказывается в Подиме, и фирма по подбору персонала отправляет ее в дом Али. В этом доме живет молодая, намного моложе нее, красивая, но капризная женщина. Она живет с образованным и творческим человеком. Светлана может говорить с Али о литературе, о политике, о жизни, о живописи, но Арзу она считает невероятно безголовой, невежественной и совершенно не заслуживающей счастья. Она считает ее бестолковой необразованной дурой, которая единственное, что смогла, – заполучить богатого мужа. Сверх того, Арзу очень грубо обращается с домашней прислугой, нередко и Светлана слышит в свой адрес разные унижительные слова. А тем временем Светлана обязана смотреть за ее ребенком. Время от времени она думает о том, что не Арзу, а именно она заслуживает такого дома, такого мужа и такого милого ребенка. Часто она вспоминает своего прежнего возлюбленного, который оставил ее из-за такой же глупой женщины. Со временем она начинает воспринимать Арзу как препятствие. Кроме того, она замечает, что Арзу часто исчезает из дома, то есть обманывает Али. Мы находимся в маленькой деревне, здесь невозможно что-либо скрыть, поэтому Али обо всем знает. Однажды днем, когда Арзу снова уходит из дома, между Светланой и Али происходит сближение, и они занимаются любовью в супружеской кровати. В этом занятии любовью важную роль играет не столько привлекательность Светланы, сколько желание обманутого мужа отомстить. С того самого дня дело приобретает опасный оборот. Светлана, которая уверена, что Али в нее влюблен, верит: если Арзу исчезнет, она в мгновение ока получит ту жизнь, о которой мечтала. У нее будут

прекрасный дом, любящий муж и сын. Она вырастит маленького Эмира, которого очень любит, как собственного сына. Единственное условие – исчезновение Арзу. Ее ненависть к Арзу растет с каждым днем, захватывая все ее существо, словно сорняк. Теперь у нее единственная цель в жизни – избавиться от этой женщины. Ночь перед убийством, когда в доме были гости, Светлана проводит в комнате ребенка и слышит оттуда голоса развлекающихся гостей и веселый громкий смех Арзу. Затем наступает тишина, и Светлана понимает: дом опустел. Воспользовавшись тем, что малыш уснул, она на минутку выходит из комнаты, чтобы спуститься на первый этаж и налить себе на кухне стакан молока, однако, спустившись в гостиную, видит на ступеньках пьяную Арзу, сидящую с бокалом шампанского, прислонившись головой к перилам. Арзу начинает задира́ть Светлану. Спрашивает ее, почему та ушла из комнаты, почему оставила ребенка одного. Светлана отвечает, что Эмир крепко спит, а она отлучилась только на минутку, чтобы налить себе молока. Однако Арзу ничего не слышит и выходит из себя. Светлане нужно знать свое место, ей нельзя спорить с хозяйкой дома. «Я тебя наказываю, – кричит Арзу, – немедленно поставь молоко и иди наверх». Арзу топа́ет ногами. Светлана молчит и спокойно пьет молоко, как будто ничего не слышит. Это окончательно выводит Арзу из себя. «Я знаю, какая ты дешевая шлюха, – кричит она, – как вертишь хвостом перед моим мужем. Немедленно убирайся из этого дома, сию секунду, не дожидаясь утра, собирай свои манатки и убирайся! Я сотню таких служанок, как ты, найду. К тому же работающих, честных, а не таких проституток, как ты!» Светлана открывает ящик, достает хлебный нож, ничего не говоря, идет к ней. Внезапно вопль Арзу прерывается, она понимает, что лежит на полу из-за сильного удара Светланы. Глаза ее полны ужаса. Поднявшись, она в панике пытается бежать наверх, однако Светлана настигает ее на первых ступенях, хватая за волосы, а затем вновь ударяет ее ножом. Пять, десять или двадцать раз – она не замечает. Кровь капает на мраморный пол. Опыт медсестры подсказывает Светлане, что Арзу умирает, и, схватив нож, она бежит в детскую. В комнате она прячет нож под кровать крепко спящего Эмира, затем направляется в ванную, торопливо принимает душ и при этом внимательно проверяет, чтобы на ней не осталось волос Арзу, а под ногтями – ее кожи. Через некоторое время внизу раздаются крики. Светлана спускается и делает вид, что растеряна и страшно напугана. Нож на следующий день она уносит и закапывает в лесу. Что случилось? Что вас так поразило?

– Очень интересно, невероятно интересно. Я как будто бы фильм смотрю.

– Ну что вы, – ответил я. – Я просто рассказываю.

– Вы очень интересно рассказываете, однако коечто не дает мне покоя. У меня возникло такое ощущение, что вы прятались в углу и все это видели.

– Я просто все это предположил. Я несколько раз замечал, с какой ненавистью Светлана смотрит на Арзу, видел признаки ее сближения с Али, и все это помогло мне домыслить историю.

– Что? – воскликнула она. – Вы все это выдумали?

– Да, – ответил я, – выдумал.

– То есть то, что вы мне только что рассказали, – неправда?

– Правда, еще какая правда. Разве вы не знаете, что выдумка часто реальнее самой реальности. Точнее говоря, она – единственный способ понять реальность.

Ну конечно же, она этого не знала.

– Ну так пойми же это, наконец, детка, – невольно перешел я на «ты».

– С чего это вы называете меня деткой? – возмутилась она. – И почему «тыкаете»?

– Да так, просто вырвалось, – сказал я, смутившись. – Не обращайтесь внимания, я так часто обращаюсь к молодым. Вы лучше подумайте, какую сенсацию произведет этот рассказ в газете.

После того как я это сказал, у нее явно появилась какая-то идея. Она даже заерзала от нетерпения.

– Погодите, – сказал я, – не надо так волноваться. Вы же только что переживали, что это неправда.

– Ох, да вы решите наконец, где правда, где неправда. У вас то правда, то неправда – все вместе.

– Эта история может не совпасть с тем, что пережила Светлана на самом деле, и с тем, что случилось в доме Али. Но я хочу сказать, что в конце концов, с точки зрения человеческой натуры, все могло произойти именно так, как я вам только что описал.

Заметив разочарование в ее глазах, я продолжил:

– Все это не может быть полной выдумкой.

– Ну, а как я напишу о вашем рассказе в газете? – спросила она.

– Вот уж этого я не знаю. Но Светлану действительно задержали. Так что рассказанная мной история может быть подоплекой всех событий. Чего вы еще хотите? Неужели газеты всегда пишут правду?

Она вновь повеселела:

– Все прямо с ума сойдут.

– Так что вы простите меня за то, что я заставил вас есть эту

коричневую гадость, похожую на сливочное масло.

Она криво усмехнулась и кивнула.

– Ну и хорошо, – сказал я. – Вот и договорились.

– Вы бы лучше повкуснее покупали продукты, – сказала она. – Видно, что у вас нет проблем с деньгами.

Я не стал говорить ей, что скромное пенсионное пособие, которое мне платит моя фирма, и собственно государственная пенсия целиком уходят на книги и на самом деле я не могу себе позволить купить фуагра, который она так опрометчиво выплюнула.

– Ладно, – сказал я. – В следующий раз так и сделаю. Впрочем, деликатесы мне привозит Мехмед. Там у них все очень дешево.

– Там у них – это где?

– За границей. У нас налоги на импорт очень высокие.

– Я все время думаю об этом вашем загадочном братце, – сказала девушка, нахально глядя на меня. – Почему вы его прячете?

– Я его не прячу.

– Еще как прячете, – повторила она самоуверенно. – Может, даже прямо сейчас, в этом доме держите его в одной из комнат и стесняетесь мне показать.

– Зачем мне это нужно?

– Вот уж не знаю... Может, он у вас инвалид, может, душевнобольной... – Она не решалась продолжить. – А может...

– Что «может»?

– Может, он как-то связан с убийством Арзу Кахраман.

Я засмеялся. С ее стороны глупо было предполагать такое.

– Почему вы всякий раз волнуетесь, стоит только заговорить о Мехмеде? – спросила она. – Что вам мешает рассказывать о нем?

– Я не могу о нем говорить! – вздохнул я. – Позвольте, это останется моей тайной.

Так закончился тот вечер. Провожая девушку до ворот, я думал, что никогда не увижу ее. Утром она уедет в Стамбул и больше сюда не вернется, так как дело об убийстве будет закрыто. Так будет лучше, подумалось мне. Девушка была непростой.

Прежде чем закрыть за собой кованую калитку, она посмотрела на моего пса, который дружелюбно махал хвостом.

– У него всего одна голова, у вашего Кербероса, а какой страшный.

– Наконец-то вы узнали, кто такой Цербер, – улыбнулся я.

Она улыбнулась и помахала телефоном:

– Спасибо гуглу! – И зашагала в сторону дома бакалейщика, в котором

горел свет.

Шторм, или Кривой галстук молодого прокурора и странная стена

Ночью мне снова снились синие зайцы. Как же быстро они мелькали у меня перед глазами! Одновременно я слышал, как ветер ударяет в ставни, и слышал, как шумят волны. То и дело звучали далекие раскаты грома. Было ясно, что начался шторм.

Хатидже-ханым, которая своим ключом открыла дверь, вынудила меня встать с кровати.

– Аллах, Аллах, разверзлись хляби небесные, – запричитала она. – Это кровь Арзу-ханым жаждет отмщения.

Я внимательно посмотрел на уличный термометр: температура упала до семнадцати градусов, на Черном море всегда так – один день одна погода, на другой другая. Я подошел к шкафу и из отделения, где лежала домашняя одежда, рассчитанная на пятнадцать-двадцать градусов, достал подходящий комплект.

– Я скоро спущусь! – крикнул я Хатидже-ханым. – А ты пока свари кофе и достань курабье.

Я слышал, что она, как всегда, пошла на кухню и, прежде чем варить кофе, принялась наводить там порядок. Интересно, что она сделает, когда найдет салфетку, в которую девушка выплюнула фуа-гра? Салфетка осталась лежать на столе. Скорее всего, тоже решит, что какая-то гадость.

У меня заняло двадцать минут принять душ, побриться и одеться. Затем я спустился на кухню. Кофе и курабье были уже на столе. А Хатидже-ханым начала разговор:

– Помилуй, Аллах, Ахмед-бей! Что ты скажешь обо всем этом? У нас тут никогда такого не было. Мне так жаль бедняжку, такая красивая. А уж когда я про кошку узнала, мне совсем плохо стало.

Я спросил, о какой кошке она говорит.

– А вы что, не слышали? Помните, у Арзу-ханым была белоснежная кошка, она никогда не выпускала ее из рук, очень избаловала. Так вот! Когда Али-бей вернулся домой, он нашел Арзу-ханым в крови, кровь растеклась по белоснежному мрамору, и кошка эту кровь облизывала, да еще с удовольствием облизывала, говорят. А еще говорят, у нее вся морда в крови была. Фу, как мне плохо стало, когда я об этом узнала! Кошка

облизывает кровь своей хозяйки!

Домработница болтала взахлеб, как всегда. После кошки она взялась за Светлану:

– Мне эта неверная из Болгарии никогда не нравилась. Болгарские гяуры всегда злые. Наши переехали оттуда и все время рассказывали, что вытворяют болгарские гяуры. Они очень-очень злые!

От меня не требовалось никаких ответов, ни единого звука, даже кивков. Я хорошо знал, что местные терпеть не могут чужаков. Хатидже-ханым делала уборку и болтала без остановки.

Я услышал, как к гулу шторма на улице добавился еще вой. Это был голос Кербероса: «Осторожно, на пороге враг!»

Тут же раздался звонок в дверь. Увидев вопросительный взгляд Хатидже-ханым, я сказал:

– Открой, посмотри, кто там.

Женщина быстро вышла из кухни и почти сразу раздался ее взволнованный голос:

– К вам полиция!

Когда я подошел к входной двери, то увидел двоих полицейских – капрала и рядового. Они очень вежливо сказали мне, что прокурор вызывает меня для дачи показаний.

– Хорошо, – сказал я. – С вашего позволения, я только оденусь. Правда, у меня есть справка от врача – ко мне нельзя прикасаться, меня нельзя брать под руки, нельзя на меня надевать наручники. Ладно?

Капрал усмехнулся:

– Ладно, трогать мы вас не будем. – «Кому ты нужен», наверное, подумал он.

Поднявшись на второй этаж, я выбрал уличную одежду по погоде – серые штаны, синюю рубашку и темно-синий пиджак. Потом я решил надеть еще синий галстук в белую крапинку, чтобы произвести хорошее впечатление на прокурора. Затем я зашел в ванную и помазал свои начавшие сесть на висках волосы брилантином, а потом аккуратно их расчесал. В довершение всего я пару раз прыснул на себя лосьоном после бритья, которым пользуюсь уже сорок лет. Теперь я был готов к встрече с человеком, который будет меня допрашивать. Посмотрев на мой внешний вид и на одежду, все решат, что перед ними настоящий бей-эфенди^[2]. Такой человек не может совершить преступление. Спустившись, я сказал Хатидже-ханым, чтобы уходила, когда закончит работать. Она напомнила мне, что вечером придет ее сын.

– Давай-ка перенесем его приход на другой день, – предложил я. –

Сегодня и так много хлопот.

На пороге я захватил зонтик и вместе с полицейскими вышел на дождливую улицу. Я хотел придержать зонтик и над ними, но они оказались от такой чести. У садовой калитки стоял полицейский фургончик, который я видел вчера. Капрал сказал мне, что они отправляли мне сообщение, в котором говорилось, что меня вызывают на допрос, но я не ответил, поэтому они приехали за мной сами. Я признался, что редко смотрю на телефон. Если бы я увидел сообщение, то, конечно, пришел бы.

– Куда мы поедem? – спросил я. Они назвали районный центр, к которому относилась деревня. Значит, придется прокатиться. Все это время Керберос лаял и рвался с цепи, словно желая сказать – если бы ты меня не привязал, тебя бы никто не увез.

Меня усадили в заднюю часть фургона. Я подумал, что довольно странно смотрюсь в таком виде, но делать было нечего.

Море стало грязно-серым. Правду говорят, что в море отражается цвет неба – когда небо серое, вода тоже становится серой, как грязь. А каким оно было синим еще вчера! Так под дождем, через лес, по разбитой дороге, мы не без труда доехали до районного центра.

Меня подвезли к зданию розового цвета, на котором красовалась надпись «Дворец правосудия». На прокуроре, молодом человеке с тонкими усиками на усталом лице, был мятый коричневый костюм. Острые кончики воротничка рубашки задрались вверх, а пестрый галстук съехал в сторону и казался повязанным криво. Меня его вид почему-то сразу насмешил, и я поймал себя на том, что улыбаюсь, вовсе того не желая. Прокурор спросил, почему я смеюсь.

– Просто так, – ответил я.

Эти чертовы костюмы – такая штука! Стоит надеть хорошо сшитый, чистый, отглаженный костюм, как он сразу придаст вам шикарный вид; а стоит облачиться в выдавший виды и мятый – превращаешься в бомжа. В общем, прокурор производил неприятное впечатление. Кажется, его мятая рубашка была еще и велика ему – манжеты доходили служителю Фемиды до середины ладоней.

Отчего-то вид прокурора вызвал у меня ассоциации, которые мне было трудно облечь в слова: пара чьих-то глаз из прошлой жизни, смотревших на меня с ненавистью и жаждой мести, ледяная от холода комната, силуэт человека, утратившего все человеческое... Ни сам прокурор, ни кабинет, в котором он сидел, никак не были связаны с этими ассоциациями, и видение тут же исчезло.

За спиной у прокурора висело панно, затянутое бордовой тканью. На

нем – портрет Ататюрка. Ататюрк был снят в профиль, еще до того, как сбрил усы. Фотография была цветной, правда, из тех, которые раскрасили намного позже. Прокурор указал на один из стульев, я сел. Прежде всего он попросил безмолвно сидящую в углу за столом секретаршу записать данные моего удостоверения личности. Та записала. Затем, повернувшись ко мне, прокурор спросил, в какое время я покинул дом потерпевшей в ночь убийства.

- Когда все расходились, – сказал я.
- Кто-то видел, как вы уходили?
- Я не знаю. Али сел в машину, остальные гости тоже.
- То есть вы просто встали и ушли, так?
- Да.
- Вы с кем-нибудь прощались?
- Нет.
- Почему?
- У меня нет такой привычки.

Я прекрасно видел, что прокурор явно считает меня подонком. Кажется, мой шикарный вид и запах лосьона, наполнивший комнату, оказались здесь неуместными, и, вместо того чтобы понравиться, я создал впечатление прямо противоположное. Прокурор задал еще несколько вопросов, но я не придавал им значения. Разве Светлану не арестовали? Тогда зачем этот допрос?

В ту минуту дверь отворилась, и вошел Али. «Господин прокурор, могу ли я теперь идти?» – спросил он. Вид у Али был жалкий: измотан, глаза распухли. Увидев меня, он направился в мою сторону, причитая: «Ох, Ахмед, ох, братец». Мне показалось, что он хочет обнять меня, а может, даже и поплакать у меня на груди, и поэтому я, сам того не желая, поднял обе руки, отстраняясь от него.

Али остановился, пораженный, хотя прекрасно знал мои привычки. Прокурор внимательно наблюдал за нами обоими. Пока Али стоял растерянный, прокурор обратился ко мне:

- От кого вы узнали об убийстве?
- От моей домработницы Хатидже-ханым.
- Вы ходили потом в дом потерпевшей?
- Нет, конечно!
- Почему?
- А что мне там делать?
- Вы не звонили Али-бею? Например, чтобы выразить соболезнования?

– Нет!

В этот момент Али сказал прокурору:

– Я позже приду, господин прокурор!

– Али, мои соболезнования! – сказал я ему вслед.

Он даже не посмотрел на меня, ясно было, что он очень обижен.

Прокурор продолжал допрос:

– Вы хорошо знали Арзу-ханым?

– Да!

– Она иногда приходила к вам в гости?

– Верно.

– Зачем?

– Да ни за чем, просто поболтать.

– Между вами что-то было?

– Что вы имеете в виду? Особые отношения между мужчиной и женщиной? Нет, у нас таких отношений не было.

Он заглянул в лежавшие перед ним бумаги и что-то в них искал. Затем некоторое время читал нужные показания и, наконец, всем своим видом выражая сомнение, произнес: «А свидетели говорят обратное. Они говорят, что Арзу-ханым нередко приходила к вам, оставалась у вас дома по несколько часов, а выходила изрядно растрепанная».

В ответ я лишь усмехнулся с деланным безразличием. Прокурора моя ухмылка вывела из себя.

– Вы вообще-то на допросе об убийстве, – резко сказал он.

– То, что Арзу-ханым выходила от меня растрепанная, – не что иное, как фантазии соседа-бакалейщика.

В ответ прокурор, несколько поколебавшись, протянул мне оранжевую папку. Я раскрыл ее: внутри были фотографии, снятые полицейскими на месте преступления. Арзу в своем красном платье лежит ничком на лестнице, голова на ступенях, юбка задрана. Одна из туфель слетела с ноги. Вокруг словно растеклась не кровь, а стекла краска с ее платья.

Пока я разглядывал фотографии, прокурор внимательно изучал меня. Поблагодарив, я вернул ему папку.

Затем он повернулся к секретарше: «Пиши».

Он произнес несколько обязательных формальных фраз, однако содержательная часть, касавшаяся меня, была нерадостной. «В суд направляется запрос на ордер об аресте подозреваемого в связи с несостоятельностью его алиби (подозреваемый не сумел доказать, что его не было на месте преступления в момент убийства; у него нет свидетелей); в связи с необходимостью проведения углубленного допроса

(подозреваемый продемонстрировал неуверенность при ответе на вопросы), подтверждения заявлений подозреваемого, а также в связи с возможной его попыткой скрыться от следствия».

Воцарилась тишина. Я не знал, что мне делать, но решил, что следует встать. Так что я встал. Прокурор, скорее всего, ожидал, что я начну возражать и возмущаться, но я молчал, и он растерялся. Спohватившись, он нажал на кнопку звонка, вошли полицейские.

Они-то и отвели меня в подвал и заперли в сырой темной камере. В той камере я провел много часов. Я сидел в ней и думал, что надо было хотя бы книгу с собой взять. А потом произошло нечто странное: мне показалось, что стена передо мной пытается что-то рассказать, о чем-то напомнить. Я внимательно смотрел на нее: стена была выкрашена в странный серый цвет, подобного я раньше никогда не видел, краска местами облупилась, пятна сырости разъели ее. Больше ничего особенного в этой стене не было – стена как стена.

Почему мне все это казалось, я понять мне мог. Я пытался отвести глаза и смотреть в другое место, но стена продолжала гипнотизировать меня. Чтобы избавиться от этого наваждения, я решил поиграть сам с собой в одну игру: я попытался представить всех литературных героев, которые когда-либо попадали в тюрьму. С одной стороны двухъярусной кровати я усадил Мерсо, а рядом с ним поместил Жана Вальжана, чтобы они могли разговаривать между собой по-французски. Катюша с Раскольниковым говорили вполголоса по-русски чуть поодаль, скорее всего, они обсуждали визит Нехлюдова. Али из Кешана уселся у стены, Доктор Б играл в шахматы.

Прошло немало времени. Наконец меня отвели наверх. Когда меня поставили перед дежурными судьями, я обратил внимание на то, что судьи старше прокурора. Мне опять задали те же вопросы, я произнес те же ответы. Меня снова заставили ждать, а потом отпустили.

Когда я вышел на улицу из здания прокуратуры и суда, уже темнело. Светились магазинные вывески. Я дошел до стоянки такси и поехал в Подиму. В дороге мне представлялось, как все пережитое за этот день медленно стирается из моей памяти. И действительно, я будто вовсе уже забыл произошедшее. А может, мне только так казалось. Почему я все время думал о той стене? Навстречу не было ни одного автомобиля. Асфальт на шоссе местами провалился, впадины заполнились дождевой водой, и, когда колеса такси то и дело попадали в них, по сторонам разлетались брызги.

Когда я подошел к дому, Керберос радостно залаял. «Я немного

устал, – сказал я ему. – Прости, но я не могу пойти с тобой гулять, лучше отвяжу тебя. Договорились?» Только хвост мелькнул вместо ответа.

Визит соблезнования и кошка с окровавленным носом

Войдя в дом, я сразу отправился в душ и долго стоял под горячей водой. Потом поужинал оставшимися в холодильнике полуфабрикатами и запил все вином из той бутылки, которую откупорил, угощая журналистку. Она назвала это дорогое вино газировкой. Я невольно усмехнулся. Наверно, сейчас она в Стамбуле вместе с родителями.

Я лег в кровать и, слушая раскаты грома и шум волн и ветра, задремал. Сон мой был глубоким и без сновидений.

На следующее утро никакие синие зайцы вокруг меня не скакали. Все окутала тишина. Даже ветер не бил в ставни. Потеплело. В комнату проникали тусклые солнечные лучи. Когда я встал и открыл окна, то увидел, что шторм успокоился.

Мне пришла в голову мысль, что в этот день непременно нужно сделать что-то важное, но что именно – я понять не мог. Такое было чувство, будто я что-то запланировал. За чашкой кофе я вспомнил: мне нужно было пойти в дом к Али, как бы ни был неприятен ему и мне этот визит. В противном случае возникла бы ненужная и тяжелая напряженность.

Я оделся по погоде и, взяв с собой Кербероса, направился к дому Али по залитым водой вчерашнего дождя дорогам. У дома никого не было. Перед калиткой я привязал Кербероса. Пес помалкивал, потому что был очень доволен прогулкой после многочасового сидения на цепи. Хатиджеханым, должно быть, хорошо его покормила.

Войдя в сад, я сразу вспомнил позавчерашнюю вечеринку: тогда над нами светила полная луна, дом был превращен в галерею. На стенах висели новые картины Али. Приглашенные, быстро взглянув на полотна, почти сразу выходили в сад, принимаясь за выпивку и разговоры в группах по несколько человек. Все гости были известными в Стамбуле личностями в сферах прессы, рекламы, торговли. На самом деле все эти мужчины и женщины были скучными и мелочными, соперничали и ненавидели друг друга, но все без исключения делали вид, будто друг друга обожают и от души веселятся. Запах жасмина пьянил, гости безостановочно опрокидывали спиртные напитки, разносившиеся на подносах. В одном из

углов сада был накрыт «шведский стол». Вечеринку обслуживала стамбульская кейтеринговая компания.

На Арзу было красное платье на тонких бретелях, которое открывало загорелые ноги и едва прикрывало грудь. Она обнималась с гостями, большинство которых были ее старинными приятелями, чокалась с ними и хохотала. Казалось, что она опьянела. Я тоже взял бокал шампанского с подноса у официанта, но, как только сделал глоток, сразу понял, что компания сэкономила – вместо шампанского было газированное вино. Я стоял, не зная, что сделать с бокалом. Я не мог на глазах у всех оставить его на столе. В тот момент мне на глаза попался Мухаррем, который тащил стопку грязных тарелок.

– Возьми, – сказал я.

Парень унес все на кухню.

Я не знал почти никого из гостей и не собирался ни к кому подходить, но Арзу, увидев меня, принялась приговаривать: «Ой, кто пришел, кто пришел!» и подошла ко мне вместе с группой гостей, с которыми в тот момент разговаривала. Подойдя, она рассказала им обо мне, назвав меня выдающимся инженером и очень образованным человеком. По ее словам, если бы кому-то довелось увидеть мой дом, они бы не поверили своим глазам, потому что он как Национальная библиотека Турции – я целыми днями читаю, но при этом очень хороший друг. Все эти слова не произвели на меня никакого впечатления, но они весьма заинтересовали гостей, жаждавших приключений.

Арзу познакомила меня с каждым – кто-то оказался известным телеведущим, а кто-то популярным колумнистом центральной газеты, и каждый из них протягивал мне руку. Увидев, что я в ответ не пожимаю рук и только киваю в знак приветствия, гости удивились. Улыбнувшись, Арзу добавила: у этого инженера очень странный характер, и он ни к кому не прикасается. В ответ на это один журналист с белой бородой и раскосыми глазами пошутил: «Что, и к тебе, приятель, никто не прикасается?» На что Арзу ответила: «Нет, не прикасается!» Тут бородатый расхохотался и сказал: «Действительно, очень странный человек». Остальные засмеялись вслед за ним. Я тоже засмеялся. Так мы вместе посмеялись над моим странным характером.

Я предположил, что Арзу спит с этим человеком – очень уж они бесцеремонно общались. Я хотел, чтобы Арзу наконец отвлеклась от меня. В это время подошла новая группа гостей, и они обо мне тут же позабыли.

Той ночью месяц безжалостно освещал землю. В доме на десять минут погасили освещение. В ярких лучах лунного света все, кто был в саду,

превратились в темные силуэты. Повисла напряженная тишина. Эти минуты были похожи на пролог спектакля, который намекал на то, что вскоре будет пережито в доме. Я подумал об этом позднее, когда вспоминал произошедшее. Конечно, в ту минуту я не знал, что произойдет, но тем не менее на мгновение во мне возникло неприятное чувство, созданное лунным светом. Мне показалось, что я один в целой Вселенной. Лунный свет, который почему-то вдохновляет поэтов и влюбленных, всегда напоминал мне свет на операционном столе.

Когда огни загорелись вновь, я ушел в дом. Раздвижные двери первого этажа были раскрыты, пространство гостиной объединилось с садом. Пол был покрыт белым мрамором, стены были белоснежными. Картины Али с изображением луны показались мне типичными образчиками романтики китча, однако, когда через некоторое время он подошел ко мне, я сказал:

– Какой ты молодец. Уверен, все картины быстро раскупят. Какая хорошая идея устроить открытие выставки картин о луне во время полнолуния.

Он простодушно поблагодарил меня. Вечеринка мне казалась сущей глупостью, картины, в общем, тоже, однако мне не хотелось вступать в бессмысленные споры и начинать бессмысленные ссоры. Я научился не говорить правду. Мне порядком действовала на нервы громкая музыка, игравшая в саду. Каждому приходилось развлекаться самостоятельно. Большинство гостей танцевало. Самым смешным, конечно, был тот бородатый журналист. Если я сейчас вздумаю уйти, это непременно кто-то заметит, и Арзу придется сказать что-нибудь насмешливое. Поэтому я поднялся в кабинет Али, нашел книгу про Альваро Аальто, сел на кожаную кушетку и принялся читать. Рядом на журнальном столике стоял хрустальный графин с водой, я налил из него рюмочку. В кабинете было спокойно, меня никто не видел.

Примерно через десять-пятнадцать минут открылась какая-то дверь, перед открытой дверью кабинета прошла Светлана в белом переднике. Мы молча поздоровались, вскоре раздался звук спускаемой воды. Светлана вновь прошла мимо кабинета и вновь кивнула мне. В молчании этой женщины таится многое, подумал я. Она прочла много книг, так как училась в еще советской Болгарии, она не такая, как все эти пустышки внизу. К тому же она красивая женщина со стройной фигурой.

Я долго разглядывал белые здания Аальто и думал о том, как похож на стиль его архитектуры стиль музыки Сибелиуса, о том, что в его простоте кроется глубина и о том, что лаконичность дизайна японцев присуща и финнам. За этими размышлениями я задремал и, видимо, какое-то время

проспал. Меня разбудил автомобильный гудок. Белая кошка Арзу пришла и свернулась клубочком рядом. «Тебе что, тоже шум надоел?» – спросил я ее. Она молча посмотрела на меня и ничего не ответила. Кошка эта с горделивым нравом.

Спустившись, я увидел, что вечеринка подошла к концу. Несколько автомобилей выезжали со двора, Арзу, наверное, кого-то провожала. Я подождал, пока машины уедут, а затем не прощаясь покинул вечеринку и в полной темноте зашагал домой.

У меня было странное чувство, когда я вновь шел в этот дом. После дождя сад не блестел, как той ночью. Все словно бы испортилось, развалилось, сгнило. Я сделал несколько шагов по мокрому газону, и он отозвался чавканьем.

Раздвижные двери гостиной были сомкнуты. Я уже собирался войти, как передо мной возникла Светлана. Неизменная белая униформа, волосы, затянутые в тугий узел. Я спросил, где Али. Он спал.

– Он очень устал.

Она проглатывала турецкие слова, говорила со славянским акцентом. Мы сели в гостиной, она принесла чай. Я спросил, как дела.

– Меня возили в полицию, – сказала она.

– Я знаю, меня тоже возили. А потом что было?

– Прокурор с судьей все вопросы задавать, задавать. Я рассказать им – у меня друг есть, ее звать Фериха, она тут в доме работает. Той ночью все, кто в доме был, уехал в Стамбул, Фериха ко мне пришла. Она боится быть одна. Я взял разрешение у Арзу-ханым, Фериха пришла, Эмир наверху поел, потом уснул. Мы в моей комнате смотреть телевизор. Потом уснуть мы с Ферихой. Али-бей закричать, мы проснулись, побежали вниз – так и увидели Арзу-ханым. Инспектор спрашивал Фериху, и меня выпустить.

– Хорошо, что у тебя есть Фериха и она свидетель. Кто, по-твоему, мог это сделать?

Светлана наморщилась, подняла глаза к потолку, какое-то время думала, а потом сказала:

– Не знать. Не знать я. Никто на ум не приходит.

Я спросил ее про кошку:

– Правда, что она лизала кровь Арзу и мордочка у нее была вся в крови?

– Да, – отозвалась она. – Я чуть сознание не потерять, такой страх. Вся морда красной стала. Это не кошка, это шайтан. Ей-богу, серьезно говорить, шайтан.

– А где сейчас кошка?

– Я прогнать шайтана из дома, к тому же огреть палкой, – ответила Светлана.

В этот момент я услышал, что Али спускается по лестнице. У него по-прежнему были распухшие глаза, и, казалось, он испытывает вину из-за того, что спит после всего случившегося.

– Я с той ночи глаз не сомкнул, – сказал он извиняющимся тоном, – так что просто выключился.

– Ну конечно. Ты же не в состоянии не спать до конца жизни.

Затем я выразил ему соболезнования, как полагается, и извинился за свое поведение у прокурора.

– Ты меня знаешь, – сказал я, – это у меня болезнь какая-то.

– Я знаю, – сказал он, – я просто растерялся в тот момент и обо всем забыл.

Он задумался и, помолчав какое-то время, продолжил:

– Арзу тебя очень любила. Она говорила, что, когда разговаривает с тобой, чувствует себя очень нужной.

Ему было непросто договорить эти слова, голос его задрожал, и он заплакал. Светлана отправилась в кухню, видимо, чтобы заварить ему чай. Я от всего сердца пожелал, чтобы она поскорей вернулась, потому что не знал, как себя вести с человеком, который так рыдает. Но Светлана долго не шла, и я молча сидел, разглядывая картины. В свете дня они выглядели еще более отвратительными. Снаружи раздался яростный лай Кербероса.

– Я привязал у калитки собаку. Мне пора идти, – объявил я, вставая. Али продолжал сидеть, обхватив голову руками. Когда я подошел к железной калитке, то понял, отчего Керберос лает как сумасшедший. Кошка Арзу хотела вернуться в дом, однако Керберос не давал ей пройти. Кошка шипела. Мне показалось, что я вижу у нее на морде кровь, несмотря на то что прошло немало времени. Кошка вела себя дико. Наверное, она видела убийство. На ее морде застыло хищное выражение. Я подошел к ней и сказал:

– Ты наверняка что-то знаешь!

Она зашипела и на меня и, отступив, выгнула спину. Мы с ней никогда не могли договориться, она не желала устанавливать со мной никаких отношений. В ответ на это я спустил Кербероса с поводка, и он бросился на кошку, но та была очень быстрой и сразу же вскарабкалась на невысокое дерево неподалеку. Керберос бродил под деревом и лаял.

В тот момент мимо дома проходили двое деревенских мальчишек, которые видели эту сцену и начали швырять в кошку камнями. Пара камней достигли цели, кошка вздрогнула, но не упала. Это раззадорило

мальчишек, они принялись кидать в кошку все, что попадалось им под руку, не давая той расслабиться. Керберос в это время встал на задние лапы и лаял на нее снизу. Кошка поняла, что долго она не продержится, и, метнувшись с дерева, как молния, одним махом перескочила забор. Мы ее даже рассмотреть не успели. Мой огромный пес растерянно смотрел мне в глаза.

После этой маленькой склоки я направился домой и, переодевшись в домашнюю одежду, засел за чтение. Я взял сразу три книги, потому что уже много дней не читал. Я переворачивал страницы, но в то же время вспоминал тюремную стену с пятнами сырости. Между мной и стеной установилась какая-то связь, я был в этом уверен. Интересно, что она хотела мне сказать? О чем же мог быть наш разговор?

Где кончаются истории и начинается правда?

На следующее утро, пока я был наверху у себя в спальне, Хатидже-ханым вновь открыла своим ключом дверь. Я решил, что она никогда не замолчит.

Они с мужем так расстроены, так расстроены, что чуть оба не заболели. А вот сынок их действительно заболел – у него жар, лежит, стонет. Что может такой человек, как я, такой хороший человек, к тому же такой инженер, делать в полицейской машине? Они, вероятно, что-то надумали, раз увезли меня. Но велик Аллах, видит каждого муравья, и меня он увидел, ниспослал милосердие в сердца полицейских, чтобы они быстро поняли – такой истинный эфенди, как я, не может быть замешан в темных делах. А вот она дома приготовила для меня замечательный суп, мне сейчас как раз такой полезен – согреет и исцелит. Если бы я разрешил ей готовить в этом доме, ах, что бы она только не наготовила! Но я же не терплю запаха пищи, совсем не терплю! Ну и что же, это не стыдно, у всех свои привычки. Что это за дом, в котором не готовят еду? Из такого дома и счастье убежит! Все, хорошо, хорошо, она замолкает, ведь после всего случившегося ей не хочется меня расстраивать, но, чтобы ее уважить, я должен съесть хотя бы пару ложек этого супа.

Продолжая тарыхтеть, как мотор, она, видимо, поставила разогреваться суп, потому что по дому распространился отвратительный жирный запах. Я крикнул ей сверху, чтобы она немедленно уходила. Я ей очень благодарен, но после произошедшего страшно устал и поэтому хочу спать. Сегодня она мне не нужна. Хатидже-ханым меня услышала и, сказав, что поставила суп на стол, а если я пожелаю, то в кастрюле его еще много, удалилась. В доме вновь воцарилась тишина.

Я спустился на кухню. В супе плавали кусочки мяса. Я вылил суп в миску, а затем отнес ее Керберосу. Учувя запах, он немедленно бросился к ней и принялся лакать эту похлебку. Я оставил открытой входную дверь, чтобы дом проветрился, распахнул на кухне окна. Затем вновь лег в кровать. Когда я проснулся, дело шло к закату.

Я сварил себе чашечку кофе и, взяв несколько печений, сел было за книгу. В дверь позвонили. Сначала я решил, что вернулась Хатидже-ханым. Но у нее были ключи. Зачем ей звонить? Может быть, полиция? Но Керберос не лаял.

Я спустился. Кто же стоял передо мной? Наша девица. На ней были белая блузка с длинным рукавом и джинсы. Выглядела она очень свеженькой, с легким, едва заметным макияжем: на веках фиолетовые тени, брови чуть подрисованы. Все это делало ее глаза раскосыми.

– Неужели я от вас никогда не избавлюсь, Ахмед-бей?

Я подумал, как это странно с ее стороны спрашивать такое, но ничего ей не ответил. Должно быть, она решила разрядить ситуацию. Мы поднялись на второй этаж, и я предложил ей кофе с печеньем.

Она заговорила со мной, наполовину шутливо, наполовину серьезно: что я за человек такой, почему сюрпризы не кончаются. Моя теория относительно Светланы развалилась, а ведь именно я убедил ее написать об этом в газету, и вышла «утка». К тому же, говорят, меня арестовали. Что же здесь происходит? И не ездила Арзу в Стамбул к своим старинным приятелям, и вовсе не была Светлана влюблена ни в какого Али, и никакой связи у них не было... Неужели я все это выдумал? Где кончаются истории, где начинается правда? Пора уже все рассказать начистоту – она шагу отсюда не сделает, пока не узнает правду.

Журналистка вытащила из своей черной сумки газету и протянула мне.

– Впервые моя заметка была напечатана на первой полосе, – сказала она, – к тому же вместе с моей фотографией, но вот она как раз и оказалась «уткой».

Я сидел, слушал и все никак не мог понять – сердилась ли девушка или ей нравилось, что ее дурят. Она была немного взволнована, немного разозлена, но в то же время казалась радостной.

– Успокойтесь, – сказал я ей. – Разве вы знаете, когда герои ваших интервью рассказывают небылицы, а когда говорят правду?

– Конечно, знаю! – воскликнула она.

– Вот, например, разве вы знаете, когда менеджер, который помогает вам в газете, делает это из любви к профессии, а когда – из желания побыть рядом с красивой девчонкой? Не хочу ставить вас в неудобное положение, – сказал я, – но я лишь выстраиваю возможные модели развития ситуации на основе тех книг, которые прочитал, и каждый раз все складывается.

По ее глазам было ясно: она пытается понять, что я хочу сказать.

– Ведь вы на самом деле не знаете до конца, правду или нет говорит вам ваша собственная мама, что уж там о незнакомцах! Все, по большей части, рассказывают выдумки – только и всего...

– Вы много книг читаете? – растерянно спросила она.

– Да, – ответил я, – и, поверьте, выдумки, то есть выдуманные истории, – это единственная правда жизни.

– Вот уж не знала, что инженеры способны так рассуждать. Мой отец верит только в науку, а романы считает бесполезной чушью.

Я улыбнулся и сказал, что знаю многих, как ее отец, но эти люди очень сильно обманываются. Науке далеко до настоящей литературы, и наука никогда не сравнится с ней.

– Послушайте, – продолжал я, – вы ведь знаете греческие трагедии? Это пьесы, написанные задолго до нашей эры, но они все еще актуальны. Ведь и сегодня мы вспоминаем Эдипа. Где же была наука, когда писали эти пьесы? Разве в те времена не верили, что земля плоская? Разве в те времена знали о микробах? Разве не пользовались тогда примитивным трудом? Ну и тогда где же истина? Где же содержится ее светоч – в бессмертных историях или в примитивной науке?

Она задумалась и даже помрачнела. Чтобы развеселить ее, я спросил:

– Между прочим, «Эдип» с греческого переводится как «отечная нога». Пошлое имя, не правда ли? Прошу меня извинить, возможно, вам кажется, что я вас поучаю. Но, поверьте мне, литература – единственный способ узнать жизнь. Я понял это с годами.

Она подняла голову, глядя на меня серьезно, и глаза ее были полны вопросов.

– Что значит – с годами?

Я ответил, что не стоит пытаться разговорить меня таким способом.

– Да, – сдалась она, – я приехала сюда, чтобы провести исследование убийства, но познакомилась с загадочным человеком. Кто же вы такой, скажите, ради Аллаха?

Я принял напыщенный вид и прошептал:

– На самом деле я мутант, который прилетел с планеты Криптон и принял человеческий облик.

– Я не шучу, Ахмед-бей! И вы не шутите, пожалуйста, – взмолилась она. – Мне на самом деле любопытно. Я вижу, как прекрасно работают все ваши пять чувств...

Я очень серьезно возразил:

– Вы ошибаетесь.

– В чем?

– У меня четыре чувства. Одно отсутствует. Это осязание. Я не могу прикоснуться ни к одному живому существу.

– Вот почему вы не пожимаете руку.

– А если вы вспомните о моем пристрастии к фуа-гра, то решите, что у меня и еще одно чувство отсутствует.

Она засмеялась.

– Но вашу фуа-гру и в самом деле невозможно есть, ведь я права.

Затем она принялась расспрашивать меня все в той же любознательной милой манере. Например, испытываю ли я гнев. Я со смехом сказал, что таким чувством я не обладаю. Затем она спросила, чувствую ли я ревность, зависть, ненависть, страх, желание отомстить, милосердие, гордость и тому подобные вещи. Я ответил: «Нет». Она посерьезнела и спросила:

– А любовь?

Я вновь ответил: «Нет».

Она смотрела прямо мне в глаза.

– В вас нет ни капли эгоизма.

– Вы совершенно правы.

– А если я сейчас вас обругаю или вылью вам на голову горячий кофе, что вы сделаете? – спросила девчонка.

– Прежде попытаюсь уберечься или защититься, а потом решу, что вы просто отличаетесь неловкостью.

– И вы вовсе на меня не рассердитесь?

– Нет.

– Как интересно!

Она снова надолго задумалась, а потом повторила:

– Как же интересно. Ведь даже у животных есть эгоизм и простые реакции. – Помолчав еще какое-то время, она пробормотала: – Странный человек, который не может ни к кому прикоснуться, который не испытывает ни любви, ни ненависти, у которого нет эгоизма и который верит, что может разговаривать с животными... Такая история, пожалуй, будет поинтереснее убийства.

– Это все взаимосвязано, – сказал я. – Если у людей не было бы чувств, не было бы и убийств. Каин не убил бы Авеля. Кем бы ни был убийца, он бы не поднял руку на Арзу.

– По-вашему, это убийство на почве ревности?

– Возможно, – ответил я. – Тут либо любовь, либо ненависть, а по всей вероятности, сразу и то, и другое. Потому что убийца не просто ее прикончил, он долго терзал ее ножом, чтобы усмирить свой гнев.

– А что, никто не заподозрил Али?

– А с чего его подозревать?

– Ну, не знаю. Говорят, что Арзу ездила в Стамбул к старинным приятелям. Говорят, что у нее было много любовников. Может, с ним просто случился приступ ревности?

– Не думаю, – сказал я. – Али трус и, даже если разозлится, такого не сделает.

– Как по-вашему, почему Арзу так вела себя? Она не любила мужа?

– Вовсе нет. Каждый раз, когда она приходила ко мне, то рассказывала, как любит своего Али. Она говорила – я обожаю этого человека, мне повезло с ним.

– Тогда зачем же она встречалась с другими мужчинами?

– Никто не знает зачем, – сказал я. – Половое поведение человека – сложная штука. Особенно если к нему примешаны сильные чувства.

Ее слова напомнили мне одну историю.

– Что случилось? Почему вы замолчали? – спросила девушка.

– Так, подумал кое о чем. Вспомнил одну историю.

– Эта история о страсти и сильных чувствах?

– Да.

– Ну и чего же вы замолчали?

– Не могу понять, удобно вам такое рассказывать или нет.

– Ну пожалуйста, расскажите!

– Хорошо, – согласился я.

И я рассказал ей о шофере, которого встретил много лет назад в баре одного отеля города Минска, столицы Белоруссии.

История Михаила, или Первая женщина, переночевавшая в доме

Я рассказал следующее.

В те годы я работал на стройке в пригороде Минска. Иногда по вечерам, когда город под снегом выглядел, словно в сказке, я посещал минские пивные. Однажды вечером, когда я сидел в баре, рядом со мной уселся рослый русский с усами пшеничного цвета. От него веяло уличным холодом. Он был взволнован и залпом выпил одну за другой три рюмки водки, а затем, повернувшись ко мне, что-то сказал по-русски.

Сейчас твоя умная голова, которая постоянно задается вопросами, видимо, пытается понять, с чего вдруг русскому человеку разговаривать по-русски с таким смуглым южанином, как я. Но ты, конечно, не знаешь, что Советский Союз состоял из людей разных национальностей; но этот шофер... ой, надо же, я уже сказал «шофер», ну да, этот человек был шофером... Так вот, этот шофер решил, что я либо чеченец, либо абхазец. Глаза у меня не раскосые, а, наоборот, круглые, и поэтому он не счел меня ни казахом, ни киргизом, ни узбеком, но я вполне мог сойти за представителя одной из многочисленных кавказских национальностей Советского Союза. К тому же все кавказцы говорят по-русски.

Ну да ладно. Я ответил по-английски, что не знаю языка, и человек тоже перешел на английский. Он сказал, что встречает туристов в аэропорту и развозит их по отелям, а иногда проводит для них небольшие экскурсии по городу. Сам он коренной минчанин, поэтому знает город как свои пять пальцев. Сейчас его ждет дома жена, а еще у него трое детей.

Этот человек говорил не переставая. А мне как раз тогда, когда я собирался уходить, совершенно не хотелось выслушивать его биографию. Наверное, он понял это по моему выражению лица и с серьезным видом сообщил, что ему нужно мне кое о чем поведать. Я посоветовал ему рассказать обо всем жене. Он горько усмехнулся и сказал, что такое ей рассказывать нельзя. Он очень любит свою жену, у него нет секретов от своей Маши, но об этом он рассказать ей не сможет. Она – последний человек на свете, кому он сможет об этом рассказать.

Поняв, что я не смогу от него избавиться, я сказал – ну, ладно, давай выкладывай.

Выпив еще рюмку, он сказал, что встретил в аэропорту одну пару из Дании. Его машину заказали заранее, через туристическую фирму, и он должен был сопровождать их два дня в качестве гида. Сначала все шло как обычно. Люди, которых он ждал с картонкой в руках, на которой большими буквами были написаны их фамилии, оказались высокими, светловолосыми и очень красивыми. Женщина выглядела совсем как девочка, а мужчина напоминал известного киноактера.

Погрузив багаж в машину, они отправились в центр Минска. В этот момент между женщиной и мужчиной разгорелась ужасная ссора. Возможно, она началась еще в самолете, а может, продолжалась уже давно. Так как они говорили по-датски, Михаил – в какой-то момент он представился Михаилом – не понимал ни слова, но по тону их голосов чувствовал, что они готовы поубивать друг друга.

В зеркало заднего вида он видел только голову женщины. Его поразило выражение злобы и ярости на ее лице. В какой-то момент они затихли и сидели так некоторое время, а затем дама вновь начала кричать, и теперь по тону голоса мужчины было понятно, что он пытается ее успокоить, однако было очевидно, что воспринимать слова она не в состоянии. Тем временем они доехали до отеля. Михаил вытащил их чемоданы, однако женщина выходить из машины не пожелала, что-то сказала своему спутнику, и тот ушел наверх. Женщина пересела вперед на сиденье рядом с водителем и попросила его отъехать и припарковаться на безлюдной улице. Михаил сделал, как она велела. Затем молодая женщина, не говоря ни слова, наклонилась к нему... и начала совершать действия, которые могут обсуждать двое мужчин в баре, однако о них нельзя говорить молодой девушке. Все произошло и кончилось мгновенно, перед широко раскрытыми от изумления глазами бедняги Михаила. Затем женщина приказала возвращаться в отель. Она вышла у входа и с видом абсолютного довольства собой удалилась.

Михаил совершенно растерялся. Поставив машину на парковку, он вышел покурить на морозный воздух, пытаясь осознать, что с ним произошло, но понять не мог. В таком состоянии он не мог пойти домой. Прежде он никогда не изменял своей Маше, как теперь смотреть ей в лицо? Она бы тоже заподозрила что-то неладное, заметив его волнение. Поэтому он решил пойти в бар и выпить пару рюмок. Если бы он не рассказал кому-нибудь о том, что ему пришлось пережить этим вечером, он бы, наверно, умер. Собеседник благодарил меня за то, что я согласился его послушать. Я совершил добрый поступок.

– Вот и вся история, – сказал я.

Моя журналистка выдала «Wow!» на американский манер.

– Вот это да! Вот бедняга!

– Кто бедняга? – удивился я. – Михаил? Женщина? Муж женщины, оставшийся в номере? Жена Михаила?

– Ну, по-моему, все бедняги, – сказала девушка и спросила: – Ну а зачем датчанке-то все это было нужно?

– Наверное, муж изменил ей, и поэтому они ссорились. А может, он чем-то ее сильно разозлил.

– Короче говоря, она решила отомстить.

– Возможно. Кто знает, может, вернувшись в отель, она поднялась в номер, бросилась мужу на шею и спасла брак. В общем, странная ситуация. И знаете, что я сделал? Я ведь жил как раз в том отеле, и утром, перед тем как уехать на работу, дождался в вестибюле эту пару из Дании. Они вышли из лифта вместе, держась за руки, и выглядели примирившимися и счастливыми. Оба поздоровались с Михаилом, который ждал их у машины. Он открыл им двери, и они отправились кататься по городу.

– Выходит, каждый получил что хотел. Совсем как в сказке.

– Наверное, так и есть, – сказал я. – Я же говорил, что Минск – это город сказки. Но есть еще два предположения.

Она с любопытством взглянула на меня.

– Может быть, – продолжал я, – Михаил выдумал эту историю, а на самом деле ничего такого не было.

– А другое предположение?

– А может быть, это я сейчас выдумываю историю. И не было ни Михаила, ни датской пары.

Она снова произнесла «Wow!».

– Как видите, все может стать историей, – сказал я, – и у вас нет никакой возможности понять, где кончается правда. Люди постоянно врут друг другу.

– И вы тоже?

– Если нужно – да. Но обычно я не испытываю необходимости так утруждаться.

– Значит, история о Михаиле – правда.

Я усмехнулся.

– Да, правда. Если бы она не была правдой, вы, кажется, были бы разочарованы.

– Как вы связываете эту историю с Арзу?

– Люди безумны, – сказал я. – Они не сознают, что делают. В голове у них сидит диктатор, который управляет их гормонами, а они этого не

замечают, считая, что совершают поступки по собственной воле. Возможно, то, что Арзу постоянно говорила о том, как любит мужа, было просто попыткой убедить в этом саму себя. Может, она его на самом деле ненавидела. Может, ходила к другим и наказывала его за то, что была вынуждена выйти замуж за этого человека. Я же сказал, что люди безумны.

– Очень странно, что такой, как вы, называет людей безумными.

– Да, возможно, странно, но все, что я говорю, – истина. А истина всегда странна.

Я взглянул на часы – шел первый час ночи. Я спросил девушку, забронировала ли она номер в пансионе, оказалось, что нет – она совсем об этом позабыла. Но ведь пансион совсем рядом с домом, и она прямо сейчас туда пойдет. Я сказал ей, что пойти туда она не сможет. «После полуночи бакалейщик запирает дом, и все его семья ложится спать». Мы выглянули в окно – двухэтажный дом соседа был погружен во тьму. Журналистка слегка заволновалась.

– Могу выделить комнату, кушетку и ванную, – предложил я.

Она испуганно перебила меня:

– Нет, нет, это невозможно! Я не останусь здесь, я лучше позвоню в пансион – как-нибудь да услышат.

Я не стал настаивать. Девчонка ушла. Так как пансион находился сразу за моим забором, я смотрел ей вслед, прислонившись к входной двери. Она открыла железную калитку, вошла во двор, позвонила в звонок, потом еще раз позвонила и еще раз. Звонок звучал в ночи грустно, словно стон совы, но никто не открыл. Она принялась стучать кулаками в дверь, заглянула в окна первого этажа, но там не появилось ни движения, ни света. В конце концов журналистка вернулась.

– Где же эти люди?! – возмущалась она. – Тут даже глухой услышит.

– Возможно, они уехали к родственникам в соседнюю деревню, а может быть, где-то гуляют на свадьбе. Понятия не имею. Может быть, всю семью убил какой-нибудь преступник.

Она вздрогнула:

– Какой еще преступник? Их что, тоже убили?

Я засмеялся:

– Откуда мне знать! Если в этой деревне уже начались убийства, то, может быть, они продолжатся.

Она странно посмотрела на меня – я не уверен, был ли в ее глазах страх. Ну а я сказал:

– Раз уж пансион закрыт, остается два пути.

– Какие?

– Или ты ляжешь спать в будке Кербероса, – пожал я плечами, – или в моем доме. Не беспокойся, у комнаты, которую я тебе предоставлю, надежный замок.

Она долго размышляла, затем спросила, нет ли поблизости еще пансиона, и, узнав, что нет, нехотя согласилась.

– Кажется, у меня и в самом деле нет выбора, – вздохнула она. – Я только боюсь, что доставлю вам беспокойство.

– Вообще-то ты права, – согласился я. – Под этой крышей, кроме Мехмеда и меня, еще никто никогда не ночевал. Я и сам этого не хочу, но...

– Что значит – «но»? – спросила она с любопытством.

– Кажется, другого выхода и в самом деле нет. А ты непохожа на тех, кто доставляет беспокойство.

Произнеся эти слова, я внезапно заметил, что давно перешел с «вы» на «ты», но она не обращала на это никакого внимания.

Нужно было немного подготовить комнату, в которой предстояло переночевать девушке. Мы вместе пошли туда и разобрали кушетку. Поднявшись к себе, я достал из шкафа выстиранное, выглаженное и аккуратно сложенное заботливыми руками Хатидже-ханым постельное белье и полотенце. Потом вновь спустился. Девушка сидела на кушетке, безвольно опустив руки. Я спросил, о чем она думает. Оказывается, она думала о Михаиле и о том, правду ли я ей рассказал. А если правду, за что женщина так обошлась бы с собственным мужем?

– Мне кажется, Михаил говорил правду, – ответил я. – Это было ясно по тому, как он был взволнован. Понять, почему датчанка так поступила, мы могли бы, только выслушав их рассказ, но у нас нет такой возможности. Да и все равно неясно, где кончается правда и начинаются выдумки.

Она достала из своей большой сумки айпад и спросила, есть ли в доме интернет.

– Есть, – ответил я.

Она спросила, можно ли узнать пароль.

– Попробуй догадаться, – улыбнулся я. Ее лицо внезапно просияло.

– Керберос! – догадалась она.

– Угадала, – сказал я.

Затем она спросила название отеля в Минске и сказала, что перед сном хочет посмотреть, где произошла история.

– Ты великолепная слушательница, – заметил я. – Спокойной ночи, детка.

– Вот только не надо говорить мне «детка», меня это бесит.

– Хорошо, – согласился я, – спокойной ночи.

Поднявшись к себе, я вдруг понял, что ее присутствие в доме меня вовсе не раздражает. Что было для меня необычно.

Тем не менее той ночью я не спал, но вовсе не из-за девчонки, а из-за Кербероса. После того как мы улеглись, он принялся громко лаять, словно решил уподобиться своему имени и своему огромному папаше. Он долгое время не замолкал, его явно что-то беспокоило. Но что же именно? Я несколько раз открывал дверь, чтобы прикрикнуть на него, но это не помогло – он продолжал лаять.

В конце концов я вышел в сад и на заборе рядом с будкой Кербероса увидел белую кошку Арзу. Кошка сидела близко к Керберосу, но так, чтобы он не мог ее достать. Поджав под себя все четыре лапы, пристально, не сводя глаз, она смотрела на собаку. Холодный, злой взгляд кошки мне напомнил взгляд одного человека. Но кого? Я не мог вспомнить. Она была похожа на какую-то женщину, готовую совершить предательство, и, несмотря на всю жестокость своего поступка, гордилась им.

Животные хуже людей, подумал я. Надо же, как сражаются два эгоиста. Я вернулся в дом, взял свой армейский нож и вновь тихонько вышел в сад. Кошка не видела и не слышала меня из-за громкого лая Кербероса. Я взял нож за самый кончик лезвия, прицелился и быстро метнул его в кошку. Нож только задел ее, правда, и этого хватило, чтобы напугать. Она подскочила и скрылась в темноте. Вообще-то я не хотел ее убивать, мне с того никакой пользы не было, но это был единственный способ заснуть той ночью.

Я поднял нож с земли и, входя в дом, увидел, что девушка тоже проснулась. Увидев, что я иду из сада с ножом в руке, она испугалась и спросила, что произошло. Я ей рассказал все, как было. Добавил, что хотел убить кошку, потому что не мог заснуть, но у меня ничего не вышло.

– Ножом? – растерянно переспросила она.

– Да, – подтвердил я. – В армии я был командиром, раньше хорошо метал нож, но, надо же, теперь все забыл. Ну, давай, теперь спокойной ночи.

Той ночью больше не раздалось ни звука, поэтому я смог заснуть легким сном, таким же мягким, как шерсть белой кошки.

Минареты, которые пьют воду, знакомство с Любимой, опасности любви, признания на берегу

Когда я проснулся тем утром, синих зайцев не было. Никто не знает, куда они исчезли, но вместо них я увидел что-то, напомнившее мне рассвет в Стамбуле. В те злосчастные дни я страдал бессонницей и совсем не мог заснуть. Я лежал с открытыми глазами до утра либо бродил по площадям и проспектам Стамбула, вероятно, напоминая случайным прохожим призрака с разбитым сердцем.

В один из тех дней под утро я пришел в Ортакей. Уже начинало светать, и все было освещено первыми лучами солнца. Эти лучи выкрасили в красный цвет воды Босфора, и от этой красноты мои глаза, такие же красные от бессонных ночей, жгло, словно перцем. На улицах никого не было. Ни людей, ни машин, ни пароходов и, что самое странное, ни птиц, ни котов. Весь мир словно вымер.

Именно в тот момент я увидел, что оба минарета мечети Ортакей, слегка вздрогнув, наклонились, затем мягким движением, словно вытянувшие шею лебеди, потянулись к проливу и попили воды. Их наклон образовал две очень красивые дуги на фоне купола. Движение минаретов было очень аккуратным и произошло синхронно. Оно напомнило мне последнюю сцену балета «Лебединое озеро», которую я видел в Большом театре в Москве.

Я посмотрел на противоположный берег Босфора и увидел, что минареты всех стоявших на берегу мечетей склонились попить воды. Они погрузились в воду до самых балкончиков. Значит, именно так минареты пьют воду, когда никто не видит. Те мечети, что стоят на берегу, наклоняют свои минареты к морю, а что же делают те мечети, что стоят далеко от берега? Они, наверное, пьют воду из бассейнов или из мелких рек.

Минареты мечети Ортакей через некоторое время медленно и синхронно поднялись, отряхнулись и вновь застыли. По ним стекала вода, они блестели на солнце, однако быстро высохли. По мере того как на улицах становилосьлюдно, все приобретало обыденный вид, и никто не заметил того, что произошло.

Начиная с того самого дня, иногда вместо синих зайцев по утрам я вижу эти минареты. Но гораздо реже я вижу коня, черного, как вороново

крыло. Он огромный и сильный, шкура лоснится на солнце. Кажется, что в его теле прячется целый табун.

Все, о чем я говорю, это не сны – сны мне не снятся. Все это какие-то видения, фантазии, даже не знаю, как их назвать. Но они посещают меня, когда я уже проснулся, но лежу с закрытыми глазами.

Я не собирался рассказывать молодой журналистке о том, что однажды видел минареты, которые пьют воду. Она и так была сбита с толку моими рассказами и пыталась понять, где правда, а где вымысел. Ночью она и в самом деле принялась разглядывать фотографии того отеля в Минске: шикарный вестибюль, вращающуюся дверь, швейцаров в униформе. Все это помогло ей лучше понять историю Михаила и живо представить ее. Так она сама сказала. Современные технологии помогают оживить любой рассказ, каким бы он ни был заурядным, и наполняют его интересными деталями, а за эти детали она была мне очень благодарна.

Утром девушка начала общаться со мной гораздо вежливее, чем прежде, но я понимал – это неспроста: какие-то мысли крутились у нее в голове. Наверняка она собиралась меня о чем-то попросить, иначе с чего бы вдруг такая вежливость, внимание и хвалебные речи в мой адрес от этой невероятно норовистой девицы?

Довольно скоро, за завтраком, стало ясно, чего она от меня хочет.

– Я могу вас попросить кое о чем?

– Конечно, – ответил я. – Ты можешь попросить у меня все, даже мою жизнь.

– Хватит издеваться! – нахмурилась журналистка. – Я говорю серьезно. Я бы хотела записать интервью с вами. Вы необычный человек. Читателям нашей газеты будет очень интересно узнать о ваших историях.

Я резко отказал ей, и она сразу поняла, что меня не стоит уговаривать. С чего вдруг мне, человеку, который даже газет не читает, выставять свою жизнь на всеобщее обозрение и нарушать собственный покой? Возможно, я могу показаться кому-то необычным или даже интересным, но лично мне нет до этого никакого дела.

У этой журналистки была детская привычка выпячивать нижнюю губу, когда что-то шло не так, как ей хотелось. Так делают маленькие девочки, когда собираются заплакать. Эта привычка у нее, скорее всего, сохранилась с детства.

– Ну и ладно, как хотите, – сказала она. – У меня все равно есть к вам некоторые вопросы. Позвольте мне задать их не для печати?

Не знаю, почему я ответил согласием. С задумчивым видом она спросила:

– У вас бывают потери памяти?

– Как же может человек, который страдает потерей памяти, об этом знать? – изумился я. – Ведь он память потерял. А если он что-то вспомнит, то и потери никакой нет.

– Бывает так, что вы не можете вспомнить, как провели некоторые часы дня? Например, что делали?

– Например? Скажи конкретно, что ты имеешь в виду.

Она помялась:

– Ну, например, вы не помните, как уходили из гостей из дома Арзу?

– А, ты все о том же! Теперь я понимаю. Вчера вечером, когда ты увидела меня с ножом в руке, ты решила...

– Я ничего не решила, будьте уверены. Могу ли я вас подозревать? Мне это даже и в голову не пришло!

– Слушай, деточка, – обратился я к ней, сознавая, что она не рассердится на меня, потому что пытается меня разговорить. Она действительно не рассердилась, а если и рассердилась, то виду не подала. – Возможно, в моей памяти действительно наблюдаются провалы, никто не может с точностью знать такого о себе. Даже ты. Но я совершенно уверен, что, когда я выходил из дома Арзу, подобного провала в памяти у меня не было. Все, что происходило со мной в тот момент, я помню до мельчайших деталей. Я помню луну на небе, я помню на газоне вилку, забытую кейтеринговой фирмой, помню шум волн. Я совершенно точно знаю, что в тот момент не терял памяти.

Казалось, мои слова разочаровали ее, но она тут же перешла к следующему вопросу.

– Вы занимаетесь спортом?

– Нет, – ответил я. – Кстати, в моих рассказах ничего про спорт не было.

– Да уж, про спорт точно не было. Я, правда, главные вопросы отложила на потом, но дело в том, что когда я утром проснулась и пошла искать ванную, то случайно вошла в одну комнату. Там стоит что-то непонятное – то ли кресло, то ли кровать, то ли тренажер, я так и не поняла. Я три раза в неделю хожу в спортзал, но ничего подобного не видела. Это действительно что-то очень странное.

– Ты наверняка подумала: вот так странный спортивный снаряд странного господина! Ну-ка, пойдем туда.

Удивительно: я не только открыл двери своего дома этой девушке и не только отвечал на ее вопросы – теперь я вел ее познакомиться с *Любимой*, о которой никто не знал, даже Хатидже-ханым, которая часто смахивала с нее

пыль и считала причудливым креслом.

– Ну вот, – сказал я, когда мы вошли в комнату, – вот это и есть *Любимая*.

– *Любимая*?

– Ну да, ее так зовут. Я сам изготовил эту машину, поэтому и имя ей придумал сам.

– Вы говорите серьезно? Не может быть, чтобы у машины было имя, да еще такое.

– Нет, ее в самом деле так зовут.

– Но как же на ней сидеть?

И тогда я рассказал ей про машину для объятий. На самом деле этот прибор не такой странный, каким кажется, и давно используется в разных частях мира в медицинских целях. Если она хочет, может посмотреть про него в интернете. Конкретно эту модель я сделал сам, и, в общем, это не так трудно. Кресло представляет собой набор гидравлических поршней, которые прикреплены к металлическим или деревянным пластинкам и обмотаны специальными подушками.

– Если хочешь, сядь, я покажу тебе, как оно действует.

– Ой, нет, – отказалась она, – я боюсь.

– Когда я прошу тебя о чем-то, ты отказываешься. Ты помнишь, о чем мы договорились? Ведь я тоже имею право высказывать просьбы.

Она вздохнула:

– Моя жизнь не такая интересная, как ваша. Самая обычная жизнь, которая проходит между домом, газетой и спортивным залом. Совсем не такая, как у вас.

Я подумал, что моя жизнь намного проще ее жизни, а вслух сказал:

– Если ты хочешь, чтобы я доверял тебе, ты тоже должна мне доверять. Даю слово, тебе очень понравится. Давай, садись. Или я больше не отвечу ни на один твой вопрос и не расскажу никакой истории.

– Давайте, сначала сядете вы, а я посмотрю.

Тут мне пришлось согласиться. Я лег в объятия *Любимой*. Нежные лапы принялись обнимать меня, создавая приятное давление на разные части тела. Потом я встал.

– Вот видишь, как просто. Уверен, тебе очень понравится.

Она нехотя согласилась.

– Что мне делать?

– Ложись сюда, – скомандовал я, – а остальное предоставь мне.

Она подошла к машине с испуганным видом и спросила, почему машину зовут *Любимая*. Я ответил, что скоро она все поймет. Дрожа от

страха, она легла. Я подумал, что в этой девчонке постоянно соседствуют любопытство и страх, но любопытство часто страх пересиливает. Ей было интересно все: убийство, я, Подима, кошка, Керберос, Али, допрос, *Любимая*. Наверное, любопытство было главным свойством ее натуры. И это качество является признаком того, что в будущем она станет очень хорошей журналисткой.

Когда я развел железные лапы и прислонил их к ней, она задрожала. Она все время приговаривала: «А сейчас что будет?» Когда я запустил машину, она даже задержала дыхание, но обмотанные подушками лапы зашевелились и принялись обнимать и сжимать ее тело. Когда они только начали движение, она вскрикнула, а затем замолчала. Лапы нежно обнимали ее. В какой-то момент она закрыла глаза. И засмеялась:

– А что, и вправду очень приятно.

– Похоже на возлюбленного, не правда ли? – заметил я. – Мой аппарат сильный, как мужчина, заботливый, как женщина. Это настоящая *Любимая*, такую трудно найти в жизни.

– Вот теперь я поняла! – воскликнула она и окончательно предалась наслаждению, которому, по всей вероятности, предался бы на ее месте любой человек. Когда я немножко увеличил давление, она заулыбалась сильнее. Она так и лежала с закрытыми глазами и наслаждалась машиной для объятий. Через некоторое время я нажал на кнопку и выключил прибор. На ее лице появилось выражение разочарования, ей явно хотелось продолжения. Поднимаясь, она с удовольствием потянулась.

– Так вот это и есть ваша *Любимая*? – спросила она.

Она заложила руки за голову и зевнула. Это движение выдало формы ее груди под белой блузкой.

– Я не единственный человек на свете, который не может прикасаться к другим людям, – сказал я. – В мире очень много таких людей, например, аутисты. Однако существует потребность в объятиях, ведь когда вы кого-то обнимаете или вас обнимают, это чудесно. Поэтому моя *Любимая* способна успокоить, исцелить, умерить боль, не требуя ничего в ответ. Она как настоящая возлюбленная, к которой можно прижаться всякий раз, когда хочется.

– Я заметила, что в какой-то момент давление усилилось. Его что, можно отрегулировать?

– Да.

– А что будет, если его включить на полную мощность?

– Ну как что будет? – усмехнулся я. – Ее «руки» сожмутся с такой силой, что эта сила любви и нежности переломает кости, и человек

попросту погибнет. Совсем как от настоящей сильной любви.

– От любви?

– Конечно, от любви, потому что любовь – самое опасное, самое смертоносное на свете чувство.

Как у всякой молодой девушки, тема любви вызвала у нее живой интерес. Любовь казалась ей высшей степенью счастья. Однако мои слова заставили ее задуматься. Она спросила, не могу ли я пояснить свою мысль.

– Мысль у меня такая, – сказал я. – Погода сегодня замечательная, поедем-ка на моей развалюхе к морю, сядем на берегу и поговорим. Я знаю одну спокойную бухту, замечательное место.

Я ожидал возражений, и они тут же последовали одно за другим. На сей раз мне пришлось потрудиться, чтобы ее уговорить. У нее не было намерений ночевать в моем доме и ехать на пляж. На общение со мной ее толкали два обстоятельства – страсть газетчика и, конечно же, любопытство. Ей хотелось, добившись от меня правды, превратить «Убийство в Подиме» из «утки» в историю победы. Она следовала своему плану, чтобы обойти других газетчиков, но для этого вынуждена была подчиниться моим странным просьбам. Вот почему в конце концов она уступила.

Час спустя мы сидели на берегу моря в той самой спокойной бухте. До этого мы заехали в туристический магазин на выезде из деревни и купили черный и оказавшийся девушке немного большим купальник, в котором она выглядела слишком белой, белой как снег. Было ясно, что она никогда не загорала. Не понравилось ей сидеть под солнцем, и она постоянно предлагала перейти в прохладную тень, падавшую от скал. Конечно же, все происходило так, как ей хотелось, и мы в итоге оказались в тени.

– Ты знаешь, сначала я хочу прочесть тебе маленький отрывок из одной книжки, – сказал я, – а ты послушай.

Я вытащил из сумки книжку и прочитал:

– «Любовь то на крыльях летает, то идет шагом. С этим мчится, с тем еле бредет. Одних охлаждает, других испепеляет. Одних ранит, других убивает. Бег ее желаний в один и тот же миг начинается и прекращается. Утром предпринимает она осаду крепости, а вечером крепость уже взята, ибо нет той силы, которая могла бы ей сопротивляться» ^[3].

– Какие странные слова, – наморщилась она. – Кто такое написал?

– Сервантес. Все, что он написал, – правильно, лишнего ничего нет, даже кое-чего не хватает.

Затем я не смог удержаться от того, чтобы прочитать ей небольшую лекцию по литературе. Я хотел, чтобы она увидела истинное лицо того

чувства, что зовется любовью.

– О ком ты хочешь еще услышать – о мужчинах и женщинах, которые покончили с собой, поскольку полюбили безответно; о тех, кто задушил собственную жену из-за приступа беспочвенной ревности; о тех, кто попал от любви в тюрьму; о тех, кто из-за любви совершил массовое убийство; о прекрасной Елене и войне, которая из-за нее началась; о погибших из-за любви на дуэли; о тех, кого подвергли мучениям, пытаясь бесполезно добиться от них, чтобы они выдали своих возлюбленных; о сошедших с ума и попавших в дом скорби; о тех, кто из-за любви лишился доброго имени; о тех, кто из-за любви потерял состояние? О ком ты хочешь знать?

– Кажется, вы имеете в виду литературных героев?

– Литература более реальна, чем настоящая жизнь. Но неужели ты думаешь, всего этого не происходит на самом деле? Ведь есть и самоубийства, и убийства. Английский король Эдвард из-за любви отказался от престола, и Пушкин – погиб на дуэли, и Клинтон из-за небольшого приключения рисковал своей должностью, и Оскар Уайльд попал в тюрьму...

– Все верно, – улыбнулась она, – если смотреть с этой точки зрения, то любовь действительно опасная штука.

– Да, конечно. Любовь лишает человека воли, поэтому опасна. Она начинает управлять тобой, ты теряешь логику и не можешь проявить рассудительности. Любить кого-то – значит, шагать по краю пропасти с завязанными глазами. В конце могут оказаться и смерть, и убийство, и самоубийство.

– Ох, ну откуда же вы столько знаете? – выдохнула она.

Я улыбнулся. Я сказал, что по правде очень не люблю слово «любовь»: в наши дни она давно стала предметом торга. И тогда девушка спросила меня, каким словом следует называть настоящее чувство.

– Арабы называют его «гарам». Именно оно заставляет людей совершать безумные поступки. Оно отличается от обычной любви. Это «ЧЕРНАЯ СТРАСТЬ». Такое чувство опасно.

На какое-то время между нами воцарилось молчание. Она чертила что-то на песке веткой, а потом сказала, что, так как я не читаю газет, то я не в курсе, какие новости выходят каждый день, а стоило бы знать, потому что слова «любовь» и «убийство» постоянно соседствуют. Вот недавно один пожилой человек убил семью своего соседа, потому что влюбился в его маленькую дочь, так что если говорить с этой точки зрения, то, конечно, я прав.

– Гарам – самое опасное человеческое чувство, – повторил я.

– Тогда самая безопасная любовь – эта ваша *Любимая*, – усмехнулась она.

– Вот теперь ты меня поняла. Пойдем поплаваем.

Она осторожно вошла в воду, словно боялась маленьких волн, набегавших на берег. Каждая волна вымывала песок из-под наших ног, и это вызывало легкое ощущение щекотки. Девушка смеялась, прыгала, выбегала на берег, когда поднималась большая волна, и напоминала маленькую девочку, играющую с водой. Глубоко она заходить не стала, несмотря на то, что я настаивал. «Я не хочу мочить волосы», – объясняла она.

Она так говорила, но было очевидно, что она просто боится воды. Тем не менее я заметил: преодолевать свой страх, шаг за шагом двигаясь к тому, что пугает, стало у нее привычкой. Казалось бы, она каждый раз сдает экзамен на смелость. Если бы мы еще раз поехали на море, она бы непременно заставила себя зайти глубоко.

Мы пообедали в одном из рыбных ресторанчиков на берегу. Официант был мне знаком. Вначале я спросил у него пива, а затем попросил перечислить, какая рыба есть в меню. Произнося названия различных черноморских рыб, официант упомянул и камбалу, но добавил, что есть только совсем маленькие особи, потому что сейчас на камбалу не сезон. Журналистка никогда раньше не пробовала камбалу и спросила, какова она на вкус.

– Это примерно, как фуа-гра, только из моря, – сказал я.

Она рассмеялась шутке, но камбала, которую вскоре принесли, ей тоже не понравилась.

– Тут совсем нечего есть, – наморщилась она, – сплошные кости.

«Как же тебе сложно понравиться, – подумал я про себя. – Вот уж, наверно, доставила ты матери хлопот в детстве, да и сейчас наверняка не подарок. На все кривишь губы».

Мы вышли из ресторана. По дороге попался буфет, и я купил ей гамбургер. Девушка с аппетитом жевала булку, и по лицу ее расплывалась довольная улыбка. Было ясно, что она очень голодна. Когда зазвучал полуденный намаз, она внезапно подняла голову, будто о чем-то вспомнила.

– Уже поздно! – воскликнула она. – Мне нужно найти автобус или маршрутку до Стамбула.

– На самом-то деле я смогу отвезти тебя в Стамбул на своей развалюхе, – предложил я. – Так будет удобнее и спокойней, но...

Она молчала, ожидая продолжения.

– ...Но только если ты и этим вечером останешься у меня. А я тебе

расскажу самую великую в мире историю любви.

– Ну уж нет! – возмутилась она. – Ни за что на свете! Родители беспокоятся, а завтра мне нужно в газету. Ни за что!

– Ну хорошо, – пожал я плечами. – Давай поедем, заберем твою сумку и айпад, и я тебя отвезу.

Какое-то время мы не разговаривали. Когда доехали до дома, и я открывал дверь, она как бы невзначай спросила:

– А что это за история?

Я ответил, что это история моего брата.

– Вашего брата-близнеца, – уточнила она. – Вы же не хотели о нем говорить. Так что с ним произошло?

– Чего только с ним не происходило.

Она с любопытством смотрела мне прямо в глаза.

– Страстная любовь, – продолжал я. – После нее мой брат так и не оправился.

– Но он же не умер?

– Нет, не умер. Я тебе уже рассказывал, что с тех пор он колесит по миру, а мне присылает по электронной почте фотографии тех мест, где побывал. Последнее его письмо пришло с берегов Индийского океана, в нем он написал, что скоро вернется и заедет ко мне.

– Почему он так далеко уезжает? Он же никого не убил!

– Ты думаешь, смерть и убийство – это самое страшное, что может произойти с человеком? Мехмед молил о смерти, для него она была бы освобождением, но...

– Но что?

– Но с ним произошло кое-что другое, такое, что он даже покончить с собой не может.

Она задумчиво пошла к себе в комнату, сложила сумку, а я стоял и ждал на пороге. Собравшись, она подошла ко мне и с выражением глубочайшего страдания на лице спросила:

– А что, оставаться обязательно? По дороге рассказать не можете?

Я сказал, что «разговор на ходу» будет неуважением к страданиям брата.

Она выпятила нижнюю губу, надулась, села в машину и громко хлопнула дверью.

Керберос замер перед своей будкой и с любопытством смотрел на нас, пытаюсь понять, что же происходит.

– Занимайся своими делами! – рывкнул я на него, сел в машину и завел мотор.

Мы поехали по лесам и полям, по разбитым дорогам. Первые десять минут мы не разговаривали. Наконец я нарушил молчание:

– Для тебя есть интересная новость. Невинность Светланы полностью не доказана, говорят, допрос продолжается. Никто не может подтвердить, что в доме ночевала ее подруга Фериха. Есть только показания их обеих и утверждение Светланы о том, что она отпросилась у Арзу.

Лицо девушки приняло настолько растерянное и простодушное выражение, что я чуть не расхохотался.

– О Аллах, эта история когда-нибудь закончится? – простонала она. – А это вы откуда узнали?

– Конечно, от Хатидже-ханым. Без ее ведома птица по деревне не пролетит.

Мы проехали еще какое-то расстояние, и затем девушка внезапно ударила кулаком по панели.

– Черт побери!

Я растерялся и притормозил, не понимая, что происходит. Она продолжала колотить кулаком.

– Черт побери! Черт побери!

Я спросил, что случилось, но уже предполагал ответ на свой вопрос. Я сразу понял: она передумала уезжать. Почему-то ее решение меня не обрадовало, а ведь я столько усилий приложил.

– Давайте вернемся, – вздохнула она. – Если я сейчас уеду, то упущу новости о Светлане. Мы можем найти Фериху и поговорить с ней?

– Думаю, что можем.

Мне совершенно не хотелось искать Фериху. Вся эта история начинала казаться бессмысленной. Впрочем, вполне возможно, девушка пожелала остаться из-за истории моего брата... Так-то оно и было!

– Я с самого начала предполагала, что убийца – ваш брат Мехмед! – неожиданно сказала она. – Но вы тоже очень жестоки, постоянно меня шантажируете.

– Вот Керберос сейчас обрадуется, – улыбнулся я.

– Да какое мне дело, обрадуется или не обрадуется эта отвратительная собака! Я, наверное, сумасшедшая, что поддаюсь на ваш шантаж, что иду к вам домой. У меня родители с ума сходить будут! У меня куча дел, но я застряла в чертовой Подиме, чтобы слушать безумные рассказы! Я, наверное, действительно сумасшедшая, просто чокнутая.

Я молчал, не мешая ей выплеснуть гнев. Ясно было, что ей это очень нужно, потому что она чувствовала себя побежденной, а это совершенно

противоречило ее упрямой горделивой натуре.

Мы вновь оказались у меня дома. Прежде всего она позвонила матери, и, когда произнесла, что ей придется остаться еще на одну ночь, даже я услышал рассерженный голос в трубке. Девчонка несколько раз повторила: «Ну ладно, ладно, мама, приеду – все расскажу, ничего не могу поделать, у меня задание редакции».

На сей раз я отвел девушку в *Комнату Любви*, которая была гораздо просторнее. Я откупорил бутылку красного вина, дал ей бокал. Она не возражала. Затем принес ноутбук, открыл и поставил ей на колени. На экране была фотография с бескрайним берегом тропического моря, заходящим солнцем и длинными стволами кокосовых пальм.

– Мехмед сфотографировал, – объяснил я. – Андаманское море. Он арендовал бунгало посреди леса, пробовал разные блюда со специями, наслаждался креветками, правда, в какой-то момент отравился, но теперь там его дела закончились, он собирается в другое место, а по пути заедет в Подиму, чтобы повидать меня.

Затем я дал ей прочитать письмо Мехмеда.

Она спросила, похож ли он на меня.

– Мы близнецы, поэтому похожи. Однако он стройней меня и выше на четыре сантиметра.

Я открыл в ноутбуке еще одну папку – там лежали фотографии Мехмеда – и показал ей. Лицо у него было осунувшимся, глаза – запавшими, черная борода свисала почти до груди, длинные волосы доходили до плеч, а в глазах застыл испуг.

– Что это за вид? – удивилась она.

– Первая фотография после тех событий. Бедняга! – объяснил я.

– Вы ведь, кажется, его любите.

– Кажется.

– Ну тогда это противоречит тому, о чем вы твердили раньше. Вы говорили, что не можете испытывать любви ни к кому, а на самом деле испытываете любовь к брату.

Она была очень довольна, что ей удалось поймать меня. Обида ее не прошла, и ей ужасно хотелось подколоть меня и задеть, да и разговаривала она по-прежнему обиженным голосом.

– Но родственники – это совсем другое, – пожал я плечами. – У меня в жизни единственный близкий человек – это Мехмед. Когда ты его увидишь, он тебе понравится, он очень интересный человек.

Девушка усмехнулась.

– Никаких сомнений, – сказала она, продолжая смотреть на

фотографию, и добавила, что по Мехмеду видно, как он измучен и как долго страдал.

– Именно так, – согласился я.

– Но он достаточно молод.

– Эта фотография сделана много лет назад.

– А других его фотографий нет?

– Нет. Он вообще не любит фотографироваться. Я, правда, тоже не люблю.

– Почему?

– Не знаю. Наверное, потому что фотография слишком связывает нас с прошлым.

– Неужели такой культурный образованный человек, как вы, может так думать?

– Я же не говорю об искусстве фотографии в целом. Я говорю о стремлении человека собирать моменты прошлого и постоянно к ним возвращаться.

Она нахмурилась и кивнула, показывая, что мои слова заинтересовали ее, и при этом продолжала разглядывать фотографию на экране.

– Он похож на вас и не похож одновременно.

– Да, – согласился я, – сходство есть, но он совершенно другой.

Она глотнула вина, уселась поудобнее в кресле и с вызовом посмотрела на меня.

– Давайте уже, рассказывайте о своем прекрасном братце. Посмотрим, стоила ли эта история того, что я осталась еще на одну ночь.

Мехмед

Автокатастрофа, университетские годы и Белоруссия

И я принялся рассказывать.

В те годы не было УЗИ, и невозможно было заглянуть в живот матери, однако появление близнецов мою мать ничуть не удивило. Ведь и ее мать тоже родила близнецов, близнецы были и у ее бабушки. Это было генетическое свойство нашей семьи. К сожалению, мамина сестра-близнец умерла сразу после рождения, даже не успев получить имя.

Мама родила нас в больнице и назвала Ахмедом и Мехмедом. Я при рождении весил два килограмма двести граммов и был ростом сорок девять сантиметров, а Мехмед – два килограмма семьсот граммов и рост имел пятьдесят один сантиметр. Короче говоря, он был крупнее меня.

В детстве мне не казалось странным, что у меня есть брат-близнец, скорее я даже удивлялся, почему братьев-близнецов нет у моих сверстников. Мы не относились к числу тех однойцевых близнецов, которые думают и чувствуют одинаково и живут как одно существо. Но, конечно, у нас было очень много общего.

В те времена профессия инженера была модной. Семьи, в которых подрастали девушки, охотились за женихами-инженерами. Родители, поддавшись моде, еще в нашем детстве решили, что мы оба станем инженерами. В итоге так и произошло, но, к сожалению, родителям не удалось этого увидеть.

Мой дед всю жизнь занимался финансами, а потом вышел на пенсию. Его последним местом службы была Анкара. Они с бабушкой жили в двухэтажном доме с садом – там росли липы. На каникулах или во время отпуска либо мы ехали к ним, либо они приезжали к нам. Однажды, накануне праздника Курбан-байрам, рано утром, еще до рассвета, мы отправились к ним на стареньком «опеле» моего отца.

Отец не любил ездить вечером: он считал, что вечером движение слишком плотное. Поэтому вещи в машину мы погрузили накануне. Сложили в багажник чемоданы, а в салон – дорожные сумки с курабье, орешками, изюмом, сушеной шелковицей и тому подобным, двинулись в путь рано утром. Отец водил машину очень осторожно. Автомагистраль между Стамбулом и Анкарой в те годы не было: лишь узенькая

двухполосная дорога. Мать с отцом сидели впереди, а мы с Мехмедом сзади. Как и полагается братьям, мы дурачились, листали комиксы, которые нам позволялось читать нечасто, жевали сладости и каленый горох.

Пока мы ехали по шоссе, начало светать, поля по обеим сторонам дороги порозовели. Так как мы встали очень рано, на меня навалился сон. Не знаю, сколько я проспал, но помню, что через какое-то время я подскочил от ужасного грохота. Спросонья мне показалось, что рухнуло небо. Наша машина летела с дороги в поле. Я запомнил только крики, наверное, я тоже кричал. Жуткий грохот никак не стихал, казалось, машину кто-то разрывает на части.

Я потерял сознание, а когда открыл глаза, увидел рядом незнакомых людей в белых халатах. В руку мне была вставлена иголка с капельницей. Повернув голову, я увидел Мехмеда с такой же капельницей. Я захотел позвать его, но не смог издать ни звука и вновь потерял сознание.

Спустя несколько часов я пришел в себя, Мехмед к этому времени тоже очнулся. Он плакал, а я еще подумал: чего он плачет? Надо мной склонилась медсестра в белом чепце, я спросил ее, где мы. Она ответила, что в государственной больнице города Болу. Она рассказала, что произошла автокатастрофа, но мы с Мехмедом в полном порядке, и нам надо лишь набраться сил. «Отдыхай, малыш, – приговаривала она. – Хорошенько отдохни». И гладила меня по голове, а голова у меня очень болела.

Почему-то мне не приходило в голову спросить ее о родителях, мне лишь не давал покоя плач Мехмеда. Наверное, ему очень больно, решил я, и вновь провалился в глубокий долгий сон. Я постоянно спал из-за лекарств, которые мне давали.

Проснувшись, я увидел грустное лицо бабушки, под глазами у нее были синие круги. Неужели мы приехали в Анкару, подумал я, но тут вспомнил, что мы в больнице, и только сейчас заметил, что бабушка тоже плачет. В углу стояло кресло, в нем сидел мой дед, освещаемый светом из окна. «Мы приехали за вами!» – сказала бабушка. И только тут я решился спросить о родителях, а в ответ все взрослые – бабушка, дедушка, медсестра – молчали. Отозвался только Мехмед. «Они погибли!» – всхлипнул он. Я не сразу понял, что он сказал. Я подумал: зачем он говорит такие ужасные вещи? – и решил, что, как всегда, он шутит.

Той же ночью я увидел отца, на нем был белый передник. Отец выглядел выше, чем был. «Папа, ну ты же не умер, не умер!» – твердил я. «Ты еще маленький, чтобы знать об этом», – ответил отец. «Но раз я тебя вижу, ты жив!» «Это ты видишь меня, а я себя не вижу. Может быть, для

тебя я не умер, а умер только для себя», – сказал он. Я заснул.

На следующий день бабушка с дедушкой забрали нас. Мы сели на автобус и поехали в Стамбул. По пути мне казалось, что все машины мчатся прямо на нас, и я холодел от страха, а Мехмеду было совсем не страшно. Мы ехали по той самой дороге, по которой совсем недавно ехали с родителями, но родителей теперь рядом с нами не было. Был дедушка, была бабушка, был Мехмед. Это казалось очень странным.

С Мехмедом мы почти не разговаривали, голова у него была вся в бинтах, а на лице, как и у меня, чернели синяки. Затем были похороны, помню два гроба во дворе мечети, помню лица знакомых, которые смотрели с грустью и гладили нас по голове. Мать с отцом были покрыты зеленым покрывалом, так что мы их не видели. Когда похороны закончились, мы вновь поехали на автобусе в Анкару, которая теперь стала нашим домом. Нам было всего по десять лет.

Извини, пожалуйста, мы совсем заговорились и забыли о еде. Ты будешь недовольна, что я и ночевать тебя заставил, и оставил голодной. Прошло уже несколько часов, а ты съела всего один гамбургер. Сейчас, я только на минуточку схожу к бакалейщику. Не возражай, ты ведь не собираешься голодать всю ночь? Я и себе что-нибудь куплю. А ты пока посмотри фотографии в ноутбуке. Я отсканировал и загрузил сюда весь семейный альбом. Ты, должно быть, догадаешься, кто есть кто: кто папа, кто мама, кто бабушка, кто дедушка. Там есть наши с Мехмедом детские фотографии. Налей себе вина, а я сейчас приду. Мне еще Кербероса покормить нужно. Я совсем о нем забыл. Он, должно быть, умирает от голода на цепи.

Вскоре я вернулся и продолжил рассказ.

– Дедушка с бабушкой, едва сводя концы с концами, все-таки сумели выучить нас на свою пенсию. Они сделали все для нашего благополучия, считая это долгом перед отцом с матерью. Мы оба закончили престижный колледж в Анкаре, а потом успешно сдали вступительные экзамены в Ближневосточный технический университет. Дедушка пожелал, чтобы мы оба выбрали инженерное дело, ведь мы должны были воплотить мечту родителей. Я поступил на отделение строительства, а Мехмед – на электротехническое. Поступить туда было несколько сложнее. По правде, Мехмед учился лучше меня, он был настоящим книжным червем. Еще во время учебы в старших классах школы ему в руки попала книга о Николе Тесле, и он целыми днями рассказывал мне о сербском гении электричества. Всякий раз, когда он видел лампочки, которые в наши дни ярко освещают мир, говорил, что все ошибочно приписывают создание

лампочки Эдисону. Он с жаром рассказывал о том, что вся потребляемая в мире энергия, включая освещение, распространяется благодаря тому, что ее часть течет в обратную сторону, и это переменное движение открыл Тесла. Мехмед говорил, что в будущем в повседневной жизни все будут пользоваться беспроводными приборами, благодаря которым смогут разговаривать друг с другом, находясь в разных частях света, и передавать на расстояние не только голос, но и картинки, и все это произойдет благодаря открытиям Теслы.

Вот такой увлекающейся натурой был мой брат. Этим он и отличался от меня, смотревшего на жизнь легко и просто. Брат так увлекся Теслой, что мечтал, как и он, совершать чудеса с электричеством и постоянно проводил дома опыты. Комнатка, в которой мы жили вдвоем, была заполнена медными бобинами, проводами, какими-то маленькими моторчиками и измерительными приборами. Иногда у нас с ним происходили небольшие ссоры, но он неизменно старался привить мне свою страсть, днем и ночью рассказывая о своих исследованиях и употребляя терминологию, которую я не понимал. Помню, как однажды он подарил бабушке на ее день рождения маленький обогреватель, который сам же и собрал. По словам Мехмеда, этот прибор расходовал очень мало электроэнергии и в то же время мог давать очень много тепла. Он чуть ли не подскакивал от радости и гордости. По правде, прибор этот был невероятно уродлив на вид, но подарком оказался эффективным. Следует добавить, что обогреватель сломался на следующий же день. Мехмед тут же утратил к нему интерес, задавшись другой целью – выявить ошибки в учебниках, по которым моего брата учили в университете. Он собирался найти все эти ошибки, исправить их, написать собственный учебник, издать его и стать первым в истории студентом, который выпустил учебник для отделения, на котором учится.

Конечно, не все свое время мы посвящали учебе. В Анкаре тогда не существовало понятия «студенческая вечеринка», лишь некоторые состоятельные семьи имели привычку устраивать званые чаепития. Так что единственной возможностью познакомиться с девушками был поход на «званное чаепитие», а если посчастливится какой-нибудь девушке понравиться, то следовало пригласить ее в кондитерскую или в кафе, где готовят пудинг-мухаллеби. Денег у нас не хватало даже на эти дешевые заведения, и поэтому ходили мы по очереди. Если в одну субботу я иду гулять с девушкой, то в следующую субботу наступает очередь Мехмеда. Деньги требовались на книги, на транспорт, на скромный обед в университетской столовой... Денег, которые выдавал нам дедушка, только-

только хватало на это. Нам обоим было не слишком сложно обзавестись подругами. Мы были недурны собой, получали хорошее образование, наше будущее считалось блестящим, и мы обладали всеми качествами, необходимыми для «завидного жениха» в глазах матерей девушек. Тем не менее Мехмед, отправляясь на свидание, слишком увлекался, залезал в долг в кондитерской, а через неделю, когда наступала моя очередь, настаивал, чтобы я уступил ему свой день.

В этих вопросах он был... как бы так сказать... не то чтобы эгоистичным, но немного бездумным. Так как натурой он был страстной и увлеченной, то с девушками тоже переступал границы. Стоило ему влюбиться в какую-нибудь, как он забывал обо всем на свете. Мы с ним даже несколько раз поругались. В одну из ссор даже дошло до кулаков, однако наша бабушка самоотверженно встала между нами.

Я подхожу к самой печальной любовной истории на свете. Потерпи еще немного, я о ней не забыл. Но я должен еще кое-что рассказать, чтобы ты во всем разобралась.

Несмотря на то, что иногда мы с Мехмедом ссорились, в целом, можно сказать, ладили хорошо. Наши студенческие годы были омрачены тем, что политическая смута в стране достигла своего апогея. Вы, конечно, знаете, как прославился в этой области наш Ближневосточный университет. В его кампусах постоянно проходили стычки с полицией. Мехмед и здесь отличился от меня: он примкнул к одной из левых группировок. Иногда он не приходил ночевать и проводил время в общежитии, где вместе со своими друзьями готовил политические лозунги.

Так и прошли наши студенческие годы – в стычках и в неполном понимании. Потом умер дедушка. Здоровье бабушки тоже было неважным. Она часто жаловалась на повышенное давление и усиленное сердцебиение и в трудных ситуациях прибегала к успокоительному. Кончину мужа она восприняла как знак приближения собственной смерти, что часто случается у пар, которые много лет живут вместе.

У Мехмеда были не очень близкие отношения с бабушкой, у меня с ней они были гораздо лучше, и мы частенько садились поговорить по душам. Однажды в одну из знаменитых холодами анкарских зимних ночей мы легли спать. Дом отапливался плохо – уголь был дорогим, – поэтому мы печь не топили и старались, забравшись под одеяло, согреться собственным дыханием. Через некоторое время в кровати становилось жарко. Но когда приходилось вставать в туалет и вылезать из теплой постели, мы возвращались, стуча зубами от холода.

Ладно, о чем я говорил? Однажды ночью мы с бабушкой рано легли

спать. Мехмед остался в общежитии. В три часа ночи я проснулся от того, что кто-то настойчиво звонил во входную дверь. Первое, что я подумал, – это Мехмед. Может быть, с ним что-то случилось? Я вышел в холодный коридор. Бабушка выглянула за мной, закутавшись в платок. Мы с ней недоуменно переглянулись. Я открыл дверь, но там никого не было. Под дверью собралось много снега, который шел непрерывно три дня, был совершенно белым. На него даже птица не ступала. Нам с бабушкой стало страшно. Ведь если бы кто-то один из нас слышал звонок, было бы ясно, что он ошибся, но звонок слышали мы оба.

Той ночью бабушка сказала: «Это твой дед пришел меня с собой позвать. Так что я скоро умру. Я и сама этого хочу. Ведь я встречу там свою доченьку, смерть будет мне избавлением. Я жила столько лет, чтобы вырастить ее сыновей, которых она мне поручила. Если бы не вы, я бы давно уже умерла. Но теперь я не думаю о прошлом. Мы дожили до сегодняшнего дня, в следующем году вы оба получите дипломы, вы мужчины и сами сможете распоряжаться своей жизнью. Такая бедная больная женщина, как я, больше ничего не может вам дать».

Потом она немного помолчала и погрустнела: «Вообще-то за тебя я совершенно спокойна. Но вот у Мехмеда головы на плечах нет. Он ищет возможность, чтобы навлечь на себя несчастье. Этот парень – настоящий искатель приключений, слишком много фантазирует. Кто знает, что случится с ним в жизни? Мое тебе завещание – приглядывай за братом, оберегай его. Потому что предчувствие не дает мне покоя – много бед ждет моего мальчика».

Бабушка не ошиблась, предчувствие не обмануло ее, и она на самом деле смогла увидеть будущее. Два месяца спустя она умерла. Врачи сказали – «от недостаточности всех жизненно важных органов». По всей вероятности, именно так медицина объясняет смерть от старости. Когда бабушка умирала, мы с Мехмедом стояли у ее изголовья, и она казалась такой маленькой. То, что называется душой, отливало с ее лица, как морская волна. Из последних сил она постаралась напомнить о данном мной слове. Да, сказал я, помню, я дал слово. Мехмед, конечно, не понял, о каком слове идет речь.

Я смотрю, глаза твои закрываются, море, солнце и три бокала вина ударили тебе в голову. Моя голова тоже затяжелела, мне хочется спать, а сну сопротивляться невозможно. Бабушка моя говорила в таких случаях, что на ресницы сели десять арабов. Почему именно арабов, я никогда не мог понять, но ведь в самом деле сложно держать глаза открытыми, когда хочешь спать.

Наша с братом учеба в университете подошла к концу без всяких приключений, если, конечно, не считать приключениями студенческие политические безумства Мехмеда. После учебы я сразу ушел в армию, мне хотелось как можно быстрее преодолеть это препятствие. После краткого курса молодого бойца меня взяли в штаб. В штабе армии, расположенном в Бурдуре, я прошел интенсивный курс подготовки и научился пользоваться всеми основными видами оружия, лазать по канату и жить в условиях дикой природы. Поначалу мне было очень сложно, но со временем человек привыкает ко всему.

Мехмед игнорировал армию. Он нашел работу в одной американской фирме. Он говорил, что хочет отложить это дело, потому что ему совершенно не нравилась мысль о службе, но вскоре появилась возможность, заплатив деньги, отслужить всего несколько месяцев. Я умолял Мехмеда не пропустить такого шанса и в конце концов убедил его. После службы он мог бы вернуться на ту же работу. Дирекция фирмы ценила Мехмеда, и ему пообещали, что примут его после армии. В результате он тоже отправился служить.

После армии он вернулся на свою должность. Я же сменил несколько работ. Те годы были не слишком-то успешными для меня.

Затем один приятель по университету, мой ровесник, рассказал о России. Мы, конечно, знали, что там турецкие фирмы занимаются строительством, однако, когда Седат (мой приятель) поведал, что условия там очень хорошие, зарплаты высокие, а цены в России низкие и можно скопить денег, к тому же работу найти очень просто, мне в голову зашла мысль об этом. А уж когда он принялся вразумительно рассказывать о том, какие там потрясающие девушки, сил сидеть и ждать у меня не осталось. Прямо на следующий день я по рекомендации Седата подал документы в Енка. Эта фирма строила на обширной территории Советского Союза такое количество объектов, что сначала они даже не могли решить, куда меня послать, а затем сочли, что самым срочным и важным объектом является стройка в Белоруссии, в городке Борисов под Минском.

В те годы Восточный блок распадался, Красная армия вышла из Афганистана с большими потерями, советские войска покидали и Восточную Германию. Тысячам офицеров, возвращавшимся оттуда, требовались общежития. В Борисове, где уже были дома для офицеров и стоял военный гарнизон, для вновь прибывших должны были построить новый город. Так что в один прекрасный день я сел на самолет и улетел в Минск. В руках у меня была советская виза, паспорт и небольшая сумма денег, которую я поменял на доллары.

Стояла весна. Я почти влюбился в этот ухоженный, красивый, чистый и невероятно романтичный город. После смут, шума и толп, царивших на моей родине, Борисов казался мне уютным гнездышком. Он находился примерно в одном часе езды от Минска. Это был красивый маленький город, заросший вязами. Первое, что бросилось в глаза, – офицеры Красной армии, а еще турки – инженеры, архитекторы, клерки, строители, чернорабочие со всех уголков Анатолии. Все выглядели невероятно счастливыми.

Строители получали в месяц по пятьсот долларов, из них они сто оставляли себе, а остальное отправляли домой родным. Если знать, что в Советском Союзе зарплата инженера была примерно сорок долларов, то становилось совершенно очевидно, что эти рабочие ощущали себя миллионерами. Они жили в просторных бараках, но некоторые из них устроились «примаками» в офицерском городке и жили там. Когда я в растерянности спросил, что это означает, ответом мне было молчание. Полагаю, они смутились от расспросов «господина инженера», а я не стал добиваться ответа. Правду рассказал мне один приятель с фирмы: в разрушавшейся России все, включая офицеров, не получали заработную плату, а если и получали, то купить на нее все равно ничего было невозможно, если только на черном рынке. Наши «миллионеры»-строители заводили дружбу с красивыми девушками из таких семей, приходили к ним домой с водкой, шоколадом и различными напитками и едой и начинали время от времени там ночевать. Подобное общение часто принимало форму второй семьи. Их жены в Анатолии были довольны тем, что приходят деньги, а «неофициальные семьи» с юными девушками в Борисове тоже всех устраивали. Вот в чем была причина улыбок и загадочного молчания, стоило об этом заговорить. У них даже сложились шутки на эту тему: «Русские девушки как водка, можно выпить не закусывая, и нормально. Но турецкие девушки – как раки, к ним нужны соленья, сыр, дыня, много чего нужно».

Ух ты, удивился я про себя, чего только не бывает в жизни. А потом я спросил о том, как живут инженеры и директора. Среди них тоже были живущие на две семьи, но немало было и таких, кто влюблялся и женился на этих девушках. Турецко-российские браки входили в моду.

Такое падение нравственности никак не было связано с тем, что прежде в России царил социализм. Какой бы ни был режим, когда он рушится, все встает с ног на голову. Всем известно, что во время Второй мировой войны подобные случаи были не редкостью и в Европе. К сожалению, на долю женщин всегда выпадает больше страданий.

Но не будем отвлекаться на то, что не связано с нашей историей. Я продолжаю.

Жизнь в Борисове была спокойной и удобной, если не считать того, что мне приходилось очень много работать. Так как выбор иностранной фирмы был обусловлен тем, что проект будет сдан раньше срока, то мы вкалывали на стройке не покладая рук, днем и ночью.

По выходным мы с приятелями гуляли и катались по окрестностям. В этом нам помогала девушка по имени Людмила, которая работала в нашей фирме переводчиком, а также решала все вопросы с русскими организациями.

Эта высокая брюнетка носила очки, кожа у нее была невероятно белого цвета. Она закончила филологический факультет Московского университета и свободно говорила по-английски. Однако держалась со всеми очень строго и ровно, и, несмотря на ее длинные волосы, всегда связанные в плотный хвост, отливающие зеленью глаза за очками в роговой оправе и красивую фигуру, никому даже не приходило в голову ухаживать за ней, все воспринимали ее просто как коллегу.

По выходным пожилые женщины и девушки Борисова выносили в сквер всякие интересные поделки и ненужные домашние вещи на продажу. На расстеленных на земле покрывалах можно было увидеть иконы, подсвечники, стеклянные шары с церквями, внутри которых, если потрясти, шел снег. Продавались тряпичные куклы, матрешки, зеркала, вышитые покрывала, настольные часы и настенные часы с кукушкой, семейные фотографии в серебряных рамках и даже старая военная форма, медали и ордена. В те времена все русские гонялись за любыми деньгами и наперебой предлагали вещи, символизирующие советский режим.

Однажды вечером, когда я вышел покурить к дверям того самого отеля, о котором тебе уже рассказывал, из темноты передо мной возник худенький юноша и на ломаном английском, который очень сложно было понять, робко спросил, не хочу ли я купить часы. Было совершенно ясно, что часы эти либо из его дома, либо откуда-то украдены. Мне стало любопытно, и я попросил его показать их. Тогда юноша, боязливо оглядываясь, достал из-под полы темно-синего пальто что-то очень большое и странное. Когда я спросил, что это, он ответил мне, что это часы, снятые с военного самолета МиГ-25. Я застыл. Так, значит, теперь уже и военные самолеты разбирали на запчасти ради денег! Я спросил, сколько они стоят, и юноша робко ответил: «Десять долларов». Наверное, если бы я стал торговаться, он бы согласился и на пять, но я дал ему десять, купил эти часы и у себя в комнате очень долго их разглядывал. Я решил,

что этот странный прибор будет прекрасным подарком одному моему приятелю в Стамбуле, который коллекционировал необычные вещи. Позднее ему и в самом деле очень понравился мой подарок, однако, когда он рассказал мне, какой ужасной опасности я подвергался, я похолодел. И действительно, ведь мне удалось вывезти прибор от МиГ-25, преспокойно пройдя с ним контроль в аэропорту на глазах у агентов КГБ и неумолимых сотрудников таможни. Если бы меня обыскали и нашли этот прибор, то дела мои были бы плачевны. Вот какое невежество!

Приближалась зима, и осенние краски сделали Борисов еще красивее. Листья на деревьях покраснели, берега озер приобрели цвета, от которых дух захватывало. Буки и вязы сияли даже по вечерам. Все было прекрасно, и мне казалось, что я нашел рай на земле, в котором можно было не задумываться даже о любви и рождении ребенка. В общем, я был очень счастлив, но меня не отпускала мысль о Мехмеде. Я очень редко получал от него известия и волновался за него. Поэтому однажды я переговорил с нашим директором. Хорошо образованный инженер-электрик был ему очень нужен, я отдал резюме брата и услышал в ответ: «Хорошо, пусть приезжает».

Осталось только убедить Мехмеда. Я написал длинное письмо, в котором поведал о том, какая здесь чудесная природа и какие красивые девушки. Многие я преувеличил, однако на Мехмеда произвела впечатление маленькая фраза, которую я случайно добавил в самом конце. Я написал: «Здесь все в беспорядке, потому что режим рушится, и цены невероятно низкие». Хорошо, что я это написал: брата привлекла именно возможность увидеть вблизи то, как все приходит в беспорядок. В общем, он ехал ко мне; я очень радовался, однако, если бы мог предвидеть, что с нами произойдет, то радоваться бы не торопился...

Да, но девушка давно уже уснула, уронила голову на плечо, глаза закрыты, она видит десятый сон. Значит, о самом важном в этой истории я расскажу уже завтра. А теперь спокойной ночи, сладких сновидений!

Гнев девушки, жар больного юноши, ревность Кербероса, или Еще один обычный день

На следующий день между нами разразилась ужасная ссора. Я и не знал, что такая хрупкая на вид, изящная, интеллигентная девушка может так грубить. Мне открылась еще одна ее сторона, я увидел ее в том состоянии, когда она не может контролировать себя. Когда она сердилась, для ее языка исчезали все препятствия. О Аллахе, оказывается, я ее обманул, я же собирался ей рассказать самую поразительную историю любви, которую только можно услышать, а она по уши оказалась накормлена заурядной семейной сагой, ради которой ей пришлось остаться на ночь. В общем, я ей наврал, ей нет дела до меня и до моей семьи, и до моего странного братца, она слышала только какую-то фигню о России и ничего толком не поняла. Не иначе, я ей что-то подсыпал в вино, так как она неожиданно заснула. В общем, эти и подобные слова я выслушивал довольно долго. Слушал я их спокойно, стоя перед ней и протягивая ей чашку.

В конце концов мне удалось уговорить ее взять кофе. Гостья выпатила нижнюю губу и с таким видом, будто говорила «дай сюда свой чертов кофе», выхватила чашку у меня из рук, начала было пить, но тут же выплюнула. Черт подери, как можно такой горячий кофе варить, я, наверно, специально это сделал, чтобы она обожглась, у меня, наверно, цель такая – издеваться над ней.

Хвала Аллаху, именно в тот момент раздался звук поворачивающегося в двери ключа, вошла Хатидже-ханым.

Я спустился на первый этаж и попросил Хатидже-ханым приготовить завтрак на двоих.

Она давно привыкла к моему странному характеру и привычкам, и ее не удивила нынешняя необычная ситуация. Ей совершенно не показалось странным, что в моем доме оказалась гостья, которую она прежде никогда не видела.

Девушке я объяснил, что ей не стоит стесняться Хатидже-ханым: та ни о чем не подумает, так как давно меня знает.

– А о чем тут думать-то? – возмущенно спросила девица.

– Ну как о чем? О том, что ты тут ночевала, и все такое.

– А что такое?

– Ну, то есть она не подумает, что между нами что-то было.

Девушка посмотрела на меня с таким выражением, словно хотела сказать: «И ты туда же, дедуля!», но вслух произнесла:

– Разве не видна наша разница в возрасте?

– Конечно, видна, – ответил я, а потом объяснил, что действительно рассказывал ей очень длинную историю, которую невозможно изложить в двух предложениях, и ничего в вино не подмешивал: она уснула сама.

Я не знал, когда она заснула, и не мог понять, с какого места продолжать.

– Ты говорил о тамошних строителях, – напомнила девушка. – О русских дамах и все такое. О том, как ваши рабочие селились к ним в дома.

Она начала обращаться ко мне на «ты», а ведь прежде так не обращалась. Например, вчера... Нет, я не могу вспомнить, не могу быть уверенным.

– Ладно, – сказал я, – про Людмилу и Мехмеда расскажу... сегодня вечером.

Тут она подскочила и набросилась на меня:

– Какой еще вечер? Сейчас давай рассказывай!

– Мне что, при Хатидже-ханым душу раскрывать? – удивился я. – Это нелегко. Ты, между прочим, первый человек, который узнает нашу семейную тайну. Как ты можешь так легкомысленно к этому относиться?

– Ладно, но ведь Хатидже-ханым не пробудет здесь до вечера?

– У меня есть дела в городке. Мне нужно зайти в банк, в управление кадастра. А ты в это время постарайся разыскать Фериху, поговори с жителями деревни, может, тебе Хатидже-ханым поможет. Вечером встречаемся здесь.

– Я много людей видела, но таких, как ты, еще ни разу не встречала, – сказала она с видом всезнайки. Можно подумать, она прожила долгую жизнь и встречалась со многими людьми. – Ты только и думаешь о том, как обмануть, – продолжала она. – Я не останусь у тебя вечером, соберусь и уеду, у меня мать с ума сходит, коллеги по газете ничего понять не могут. Так что не уговаривай, я у тебя не останусь, это невозможно. Единственное, что я сделаю, – разыщу Фериху.

– Хорошо. Я не собираюсь удерживать тебя насильно. Ты можешь уехать, когда пожелаешь.

В этот момент Хатидже-ханым принесла на подносе миндальное курабье и кофе. Девушка презрительно морщилась. Наверняка подумала, что в этом доме и завтраком толком накормить не могут, настоящая

психушка, но, должно быть, она была очень голодна, потому что, не сказав ни слова, принялась за печенье. Мука осела вокруг ее губ, как белое маленькое облачко.

Я спросил у Хатидже-ханым, не может ли та отвести девушку к Ферихе. Женщина почувствовала, что за последние дни она стала очень важным человеком.

– Ну конечно, – радостно ответила Хатидже-ханым, – ведь Ферихе живет недалеко от нас. Когда пожелаете, тогда и отведу нашу красавицу туда.

Девушка резким тоном стала спрашивать меня, о чем я вчера все-таки успел поведать уже после того, как она заснула.

– О жизни рабочих, о Людмиле, о том, как я уговорил Мехмеда приехать в Борисов. Правда, вскоре мне предстояло убедиться в том, что я совершил самую главную ошибку в своей жизни, пригласив Мехмеда. Трагедия началась в Борисове.

– Что за трагедия? – нетерпеливо спросила она с набитым ртом. – С кем трагедия? С Людмилой?

– Нет. В этой истории есть еще один человек. Трагедия начнется, когда он войдет в нашу жизнь.

– Кто он?

– Самое прекрасное создание! Я вечером расскажу о нем и о знакомстве, которое разрушило жизнь моего брата.

– Оооох! – закатила девушка глаза и пробормотала себе под нос: – Вечером он расскажет! Долго ждать этого вечера. Будь его власть, он давно бы меня связал и оставил здесь рабыней.

Журналистка ушла вместе с Хатидже-ханым. Я пошел провожать их и в дверях сказал:

– Мы так привыкли друг к другу. Я буду часто тебе звонить.

Она фыркнула, даже не посмотрев на меня, и съязвила:

– Развлекайся со своей собакой. А если с собакой не выйдет, то у тебя есть *Любимая*. Стоит там понапрасну. Иди и разговаривай с ней целыми днями. Мне-то что до твоей жизни!

Через некоторое время Хатидже-ханым вернулась. Она отвела девушку к Ферихе и пришла обратно.

– Ахмед-бей, – спросила она, – почему эта журналистка постоянно пытается с кем-то встретиться? Что она здесь ищет?

– Она, наверное, пытается узнать о Светлане.

– Лично я уверена – это дело рук этой неверной.

Женщина помолчала, видимо, ожидая моих возражений, а затем

продолжила:

– В конце концов выяснится, что эта болгарская баба все и сделала. Вот бы судья меня послушал!

– Как твой сын, Хатидже-ханым? – спросил я. – Упала у него температура?

Хатидже-ханым сказала, что после температуры у него начался кашель, он лежит в кровати и не может встать, в общем, сильно простудился. Я спросил, показывала ли она его врачу.

– Ой, доктор много денег попросит! – нахмурилась Хатидже-ханым.

Закончив дела в городке, я пошел в аптеку и купил несколько жаропонижающих и болеутоляющих средств, а также сироп от кашля. Вернувшись в Подиму, я отправился к запущенному дому Хатидже-ханым. Забор вокруг дома давно упал, в саду прогуливалось несколько кур. Я позвонил в звоночек рядом с почерневшей от времени деревянной дверью. Дверь открыла Хатидже-ханым. Почему-то она была очень взволнована, хотя я и предупреждал ее, что приду. Оказывается, в доме не убрано, я должен извинить ее, старый хрыч ушел в кофейню, сейчас она угостит меня чаем или кофе.

Посреди комнаты, в которую я вошел, стоял квадратный стол, покрытый белой клеенчатой скатертью в зеленую клетку. На столе лежала наполовину перебранная сырая фасоль. Я сказал хозяйке, чтобы она не беспокоилась, я ненадолго, и спросил о Мухарреме.

– Он, бедняжка, спит в спальне, – сказала она.

Я отправился туда. Парень действительно спал. Одеядо с него сползло на пол. На его бесформенном теле красовались тесные трусы. Лицо было пунцовым. Я взглянул на лоб, непропорционально большой для его лица. Пот стекал по его лицу, было ясно, что у него жар. Стараясь не разбудить больного, я вернулся к Хатидже-ханым, отдал ей лекарства, объяснив, как ими пользоваться, и предупредил – если средства не помогут, то парня придется везти в больницу.

– Награди вас Аллах за вашу помощь! – всплеснула она руками, провожая меня к двери.

Под эти молитвы я вышел из дома, размышляя, как же еще меня может наградить Аллах. Впрочем, награды я никакой не ждал, молитв тоже. Я старался лишь для того, чтобы как можно сильнее привязать к себе Хатидже-ханым, чтобы она лучше заботилась о моем доме.

Вернувшись домой, я взял Кербероса и отправился с ним на берег моря. Пес был обижен. Когда я спросил, в чем дело, он отвернулся. Мне стоило больших усилий понять, что на самом деле он ревнует меня к

девчонке. В последние несколько дней я уделял ей слишком много времени. Мне хотелось, чтобы Керберос простил меня, я хотел даже его погладить, но пес дал понять, что это невозможно.

– Ладно, – вздохнул я. – Не расстраивайся. Все закончилось, она уехала.

Вечером я вновь вернулся к чтению. На сей раз я принялся читать книжки о юных девушках. Так прошло несколько часов. У Толстого есть очень хороший рассказ, написанный от лица юной девушки. Девушка рассказывает, как влюбилась в одного мужчину, вышла за него замуж, а затем заставила его испытать сильное разочарование. Толстой, человек, который всю жизнь ссорился со своей женой, умудрился поставить себя на место юной девушки и невероятно подробно поведал о ее чувствах. Читать было очень интересно. Возможно, профессия писателя заключается не в том, чтобы рассказать, а в том, чтобы досконально понять своего героя.

Я позаимствовал название этой главы у одного петербургского писателя, страдавшего эпилепсией, потому что нет лучшего способа донести – с учетом моих скромных способностей – то, в каком душевном состоянии был Али, который тем утром сначала позвонил, а затем явился ко мне домой. Дело в том, что он по-прежнему ощущал себя «мужем» и испытывал всю гамму чувств: и мужнюю ответственность, и мужнее чувство собственности, и мужнюю нежность. Однако жены у него теперь не было. Он уселся в кресло напротив и принялся печальными глазами смотреть на меня.

– Это невыносимо, – пожаловался он. – Мне, наверное, не стоило к тебе приходить, но я не могу с собой совладать. Не могу сидеть сложа руки, не поговорив со всеми, кто знал Арзу, кто разговаривал с ней, кто помнит ее. Не могу не думать о ней. К тебе она ходила часто, а я никогда здесь не бывал... Но теперь... как бы так сказать... Теперь, когда ее нет, мне захотелось увидеть этот дом. Пожалуйста, покажи мне, в каком кресле она сидела. Знаю, что она любила кофе, ты наверняка ее угощал; покажи мне ту чашку, из которой она пила. Я уже говорил тебе, что мне не спится ночами, а когда удается забыться, во сне все выглядит только страшней. Мне снится, что она все еще жива. Кажется, что мне только приснилось, будто она умерла, и, стоит проснуться, все будет по-старому. Но потом реальность вновь запускает острые когти в мое сердце.

Он безостановочно говорил, а я сидел и соображал, что делать. Стоит ли выдавить из себя пару утешительных слов или лучше промолчать? Я не знал, как быть. Его последняя фраза напомнила мне эпизод из «Итальянских хроник» Стендаля. Убийца, герой рассказа, медленно вонзает нож в грудь жертвы и цинично спрашивает бедняжку, задел ли нож сердце. Все это повторяется в рассказе несколько раз. С Арзу, по крайней мере, такого не произошло.

А может, рассказать ему об эпизоде, который изобразил Стендаль, и попытаться немного утешить, что с Арзу хотя бы такого не произошло? Или он решит, что я спятил?

Он спросил совершенно неожиданно, любил ли я Арзу. Немного помявшись, я сказал, что да, конечно, любил. Али спросил, о чем мы разговаривали здесь, в этом доме, когда она приходила.

– Да ни о чем особенном... Говорила по большей части она.
– О чем она говорила?
– Да ни о чем особенном, о том о сем...
– Обо мне она говорила?
– Конечно, говорила!
– И что говорила?
– Говорила, что очень тебя любит.
– А какие слова она при этом употребляла?
– О, Аллах! Ну просто говорила: «Я очень люблю этого человека».
– Она рассказывала тебе о том, с кем встречается в Стамбуле?
– Нет!
– Ну, пожалуйста, Ахмед. Нет смысла скрывать что-то от меня. Я знал, что Арзу время от времени встречается с кем-то, но виду не показывал.
– Почему?
– Боялся ее потерять, понимаешь, – вздохнул он. – Ведь она – моя жена. Она могла гулять где угодно, а возвращалась всегда ко мне. Но теперь мне хочется выяснить, с кем же именно Арзу встречалась в Стамбуле. Я разыщу этих людей.

Мне пришло в голову, что, возможно, он решил отомстить.

– Хочу разделить с ними воспоминания об Арзу, – продолжил он. – Ее любовники обнимали ее прекрасное тело, вдыхали ее чудесный аромат, и наверняка каждый из них немножко пахнет ею. Случившееся сблизит нас. Те, кто сильно влюблен, обычно ревнивы; конечно, таким людям очень не хочется, чтобы объект их любви физически наслаждался с кем-то другим, ведь любовь часто смешивается с чувством обладания. Тот, кто жаждет обладать любимой, против того, чтобы она была счастлива с кем-то другим, даже если речь идет именно о счастье. Он даже предпочтет смерть возлюбленной. Но есть еще большая степень любви. Знаешь какая?

– Какая?

– Такая, благодаря которой забывают даже о ревности. Такая любовь, благодаря которой любишь всех тех, кто делает счастливым твою любимую. Стремление обладать проходит, остается чистая любовь.

Отчего происходящее казалось мне странным? Оттого ли, что я плохо знал людей, или оттого, что Али и в самом деле вел себя странно? Я не знал того, что он испытывает, и поэтому не понимал, о чем он говорит.

Итак, мужу Арзу хотелось разыскать любовников убитой жены и поговорить с ними о ней. Неужели он и в самом деле этого хотел или просто стремился разузнать их адреса и убить всех по очереди? Умалает ли месть любовные страдания или, наоборот, усиливает? Отелло, задумав

любимую супругу, не обрел покой, наоборот, он раскаялся в том, что совершил. Было бы все по-другому, если бы мавр узнал, что жена в самом деле ему изменяет?

Почему люди не в состоянии разгадать загадку под названием «любовь»? Стоит ли это душевное состояние такого количества страданий, такого количества убийств и самоубийств? Пророков называли «возлюбленными Аллаха», но ведь жены ревновали их не к Аллаху, а к другим женщинам! Значит, и у пророков любовь ничем не отличается от любви простых смертных.

А еще меня странным все считают! Все люди странные.

Проводив Али, я сел и открыл свой дневник. Пока я слушал его, меня посетило множество мыслей. Если бы в тот момент мне удалось их записать, кто знает, сколько бы прекрасных жемчужин попало в мою тетрадь?

Размышляя над нашим разговором, я вновь вспомнил об «Итальянских хрониках» Стендаля. Лучший стиль для написания истории – стиль полицейского секретаря. Я написал следующее:

Если я прав, то получается, что секретарша в прокуратуре пишет лучше всех? Но этого не может быть, ее тексты не доставляют никому удовольствия. Правда, те, кто работает в прокуратуре, записывают не собственные мысли и слова и не слова подозреваемого или свидетеля. Они записывают слова, которые диктует прокурор. Так что недостатки в тексте хроник имеются не по вине Стендаля. Короче говоря, если дать возможность секретарше писать самой, я уверен, она напишет много замечательных историй. Монтень как-то сказал: «О, если бы я мог говорить на том языке, который употребляет парижский зеленик на рынке!» Но я сел писать не из-за этого. Я собирался подумать о том, что рассказал мне Али, о его понимании любви, о его желании найти любовников Арзу. Я собирался поразмыслить во время письма, но уже ясно, что думать тут не о чем. Почему люди постоянно думают обо всем этом? Разве чувства не должны их пугать? Как замечательно, что у меня таких проблем нет.

И снова – галстук прокурора, девушка ест симит и другие истории

Следующим утром покой моего дома был нарушен залиvistым лаем Кербероса, а затем и дверным звонком. Кажется, жизнь, которую я создал для себя, с ее монашеским уединением, в последние дни стала напоминать скорее будни политика, который любит публичные купания.

Открыв дверь, я вновь увидел перед собой знакомых полицейских.

– Господин прокурор вновь вызывает вас к себе. Не затруднит ли вас снова проехать с нами?

Я опять спросил, а присылали ли накануне сообщение. Да, посылали. Ну значит, я сам виноват, что не посмотрел. Нужно проверять телефон каждый день. Увидел бы я чертово сообщение, то мог бы сам поехать к прокурору. А теперь меня опять везут полицейские.

Мне пришлось подняться к себе в спальню, чтобы опять собраться, одеться, правда, на сей раз я решил обойтись без галстука – чтобы не нервировать прокурора. Лосьоном я поливаться тоже не стал.

Спустившись, я сообщил полицейским, что желаю ехать на собственной машине. Те в ответ мягко возразили, что если бы я увидел сообщение в телефоне, то именно так бы и мог поехать. Было видно, что им не хотелось возвращаться с пустыми руками. Они задумались, помолчали, потом пошли к своему фургончику, припаркованному у обочины, и о чем-то переговаривали с ожидавшими их товарищами. Затем водитель сел за руль, а полицейский, сидевший внутри, выбрался и направился ко мне.

Он сказал, что поедет со мной на моей машине. Так мы и поехали следом за фургончиком. Ехали мы очень медленно, то и дело останавливаясь. Сквозь заднее зарешеченное окошко фургончика мне хорошо были видны лица обоих полицейских. Время от времени я украдкой поглядывал и на того, который сидел рядом. Почему-то лица деревенских парней, достигших подходящего для армии возраста, иногда неожиданно приобретают особенную жесткость. Лбы, носы и челюсти полицейских выглядели грубыми. Еще одной особенностью было то, что у них были широкие затылки и запястья. Разглядывание отвлекло меня.

Мы подъехали к зданию прокуратуры, прошагали по коридорам, стены

которых были выкрашены в темно-зеленый цвет, мимо судебных приставов, выкрикивавших фамилии, прямо к кабинету господина прокурора. Там внутри явно кем-то занимались: меня попросили подождать за дверью, и ждать пришлось примерно сорок пять минут.

Здание прокуратуры обладает одним свойством: если окажется в нем даже совершенно невиновный человек, то сочувственные взгляды окружающих и гнетущая обстановка рано или поздно обязательно заставят его почувствовать свою вину.

Когда прокурор наконец пригласил меня, я сразу заметил, что его галстук был повязан еще небрежнее. Наверное, этого молодого человека просто никто не учил, как правильно завязывать галстук. Рубашка прокурору была явно велика, манжеты доходили до середины запястья и мешали ему, но, не обращая на это внимания, прокурор упорно подписывал какие-то бумаги из оранжевой папки. Он сделал мне знак садиться, я сел. Молоденькая секретарша за компьютером с давно невымытыми светлыми волосами, нездоровая и бледная на вид, с опаской посмотрела на меня. Затем опустила голову и продолжила писать. В общем, прокуратура была на редкость тоскливым местом.

Закончив дела, прокурор начал задавать мне вопросы о Светлане; по его словам, «расследование в отношении нее продолжалось». Сначала он попросил меня сказать, какого я мнения о ней, что она за человек, не был ли я свидетелем каких-либо ее подозрительных поступков. Я сказал ему, что Светлану знаю не очень хорошо, так как всего несколько раз видел ее в доме у Али, но она всегда казалась мне умной, исполнительной, сообразительной, внимательной, понятливой, спокойной, хорошо образованной – одним словом, человеком, который отлично справляется со своей работой.

– То есть спокойно убить человека она смогла бы? – уточнил прокурор.

– Не могу вам ничего об этом сказать, так как никогда никого не убивал и поэтому не знаю, как обычно убивают, – спокойно и хладнокровно ответил я. – Извините, но я не смогу ответить на ваш вопрос.

Мой ответ прокурора, конечно, разозлил – а между тем намерений у меня таких не было. Полагаю, что он злился еще и потому, что в прошлый раз судья не счел нужным задерживать меня надолго. Я заметил, что, когда прокурор злится, он запускает руку в шевелюру и откидывается в кресле. Он повторил оба движения и тут же начал подробно расспрашивать меня обо всех особенностях того злосчастного вечера.

Я рассказал ему все до мельчайших деталей. Поведал обо всех приятелях Арзу и обо всех их шутках. В общем, я постарался выглядеть

ответственным гражданином, который уважает законы и всегда готов оказывать содействие любым государственным органам.

Некоторые вопросы он задавал по два раза. Скорее всего, проверял, повторю ли я то же самое. Я решил не придавать этому значения. Рассказывал ему все, о чем он просил. Я даже рассказал, что спрятался в кабинете Али, потому что мне надоела шумная толпа гостей, и рассматривал книгу про Алвара Аальто.

- О ком книга? – переспросил он.
- Об одном очень известном финском архитекторе.
- Как его фамилия? Аальто?
- Произносится Аальто, но пишется с двумя «а».
- Ладно, продолжайте. Итак, вы листали книгу про этого архитектора.

А что было потом?

- Я увидел, как Светлана вышла из своей комнаты, а потом вернулась.
- Зачем она выходила?
- Не знаю.
- У вас нет предположений?
- Она ходила в туалет.
- Откуда вы знаете.
- Предполагаю.
- Хммм. Понятно. А Фериху вы видели?
- Нет. Я, в общем-то, такую даже не знаю.
- Ну, а если бы знали?
- В смысле?
- Ладно. Светлана больше не выходила?
- Нет, насколько я помню, не выходила.
- Что значит – насколько я помню?
- Возможно, она вышла после того, как я ушел.

Допрос мне ужасно надоел, но показать свое недовольство права у меня не было. За этим занятием – вопросами, ответами и фразами, обращенными к секретарше «Пиши, пиши!» – прошел примерно час. Прокурор не только задавал мне вопросы, но и объяснял секретарше, как записывать мои ответы, а также диктовал их ей, немного меняя их, словно я был не в состоянии нормально рассказывать. Я не возражал, так как смысл он не менял. У меня было только одно желание: как можно скорее добраться до дома и насладиться покоем и отдыхом в тишине среди книг, которые шуметь не умеют.

Хвала Аллаху, все наконец закончилось. Вежливо кивнув на прощание прокурору, я удалился. Было ясно, что Светлане грозят серьезные

неприятности.

Время шло к полудню, когда я вышел из прокуратуры. Желудок напомнил мне, что я не успел позавтракать. Я направился было к закусочной, перед которой на улице стояло несколько простых деревянных столиков, и тут увидел свою журналистку. Девушка сидела за одним из столиков кафе с тремя молодыми людьми. Они ели бублики-симиты и прихлебывали чай из пузатых стаканчиков-армудов. Моя знакомая со смехом о чем-то рассказывала приятелям, с аппетитом жуя симит.

Она заметила меня почти сразу; поначалу на ее лице отразилась растерянность, затем она встала, подошла ко мне и протянула руку. На этот раз она была в узкой черной юбке и серой блузке с коротким рукавом. Она спросила, что я здесь делаю, хотя прокуратура находилась напротив кафе. Я рассказал о допросе.

– Н-да... – задумчиво протянула она. – Светлану отправили в Уголовный суд. Так что теперь более-менее ясно, кто преступник.

Было понятно, она неплохо разбирается в юридической терминологии. Что сказать в ответ, я не знал. Наступило молчание. Девушка махнула в сторону приятелей: «Это мои коллеги по газете. Мы приехали, чтобы наблюдать за тем, как идет процесс».

– Замечательно! – отозвался я.

– Посидите с нами немного?

Я извинился и сказал, что хотел бы поехать домой.

– Ну, естественно, – согласилась она. – Ваши книги давно вас не видели и по вам соскучились.

Она вновь перешла на «вы», но вот я переходить на «вы» не собирался.

– Конечно, соскучились. Я тоже по ним соскучился.

– А еще мы забыли Кербероса.

Я утвердительно кивнул.

– Да, и *Любимую* тоже!

Ей явно хотелось поговорить. Ну а мне все это надоело, я кивнул девушке и отправился восвояси. Свою развалюху я припарковал на одной из улочек рядом с прокуратурой. Не успел я дойти до машины, как рядом с моим отражением на лобовом стекле отразилась и моя журналистка. Она стояла за спиной. Я повернулся и увидел странное выражение на ее лице. То ли страдание, то ли неловкость, то ли еще какое другое сильное чувство терзало ее – я не понял. Мы оба молчали. Наконец я спросил, что ей нужно; неужели ей так любопытно знать, что сказал мне прокурор.

– Нет! – еле слышно проговорила она.

Меня осенило:

– Так ты историю о Мехмеде дослушать хочешь? Что же сразу не сказала?

Она утвердительно кивнула:

– Да, я хочу знать, что произошло с вашим братом. Что значит самая красивая в мире женщина? У вас есть ее фотография?

– Ну тогда прошу в машину, – сказал я. – Я продолжу рассказ. Но прежде мне нужно заехать к Хатидже-ханым, справиться о здоровье ее сына Мухаррема.

К моему удивлению, она не стала спорить, тут же побежала к своим приятелям, сказала им что-то и, схватив свою сумку, вернулась.

Когда мы доехали до Хатидже-ханым, девушке захотелось подождать меня в машине. Однако в сад вышла сама хозяйка, увидела мою спутницу и сказала, что без айрана никуда нас непустит. Возражать ей было совершенно невозможно.

На удивление, в этот раз дома был и муж Хатидже-ханым, который обычно в это время дня сидел в кофейне. Этот человек никогда в своей жизни не работал, скажем так, по-настоящему: на стройке или клерком в конторе. Тем не менее у него были свои обязанности: он собирал хворост в лесу, ухаживал за курятником, кормил птиц, собирал яйца, следил за собственными посадками в саду – короче говоря, отвечал за хозяйство и пропитание. Иногда он нанимался в дома стамбульцев ухаживать за садом, а в помощь на подрезку деревьев брал с собой сына Мухаррема. Он был улыбчивым человеком с ясным лицом, весь в своего отца, тоже Мухаррема, переселенца из Болгарии. Год назад старик тихо скончался от старости и был похоронен на деревенском кладбище. Внука называли в честь деда. Помимо старшего Мухаррема, в семье было еще двое детей – девочка и мальчик. В отличие от своего брата, они родились совершенно нормальными.

За питьем айрана, приготовленного Хатидже-ханым, – а был он совершенно особенным, – мы узнали, что нашими молитвами Мухаррему сегодня намного лучше. Лекарство помогло, температура спала. Правда, он по-прежнему был очень слаб, лежал в поту, но уже пришел в сознание. Увидев рядом со мной незнакомую девушку, он страшно заволновался, попытался сесть, однако я остановил его. Парень был стеснительный, перед нами ему было неловко, он заливался краской. Голос у него совершенно сел, раздавался только сип. Я прислушался и, наконец, понял: он произносит «Как там Кырбаш?».

– Все хорошо, – ответил я. – По тебе соскучился.

Так как у Мухаррема были от рождения проблемы с речью, то

Кербероса он называл «Кырбаш». С первого дня знакомства он крепко подружился с моим псом, и когда он приходил ко мне на занятия, то подолгу возился с ним в саду. Они играли в такие безумные игры, что у тех, кто видел Мухаррема вдвоем с огромной собакой, замирало дыхание. Иногда Керберос (то есть Кырбаш) мягко сжимал огромными челюстями его руку и подолгу не отпускал. Если бы Керберос чуть сильнее сжал челюсти, то от руки бы ничего не осталось. Однако пес так осторожно сжимал руку, что ни разу не поранил ее. В общем, поражало то, как внимательно оба относились друг к другу.

Дорога проходила по возвышенности, откуда открывался великолепный вид на Черное море. На самой верхней точке я остановил машину, чтобы показать девушке вечернее солнце, которое отражалось в черноморской воде – самом прекрасном зеркале на свете. На небе не было ни облачка, погода стояла такой ясной, что, казалось, можно было разглядеть вдали очертания болгарского берега.

Я часто приезжал на это место, чтобы наблюдать за состоянием Черного моря, которое меняло свое обличье, словно живой человек. Иногда море гневало, с нескончаемой энергией бросалось на прибрежные скалы; иногда кокетливо облизывало береговую линию, а очень редко оставалось недвижимым, словно озеро. Я научился познавать Черное море, словно героя какой-нибудь книги, с помощью перемен в его настроении: минут гнева или беспомощности, томлений или надежд. Бескрайний вид, ровный, как зеркальная гладь, полностью захватил меня, но вот наша рациональная девочка была далека от подобных переживаний. Она спросила, почему Мухаррем так странно выглядит.

– Все просто, – объяснил я. – Он ненормальный. Но у него доброе жалостливое сердце. Иногда он мне кажется самым нежным человеком в деревне.

– А похожи ли на Мухаррема его брат и сестра?

– Нет, – ответил я. – Зухаль нормальная, Эрджан тоже. С обоими все в порядке.

– Ну а с этим что стряслось?

– Брак между родственниками. Парень родился в результате изнасилования. Хатидже изнасиловал ее дядя по материнской линии. Муж Хатидже усыновил ребенка и даже дал ему имя своего отца. В деревне все об этом знают, но никто об этом не говорит. Короче говоря, Мухаррем – это своего рода Смердяков.

– Кто-кто?

– Смердяков.

– А это еще кто такой? Тоже герой романа?

– Да.

– Стоит вам только открыть рот, как непременно какой-нибудь герой романа вспоминается.

– Для меня вся жизнь – роман, а люди – его герои.

– В таком случае я вынуждена признать вашу правоту.

По ее тону было ясно, что сказала она это с большой неохотой.

– Вы оказались правы насчет Светланы, – вздохнула она. – Выдуманнные вами истории становятся правдой.

– Я тебе об этом сто раз говорил, а ты все не верила. Ты мне напоминаешь неумную ученую даму.

Она смутилась и робко произнесла:

– Так, значит, вы и меня считаете героем очередного романа?

– А ты что, сомневалась? Одной из главных его героинь!

– Ну тогда расскажите мне, что я за человек?

По опыту могу сказать, что абсолютно все люди обожают, когда речь заходит о них.

– Тут, собственно, нечего рассказывать, – начал я. – Ты – здоровая девочка. Твой растущий организм постоянно производит гормоны, и в этом возрасте ты все время находишься под их воздействием. Это совершенно нормально. Ты считаешь, что свободна и сама принимаешь решения, но на самом деле ты всего лишь рабыня органа, похожего на маленькую луковичку.

Судя по всему, она неверно меня поняла и напряглась.

– Да нет же, – поспешил я ее успокоить, – я говорю о гипофизе, который находится у тебя в мозгу.

Обида тут же уступила место насмешке.

– Ну тогда расскажите, как гипофиз управляет мной.

– Он хочет заставить тебя сделать ребенка для продолжения рода, – сказал я.

– Все женщины мечтают о ребенке!

– Да, верно! Но в определенном возрасте. После рождения ребенка гипофиз заставляет интересоваться не столько сексом, сколько кормлением, охраной, воспитанием. И все это длится до менопаузы...

– А после?

– А после диктатор-гипофиз велит женщине стать эгоисткой и интересоваться только собственным комфортом. С точки зрения природы, этот период жизни ничем не отличается от смерти. Ведь женщина уже выполнила свою функцию, продолжила свой род. Ну а сейчас ты

находишься в поиске мужчины, который подойдет тебе как отец будущего дитя. Я угадал?

Тот день выдался очень жарким, и мой старик «опель» полуоблупившегося темно-синего цвета раскалился на солнце, словно пушечное ядро. Модель была очень старой, и поэтому кондиционера в машине не оказалось, что, конечно же, очень беспокоило девушку. Она то и дело доставала из сумки платок и вытирала пот с шеи. Я прекрасно видел, что она уязвлена. Конечно же, журналистка где-то в глубине своего сердца прекрасно понимала, что я совершенно прав, но вовсе не собиралась мириться с моими словами. Несомненно, она уже точила когти.

– Давайте сменим тему, – предложила она. – Вы не сердитесь на прокурора?

– Нет. С чего бы мне на него сердиться?

– Он начал вас подозревать, даже арестовать хотел.

– Он лишь делал свою работу. Ты ведь тоже меня подозревала. Чуть было полицию не вызвала.

– Мне хотелось вас испытать. Проверить, выдержат ли ваши нервы.

– Мои нервы выдерживают многое. Мне удалось победить диктатора, который управляет человеком, – собственное эго.

– Мне кажется, вы врете или просто себя убеждаете. Я же вижу, что вы не такой бесчувственный человек, каким хотите казаться.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но я говорю правду.

– Короче, вы хотите сказать, что и мной, и другими людьми – кроме вас, разумеется, – управляют диктаторы, которые сидят в наших мозгах?

– Именно это я и хочу сказать!

– Ну надо же! – возмущенно воскликнула она. – Я еще никогда в жизни не встречала такого самоуверенного человека. Но вам я почему-то верю. Правда, я уверена, что непременно существует способ сбить с вас спесь.

– А вот и не существует!

– С чего бы?

– Не существует, говорю тебе!

– А я уверена, что существует.

Ей очень хотелось, чтобы я вышел из себя. Однако я сохранял спокойствие и говорил чуть ли не шепотом. Мне даже в какой-то момент показалась ужасно смешной эта ситуация. Я завел мотор, и мы поехали в сторону деревни.

В этот момент девчонка выдала нечто совершенно для меня неожиданное, завопив что есть мочи: «Старый козел! Ублюдок! Грязный

бабник!» Я спокойно вел машину, не глядя на спутницу – давно понял, какой чокнутой она может быть.

– Знаю, – продолжала она орать, – ты не можешь прикоснуться к людям только потому, что никто не согласится бесплатно трогать такое старое чучело, как ты?!

Я продолжал молчать. Она решила повысить градус и плюнула в меня. Да-да, она в меня плюнула. Плевок попал в щеку. Я снова ничего не сказал и даже не рассердился – что там сердиться. Я просто ехал и думал о своем, глубоко погруженный в собственные мысли, машинально поглядывая на зеленую муху, жужжавшую у лобового стекла – терпеть не могу мух что дома, что в машине; всегда слежу, чтобы муха не села на меня.

Наконец мы подъехали к дому. Я загнал машину во двор. Девушка продолжала сидеть в «опеле», я тоже не выходил. Керберос встал на задние лапы, заглянул к нам, помахивая хвостом. Девчонке неожиданно пришло в голову ударить меня сумкой по голове. Но, размахнувшись, она остановилась – для нее все это было просто экспериментом. Я предупредил фурию:

– Не вздумай делать этого в саду.

– Значит, и у вашего терпения есть границы, – обрадовалась она.

– Если Керберос увидит, что кто-то поднял на меня руку, он тут же накинется на обидчика, – спокойно ответил я. – В Подиме разразится очередная трагедия, а ты попадешь на первую полосу своей газеты: правда, как жертва.

Здесь она, кажется, испугалась, лицо ее стало белым, как лист бумаги, нижняя губа задрожала. Она вновь перешла на «вы»:

– Как вы думаете, ваш пес что-то видел?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Скорее всего, почувствовал. Ему необязательно что-то видеть.

– Но ведь у меня не было дурных намерений, я не хотела причинить вам вред, – залепетала она. – Мне хотелось вас проверить. Ну, знаете, иногда проверяют человека, когда он утверждает, что слепой, а на самом деле нет. Извините меня, пожалуйста, очень вас прошу, я, наверное, сошла с ума. И все-таки почему вы не реагируете на то, что я накинулась на вас и даже хотела ударить?

– Дело в том, что, пока ты кричала на меня, я думал о Сократе. Видишь ли, однажды на улице кто-то оскорбил Сократа и даже ударил его. Тот предпочел ничем не отвечать и ушел как ни в чем не бывало. Его спросили, почему он не ответил обидчику, а Сократ сказал: «Если меня укусит осел, я что, должен его в суд вести?»

Девушка растерянно замолчала, понутив голову.

Когда мы вышли из машины, Керберос с удивлением посмотрел на нас, пытаясь понять, что произошло. В этот момент девушка внезапно схватила меня за руку. Я вздрогнул. Керберос залаял как сумасшедший, пытаясь сорваться с цепи. Журналистка застыла от страха.

Впервые за долгие годы ко мне прикасался человек; я оказался к этому не готов. Голова моя кружилась, кровь отлила от щек. Земля заходила ходуном под ногами. Я закричал. Прибежал сосед-бакалейщик, усы которого были тронуты сединой: «Что случилось, братец Ахмед-бей? Что стряслось?» Он явно испугался за меня, но войти в сад не решался, потому что Керберос, как безумный, рвался с цепи. Пес решил, что я нахожусь в большой опасности, и прикладывал все свои силы, чтобы освободиться. В конце концов цепь лопнула, и пес вырвался, ринулся к нам, словно молния, и одним прыжком сбил девчонку с ног. Ему хватило бы и минуты, чтобы перегрызть ее худенькое горлышко. Бакалейщик мгновенно скрылся. Я закричал, теперь уже на Кербероса:

– Сидеть! Немедленно сидеть! Рядом!

Должно быть, пес почувствовал мою решимость: он отпустил девушку и сел рядом. Девчонка явно была в шоке. Она вся сжалась и тихонько постанывала, закрыв лицо руками. Я велел Керберосу возвращаться на место. Он нехотя улегся перед будкой, но глаз с нас не спускал и иногда тихонько рычал. Я опустился рядом с девчонкой, мягким голосом сказал ей, что опасность миновала, что бояться больше не нужно, однако шок ее был так силен, что, кажется, она не понимала моих слов.

– Шшшшш, тихо, успокойся, – говорил ей я. – Успокойся, все позади, больше нечего бояться. Кербероса здесь больше нет, открой глаза и сама посмотри, здесь нет никого, кроме меня. Ну все, все, успокойся, хватит бояться. Я правду говорю, Керберос больше не причинит тебе вреда. Ну же, сама посмотри!

Бедная девчонка тряслась и дрожала всем своим худеньким телом.

– Давай-ка пойдем домой, – наконец сказал я. – С тобой все в порядке. Ты просто сильно испугалась.

Она по-прежнему была в шоке и поэтому явно с трудом верила моим словам, но тем не менее понимала, что долго оставаться по соседству со свирепой собакой не стоит. К тому же в доме было безопасно. Она резво вскочила и побежала к дому. Керберос вновь залаял, я прикрикнул на него. Едва дверь закрылась за нами, девчонка заревела. Она плакала, словно ребенок. А я стоял рядом как столб, не зная, что и делать. Я даже не мог сказать ей, чтобы она замолчала, потому что не находил слов утешения.

Лишь через некоторое время я сумел выдавить из себя: «В твоей комнате есть ванна. Теплая вода пойдет тебе на пользу. Полотенца там чистые, так что можешь не беспокоиться».

Она с упреком взглянула на меня, а затем, всхлипывая, отправилась в комнату. Я заметил, что она хромает. Наверное, ушиблась, когда падала, или Керберос придавил ее своей тяжестью. Я принес из аптечки йод, бинты, мазь от ушибов и положил перед ее дверью, громко уведомив свою гостью о медикаментах. Ну что же за день-то такой!

После того как прошло время, достаточное для принятия ванны, я отнес ей под дверь чай с бутербродом, постучал, но она не отозвалась. Может быть, спала, тем не менее я громко сказал, что на подносе чай с бутербродом и аспирин и что я так же оставляю все это у нее под дверью. Затем пожелал ей спокойной ночи, поднялся к себе и погрузился в чтение, искренне надеясь, что книга сможет меня отвлечь и я забуду обо всем, что произошло. Однако должен признаться, что это мне не удалось.

Впервые за долгие годы, пусть на мгновение, ко мне кто-то прикоснулся. Это и прикосновением-то толком не назовешь, я даже почувствовать ничего не успел, и все же меня коснулись. Для меня прикосновение было настоящей революцией. Можно сказать, что я пережил тяжелую психологическую травму. Хорошо, что оно не было долгим. Я попытался разумом отфильтровать все эмоции, нахлынувшие на меня, отвлечься какими-то более глубокими размышлениями, но вскоре убедился, что у меня ничего не выходит, и спустился на первый этаж, чтобы избавиться от скопившейся в мышцах молочной кислоты. Внизу я уселся в объятия *Любимой*, повысил силу массажа и включил машину. Поршни пришли в движение и принялись нажимать на все части моего тела. Давление *Любимой* отчасти напоминало давление манжеты тонометра – обычно оно приятно людям. *Любимая* была большой и крепкой – как раз такой, чтобы охватить все мое тело. Когда она обнимала меня, я чувствовал ее силу и расслаблялся. Я пролежал в ее объятиях примерно полчаса, затем встал и принял горячий душ. Благодаря этим манипуляциям ночь моя прошла спокойно и благополучно, я спал крепко.

Во сне меня посетило гораздо более редкое видение, чем синие зайцы: я видел огромного, мускулистого, сияющего черного жеребца, мчавшегося во весь опор со скоростью, которой вполне мог бы позавидовать любой современный локомотив. Круп его блестел от пота, а я с восторгом наблюдал за этим удивительным созданием. Я даже слышал топот его копыт. Передние ноги так гармонично топали в такт задним. Этот звук был как музыка, даже гораздо лучше музыки. Мне этот звук напомнил все

ускоряющуюся мелодию «Болеро» Равеля. Из огромных черных ноздрей валил поистине адский пар.

Зубы Кербероса, прививка от бешенства и так далее

Утром я постучался к девчонке в комнату. В ответ она сказала, что скоро выйдет. Я решил накрыть для нее завтрак «по-турецки», чтобы помочь как можно скорее забыть пережитое: сходил в бакалею и купил там все, что нужно – брынзу, оливки, яйца, варенье. Бакалейщик, усы которого были тронуты сединой, спросил о здоровье моей гостьи.

– Все хорошо, – ответил я.

– Вот бедняжка, – покачал он головой. – Аллаха надо благодарить, что она не померла от страха.

Он, наверное, ждал моих комментариев по этому поводу и вопросительно уставился на меня. Однако поняв, что я намерен хранить молчание, продолжил:

– Я сам чуть с ума не сошел. Этот твой Кырбаш – вообще бешеный, это не собака, а исчадие ада какое-то. Вы хоть знаете, с чего он накинулся-то?

– Нет, не знаю.

– А кто знает? – не унимался бакалейщик.

– Ну, это животное. Кто знает, что у него в голове. Но теперь уже все позади, так что не беспокойтесь.

– Мне кажется, вам цепь надо покрепче сделать, – посоветовал он. – Вы же видите, его ничем не сдержать. Суций дракон.

Я вернулся домой и принялся готовить завтрак. Девчонка, шатаясь, вышла на кухню. С виду она вроде бы пришла в себя, по крайней мере, цвет лица стал нормальным. Нога была плотно перетянута бинтом.

– Ты, наверное, вчера просто ногу подвернула, – предположил я. – Так что скоро все пройдет.

– Какое подвернула! – на лице ее возникло уже хорошо знакомое мне выражение возмущения и ярости. Она размотала бинт и показала ногу. Над щиколоткой виднелись два следа от зубов с кровавыми сине-лиловыми кровоподтеками.

Я растерялся. Значит, Керберос вчера, между делом, успел ее цапнуть.

– Тебе следовало вчера вечером сказать мне об этом! Я бы купил антисептический крем. Мы бы промыли рану перекисью.

– Не «мы бы промыли», а «ты бы промыла»! Выражайтесь правильно! Как можно, чтобы ваши драгоценные руки коснулись этих ран? А где же наши вопли, крики? Я всего лишь хотела взять вас за руку в знак благодарности... Чтобы извиниться за прежнее хамство...

– Прости, пожалуйста, – сказал я. – Поверь, я сам не заметил, что кричу; я так и не понял, что произошло.

– Когда я вас оскорбляла – вы не сказали ни слова. Но стоило мне только до вас дотронуться, я чуть не погибла. А теперь мне предстоят походы к врачу и уколы от бешенства.

– Пожалуйста, ни о чем не беспокойся, – сказал я. – У Кербероса сделаны все прививки. Никакой опасности нет.

– И все же для меня опасность есть. Ваша собака... Ненормальное существо.

– Давай я приглашу врача, но он тоже скажет, что я прав, увидев документы Кербероса.

– Да уж давайте, позовите, – не унималась девушка. – Как можно скорее зовите вашего доктора. – Затем принялась стонать: – Господи, как я в таком виде домой покажусь, что родителям скажу?

– Расскажи им, как все было на самом деле, – посоветовал я. – Ничего такого особенного не произошло.

– У вас, наверное, действительно с крышей не все в порядке, – разозлилась она. – Что я должна сказать отцу? Позвонить и сказать: «Папочка, ты знаешь, я тут в Подиме познакомилась с одним сумасшедшим, дотронулась до него, а за это на меня набросилась его сумасшедшая собака. Я чуть не погибла, а сейчас живу в доме у этого сумасшедшего». Мне так все отцу рассказать? Тогда отец схватит охотничье ружье и придет сюда. Куда ты хочешь, чтобы он тебе выстрелил, – в голову?

Она ткнула указательным пальцем себе в лоб.

– Лучше прямо в сердце, – сказал я. – Тогда хоть лобная доля не пострадает.

– Что-что не пострадает?

– Лобная доля... Я потом тебе о ней расскажу. Но, кстати, хочу тебе напомнить, что твой отец встретится со старым воякой. А еще и Керберос.

– Хватит издеваться. Я вполне серьезно говорю, я не могу в таком виде поехать домой. Мне нужно что-то придумать.

– А как ты вчера вечером выкрутилась?

– Сказала, что суд затянулся. Я тут уже совсем завралась. Ладно, теперь помолчите.

Она взяла телефон и стала звонить домой. Судя по всему, трубку взял ее отец. Голос девушки, умевший звучать так гневно, в одно мгновение стал голосом невинной девочки – кротким и нежным. В общем, они в Подиме с Филиз и Бюшрой. Погода тут чудесная, они нашли недорогой уютный пансион; ничего, если останутся тут отдохнуть на несколько дней? Хозяин пансиона милый пожилой дядечка бакалейщик, его семья тоже живет в этом же доме. Нет-нет, все в порядке, беспокоиться не о чем. Она за несколько дней отдохнет, а заодно разузнает подробности дела. С мамой все в порядке? Ну, конечно же, их милая дочка будет часто звонить. Деньги у нее есть, так что им не о чем беспокоиться.

На прощание тем же самым детским голосом она протянула: «Цееелуую, папочка!», повесила трубку, и лицо ее вновь приобрело знакомую жесткость. Как эти юные девушки умеют притворяться! Интересно, знали ли об этом Толстой и Монтерлан? Кстати, такое же выражение было у нее на лице, когда она показывала мне свои раны. Всем своим видом она давала понять, как ей, маленькой девочке, больно и как она страдает. В общем, эта девушка была именно того типа, который так нравится почти всем мужчинам, – женщины-девочки.

Вскоре после завтрака приехал врач. Он осмотрел щиколотку, взглянул на прививочные сертификаты Кербероса и сказал, что опасности нет. Гораздо важнее то, что ногу она действительно подвернула. Поэтому несколько дней на больную ногу нельзя наступать, нужно отдыхать, и будет хорошо, если ногу мазать специальной мазью, которую продают по рецепту, рецепт он сейчас выпишет. Еще он даст обезболивающее. А для того чтобы помочь забыть шок и спокойно спать – в довесок еще и легкий успокаивающий сироп.

Девушка тревожно возразила:

– Эта собака, кажется, бешеная.

Ее слова рассмешили врача.

– Она не похожа на бешеную, – улыбнулся он. Затем доктор продолжил – в странной, то ли поучительной, то ли насмешливой манере. Сказал, что в жизни вообще много страдающих бешенством, только не собак, а людей. И всех вылечить просто невозможно. Собственно, именно поэтому он, доктор, предпочел удалиться от жизни и выбрать тихий спокойный уголок, вроде этого, где можно просто жить и отдыхать. Но всеобщее бешенство уже добралось и сюда. Как можно было напасть на такую чудесную девушку, как Арзу? Да накажет Аллах эту гадкую Светлану!

В общем, рот у доктора не закрывался, так что мне пришлось мягко и

вежливо спровадить его, посетовав, что мы отвлекаем его от больных, а это несправедливо по отношению к ним. Потом я сказал девушке, что поехал в аптеку.

Прежде чем уйти из дома, я помог ей осторожно усесться в *Комнате Любви*. Подложил под ее больную ногу мягкий пуф. Принес стаканчик чаю, а заодно и несколько томов, которые выбрал из своей библиотеки.

– Это еще что такое? – капризно спросила она.

– Посмотри, пока меня не будет, – предложил я. – Тут все то, о чем мы с тобой говорили на берегу. В «Анне Карениной» – самоубийство из-за любви, в «Мадам Бовари» – самоубийство из-за любви, в «Страданиях юного Вертера» тоже; в «Отелло» из-за любви происходит убийство, как, впрочем, и в «Лейле и Меджнун» Физули. Я тебе говорю, что любовь – самое опасное чувство на земле. Она навлекает на людей несчастья.

У меня в библиотеке было еще немало книг на эту тему: «Керем и Аслы», «Тахир и Зухра», «Ромео и Джульетта», «Ферхат и Ширин». Но она и на те, что я дал, смотрела с презрением.

В городке я зашел в аптеку, где купил мазь от ушибов, антисептический крем, сильное обезболивающее и успокаивающий сироп. Затем подумал о том, что, возможно, девушке понадобится новая одежда, и отправился в магазин, однако обилие выбора заставило меня растеряться: я не знал, что именно ей понравится. Махнув рукой, я купил все, что мне приглянулось – футболку и шорты самого маленького размера. Вещи казались детскими, но вообще-то вся молодежь одевается в обlipпку.

Расплачиваясь, я спросил на кассе, не продаются ли у них в магазине костыли. Оказалось, не продаются. Поэтому, вернувшись домой, я выбрал дома в саду подходящую ветку, спилил, обрезал с нее листья и сучки.

– Тебе будет удобно, – сказал я, отдавая палку девушке, – когда пойдешь гулять, будешь на нее опираться, а когда разозлишься на меня, будешь бить меня этой палкой по голове.

Она не засмеялась. Я показал ей новую одежду.

Тут же выяснилось, что в одежде девушка такая же разборчивая, как в еде. На покупки она даже не взглянула. Взяла только палку и сумку с лекарствами и, не сказав ни слова, поднялась и, хромая, удалилась к себе в комнату. До вечера она просидела там.

Я покормил Кербероса, а потом отправился с ним на прогулку. Гулял я долго. Чудовище с обрезанными ушами заглядывало мне в глаза, пытаясь понять, сержусь я на него или нет.

Вечером я услышал, как скрипнула дверь.

– Послушай, что я думаю, – сказал я, когда девушка появилась. – Тебе

с твоей ногой ходить на кухню не стоит. Я сделал тебе бутерброд. Не напрягай ногу. Доктор велел ногу беречь.

На этот раз она посмотрела на меня с благодарностью и вновь поднялась к себе. Когда я принес ей чашку чая и два бутерброда, она легла в кровать, и я поставил поднос ей на колени.

– Спокойной ночи! – пожелал я. – Утром приду тебя проводить.

– Нет, пожалуйста, не уходи, – запротестовала она, опять перейдя на «ты». – Ты же дал слово, что доскажешь историю своего брата. Ведь именно из-за нее со мной произошло несчастье. Мне кажется, что любовь не самое опасное чувство на земле.

– А какое самое опасное? – спросил я.

– Любопытство.

Я рассмеялся. В ее комнате стояло маленькое кресло, я развернул его, подвинул к ней, сел и принялся рассказывать.

Рассказал я следующее:

– Нашу стройку возглавлял многоопытный инженер по фамилии Динч, мы звали его просто «братец Динч», любили его и уважали. Он отвечал за все вопросы, связанные с организацией стройки, и мы ходили к нему с любыми проблемами. О Мехмеде я рассказал именно ему. Я поведал Динчу, что до недавнего времени мы с братом никогда не расставались, что он очень талантливый инженер-электрик и очень пригодится на нашей стройке. Динч сказал: «Ладно! Пусть приезжает!»

Я встретил Мехмеда в минском аэропорту. В терминале, пока он шел мне навстречу, я смотрел на его красивое, смуглое лицо и еще раз подумал, что правильно поступил. Нам не следовало расставаться. Брат не показывал своих чувств, скрывая их за насмешливостью, но я, прекрасно знавший его, видел, что он тоже очень рад.

Мехмед поселился в общежитии для сотрудников компании, познакомился с коллегами и, засучив рукава, принялся за работу, сразу же влившись в общее дело. По вечерам мы пили с ним «Столичную» и вели беседы о политике. Ну а потом как-то раз на выходных случилось то, что случилось.

– Что же произошло? – перебила меня журналистка.

– Потерпи немного, – успокоил ее я. – Сейчас все узнаешь. Помнишь, я рассказывал тебе о стихийном рынке, который устраивали жители Борисова в парке каждое воскресенье? Или ты уже спала и ничего не слышала?

Она кивнула:

– Да, да, конечно, помню.

– Однажды в воскресенье Мехмед отправился на этот рынок – просто погулять, чтобы провести время. Он долго рассматривал разложенные на покрывалах вещи. Чего там только не было! Портреты и бюсты Ленина, красноармейские звезды, почетные медали. Он купил несколько мелочей на память и продолжил бродить там до тех пор, пока не увидел ту девушку.

Случайно оказавшись перед ней, он замер, не имея сил пошевелиться и оторвать взгляд от ее лица. Позднее он рассказывал мне: «Никогда в жизни со мной не происходило ничего подобного. Казалось, что весь мир исчез, либо же меня кто-то перенес в другой мир. Лицо, которое я видел

перед собой, светилось божественным светом. Это нельзя было назвать обычной красотой, это было что-то сверхъестественное. Не думаю, что в каком-либо языке мира существует слово, чтобы описать подобную красоту. Казалось, все вокруг осветил луч таинственного и прекрасного света. Ее лицо светилось этим светом, источник которого был не в солнце, а шел у нее изнутри».

В общем, сердце у нашего парня забилося, он стоял, громом пораженный, и не мог вымолвить ни слова. Стоял он так и смотрел – наверное, так стояли и смотрели первые христиане, когда увидели, что Христос воскрес.

Потом девушка заговорила с ним. Она сказала что-то по-русски и указала на разложенное на земле. Мехмед достал из кармана все деньги, какие только были у него при себе, рубли, доллары, словом, все, и протянул девушке. Та принялась выбирать купюры, и они впервые коснулись друг друга. Тут наш парень чуть не разрыдался. Я не хочу, чтобы у тебя сложилось обманчивое впечатление о Мехмеде. Но голову, конечно, в тот раз он потерял.

Что-то такое в результате Мехмед взял (потом оказалось, что взял он розово-зеленую фарфоровую статуэтку пастуха с барашком) и ушел, словно пьяный.

В воскресенье офис был закрыт, но у охранников Мехмед выяснил телефон Людмилы. Позвонив ей, он попросил ее приехать на стройку. Да, он знал, что в воскресенье у него нет права портить ей отдых, однако стоял вопрос жизни и смерти. В общем, он так умолял Людмилу, так упрашивал ее, что в конце концов та согласилась. Увидев взволнованного Мехмеда и узнав, о чем он просит, она начала хохотать. Неужели он вытащил ее сюда ради какой-то девчонки с рынка?

Мехмед сказал, что девушка непростая, настоящее чудо из другого мира.

– Неужели она такая красивая? – смеялась Людмила.

– Нет. Красивых девушек много, но эта девушка никакой связи ни с красотой, ни с уродством не имеет, это что-то, что не поддается описанию. Пожалуйста, окажи мне услугу, давай пойдем и поговорим с чудесным созданием!

Людмиле, должно быть, стало самой любопытно, что за чудо такое завелось на их борисовском развале. Она уступила уговорам Мехмеда.

Когда они добрались до рынка, уже вечерело. Многие продавцы ушли. Девушки уже не было, и пустота сдавила сердце моего брата. Он вновь принялся умолять Людмилу, чтобы она расспросила женщин по соседству

и выяснила, кто та девушка. Людмила поспрашивала тамошних женщин, однако девушку никто не знал, все говорили, что видели такую впервые.

После нескольких неудачных попыток нашлась, наконец, женщина, которая сказала: «Эту девушку зовут Ольга. Она дочь офицера, но больше я о ней ничего не знаю». Как ты можешь догадаться, на сей раз Мехмед принялся умолять Людмилу обойти офицерские дома. Он предложил ей большие деньги за то, что она поможет найти Ольгу.

Деньги Людмилу, конечно, тут же убедили, потому что, как я уже говорил, в те годы русские очень страдали от бедности. Никто не получал зарплату, еды в магазинах не было, все искали возможности выжить. Еще раз напомним: Людмила благодаря своему знанию английского сумела устроиться у нас на фирме, но кто знает, насколько трудным было положение в ее семье, у ее родственников. Поэтому... В те дни в России за деньги можно было все: стоило упомянуть о деньгах, как реки останавливались.

Я же в тот день провел время за чтением книги, а под вечер вышел погулять. В воздухе стоял потрясающий аромат осени, от этого запаха становилось легко на сердце. Я мог часами любоваться краснеющими листьями. Мне пришло в голову навестить Мехмеда, поужинать с ним, выпить водки, и, направившись к брату, посреди сквера я случайно встретил его и Людмилу. Ну, конечно, первое, что я подумал: «Время не теряет, красивую девушку охмурил!», однако взволнованная походка обоих была очень непохожа на романтическую вечернюю прогулку влюбленных.

Я любопытствовал, что же произошло; рассказ Мехмеда усилил мое любопытство. Им нужно кого-то разыскать, они идут в офицерские дома, я могу пойти вместе с ними, а по пути они расскажут мне подробности.

В общем, мы втроем отправились в путь, и по дороге Людмила подмигнула мне и сказала: «Любовь с первого взгляда! Ваш братец просто втрескался. Мы сейчас будем ходить по квартирам и искать какую-то Ольгу».

Я собирался уже поговорить с Мехмедом, но увидев, в каком он состоянии, понял, что лучше мне промолчать.

Мы вошли в бедный, неухоженный район, состоявший из облезлых блочных домов грязно-желтого цвета. Вокруг никого не было. Людмила спросила, что мы теперь будем делать; с ее точки зрения самым правильным было вернуться и поискать девушку бюрократическим методом. Она сказала, что можно попытаться проверить регистрационные записи жителей района, однако Мехмед и слышать ничего не захотел.

Он направился к ближайшему дому, нажал на кнопку первого

попавшегося дверного звонка; никакого ответа не последовало, и он нажал второй раз, сильнее. Наконец послышался женский голос, и Людмиле пришлось волей-неволей подойти к двери (домофонов тогда еще, конечно же, не было!) и произнести несколько фраз на русском. Мы, естественно, поняли только одно слово – имя «Ольга». Мехмед взволнованно спросил Людмилу, что ей ответила женщина, и та вздохнула: «В этом районе живет очень много женщин по имени Ольга. Как же вы найдете ее, если даже фамилии не знаете?»

Район был довольно большим, невозможно было представить, что мы обойдем все офицерские квартиры в поисках этой Ольги. Однако Мехмед был настойчив, и по его настоянию мы позвонили еще в несколько дверей. Ответ всегда был отрицательным.

Ничего не оставалось делать, как вернуться в общежитие. Мехмед был по-прежнему очень взволнован. Поверь мне, я видел его таким впервые в жизни. Той ночью он крепко выпил, да и потом пил всю неделю, работа его начала от этого страдать, и мне пришлось рассказать обо всем братцу Динчу.

– Нужно проявлять терпение, – ответил мне тот. – Это все от молодости. Со временем пройдет.

Ту неделю мы пережили с трудом и на следующие выходные, взяв Людмилу, направились в парк. Мы пришли так рано, что из женщин-торговок еще почти никого не было. Через час-два они начали появляться. Пожилые, молодые, в платках в цветочек, худые, толстые, все они пришли с огромными сумками и, расстелив покрывала, начали раскладывать на импровизированных прилавках принесенные из дома вещи, которые были памятью о многих счастливых и печальных мгновениях из жизни их семей. Здесь были семейные фотоальбомы с фотографиями строгих дедушек в красноармейских папах и бабушек с вымученными улыбками; фарфоровые безделушки; лампы; часы на цепочке; вышитые подушки, медали; шкатулки с репродукциями картин Шишкина; и все эти вещи, составляя грустную историю каждой семьи, были разложены по росту и размеру на земле в ожидании покупателя. Но кто же мог все это купить, кроме работников нашей фирмы?

Пока мы глазели по сторонам, Мехмед не спускал глаз с дороги – откуда, по его предположению, могла появиться девушка. Однако девушки все не было; настал полдень, а потом обед – она так и не показалась.

Мехмед попросил Людмилу еще раз расспросить всех продавщиц. Что за девушка стояла здесь неделю назад, вот как раз перед зарослями ежевики? Может быть, кто-то ее видел и знает? «Предложи деньги», –

добавил он, вытащив из кармана пачку скомканных банкнот. Все это происходило в сквере на глазах многочисленных торговков, скучавших в ожидании покупателей. От нечего делать они наблюдали за нами с большим любопытством.

Людмила обратилась к одной или двум из них и вновь получила ответ: «Нет, не знаем». Ее осенило: нужно сделать громкое объявление. Она встала прямо посреди рынка и, как коммунист-комиссар на трибуне, что-то прокричала. (Так мы узнали, что эта красивая девушка умеет очень громко кричать.)

Через некоторое время к Людмиле подошла голубоглазая девушка и что-то сказала, пристально глядя на нее. Повеселев, Людмила повернулась к нам: «Все, нашли! Вот сестра вашей незнакомки! Кстати, незнакомку зовут Ольга».

Мехмед был готов расцеловать обеих. «Давайте, давайте скорее пойдем к ней», – не успокаивался он, но потом решил перед важным походом заглянуть к нам в общежитие. Мы послушно делали все, что он говорил, потому что возражать ему было совершенно невозможно.

В общем, мы вчетвером сначала сходили к нам на стройку. Мехмед взял одну из корпоративных машин, на ней мы заехали в общежитие. Вскоре стало ясно, зачем я ему понадобился: он собрал все запасы еды и выпивки, какие были у него и у меня, и погрузил в машину. В запасах были, в частности, бутылки с водкой «Столичная», виски «Чивас Ригал», импортные шоколадки, сыр... одним словом, все, что оказалось у нас в холодильниках.

Близился вечер, когда мы позвонили в дверь, которую указала нам ее сестра Оксана. И дверь действительно открыло совершенно неземное создание, которое иначе как «чудом» назвать язык не поворачивался. Да-да, можешь мне верить. Таковую красоту даже представить себе невозможно, еще ни один художник в мире не рисовал такую красоту, во сне никому не снилась такая.

Это создание было очень странным. Я намеренно употребляю слово «создание», потому что произносить простое слово «человек» или «девушка» язык не поворачивался. В прихожей маленькой квартирки едва мерцала тусклая лампа, однако от создания исходило какое-то особенное, неземное сияние – как от древнегреческой богини, сошедшей с Олимпа. Она стояла прямо под круглой лампой, что создавало впечатление «нимба» у нее над головой. Мне показалось, что тусклая лампочка в коридоре совсем не нужна – вот такое сияние от нее исходило! Казалось, она будет сиять, даже если вокруг воцарится крошечная тьма. Чтобы ты

окончательно осознала, какое это было создание, добавлю, что и Людмила, тоже очень красивая девушка, застыла, пораженная.

Внимательно слушавшая меня журналистка приподнялась на кровати. Кажется, эта часть истории произвела на нее огромное впечатление. Глаза ее сияли.

– Рассказывайте дальше! Какой она была?

– Сверхъестественной. Неземной.

– Что значит «неземной»? Высокой? Голубоглазой, как ее сестра? Длинные у нее были волосы или короткие? Почему она так поразила вас всех, чем она вас так потрясла?

– Вот на эти твои вопросы я ответить до сих пор не в состоянии, – вздохнул я, – потому что ответа не знаю. Да, она была высокой и светловолосой, у нее были огромные ярко-синие глаза, но это все, что я могу сказать, и в то же время это значит ничего не сказать. В России таких девушек миллионы. Все дело не в росте и цвете волос, а в чем-то другом. Не знаю, в чем именно, скажу только, что стоило посмотреть на нее, как слезы умиления и радости начинали течь из глаз сами собой.

– Разве можно плакать при виде женской красоты? – удивилась девица.

– Оказывается, можно, – вздохнул я. – Красота это действует или еще что-то – не знаю, но сердце так сжимается, что нет мочи терпеть. Когда я смотрел на нее, мне вспомнились слова Мевляны:

«Боюсь ту любовь божеством я наречь. Человеком наречь я стесняюсь».

Лицо журналистки имело свойство становиться красивее, когда оно выражало изумление или негодование, – необыкновенное, редкое у нее было лицо. Вот и сейчас она нахмурилась и стала красивее. По мере того как я рассказывал об Ольгиной красоте, она хмурилась все сильнее, хотя сама этого не замечала. Было очевидно, что мысль о собственной красоте ей внушили с детства, и она привыкла слышать лесть от близких. Поэтому она, сама того не осознавая, злилась, слушая о красоте Ольги, и не могла меня понять. Но вся проблема была именно в красоте, потому что та красота не была обычной женской красотой. Вообще, казалось, Ольга была не из сего мира. Собственно, это выяснилось довольно скоро, в весьма болезненной форме.

– Вы так рассказываете об этой русской, – морщилась тем временем журналисточка, – что можно решить, будто не ваш брат, а вы сами в нее влюбились.

– Ошибаешься, детка, – улыбнулся я. – Я лишь пытаюсь рассказать тебе обо всем глазами брата. А кроме того, мне хочется, чтобы ты поняла

истинный масштаб событий и не воспринимала эту историю как обычную историю любви между мужчиной и женщиной.

– Сколько же лет было той девушке?

– Потом мы узнали, что двадцать два.

– Ну и как это вяжется с вашей теорией о гормонах и гипофизе? У нее тех же гормонов не было? Не вырабатывается такое у внеземного существа?

Я посмотрел на нее.

– Ты рассердишься, если я скажу, что нет, не вырабатывается. Впрочем, я был так убежден, что встретил ангела, что такие вещи мне даже в голову не приходили.

– Ну ладно, – проворчала она. – Давайте, продолжайте ваш рассказ.

– Ты тоже очень красивая, – произнес я. – Поверь мне, ты очень красивая девушка, очень!

– Вот и нет! – упрямо проговорила она. – Никакая я не красивая. – Потом, помолчав, добавила: – Но я умею делать себя красивой.

Я не понял, что она имела в виду, но переспрашивать не стал. Наверное, она просто рассердилась из-за того, что я с восторгом описывал Ольгину красоту.

Я продолжил:

– Оксана что-то сказала сестре, и мы вошли в квартиру. Дом выглядел очень запущенным, отовсюду веяло нищетой; за маленьким, застеленным клеенкой столом сидел худой человек с ввалившимися щеками, у него была одна рука и одна нога. Перед ним стояла бутылка дешевой водки. Мы попытались поздороваться с ним по-русски, еле выговорив: «Добрый вечер», а потом выставили на стол все, что привезли из общежития. На человеке была старая военная форма, он пригласил нас вместе выпить. Он совершенно не удивился, да и казалось, будто ничто в жизни уже не могло его удивить. По виду это был совершенно конченный человек. Мы с Мехмедом и Людмилой сели за стол, принялись пить водку, которую привезли, Людмила добавила себе в водку «кока-колы» – отвратительный, на мой вкус, напиток получился. Она переводила, и от нее мы слышали, что человек был офицером и воевал в Афганистане. Ногу и руку он потерял в том аду.

Пока я рассказывал об отце Ольги, моя гостя медленно склонила голову, словно переспевший колос, который больше не может выдерживать свой вес. Едва голова ее коснулась подушки, она погрузилась в глубокий сон, свойственный молодости.

Очевидно, на нее подействовали лекарства. Какое-то время я смотрел,

как она спит. Дышала она почти неслышно, словно растворившись в реке времени. Не знаю, почему я так долго смотрел на нее. Я не имел обыкновения наблюдать за спящими девушками, как Янусари Кавабата или Маркес, который подражал ему своими новеллами, но я довольно долго просидел там. Потом тихонько встал, вышел и закрыл за собой дверь.

Мона Лиза, забывчивая корова и повседневные события

Тем утром, пребывая между сном и явью, мне явилось странное видение, которое прежде никогда меня не посещало. Я оказался в современном выставочном зале. Множество картин в том зале освещалось специальными лампочками. Самым странным было то, что все картины изображали «Мону Лизу». Итак, на стенах висели десятки Мон Лиз.

Я начал ходить по залу. Разглядывая полотна, я заметил, что улыбка, положение рук, посадка, одежда и даже фоновый пейзаж на картинах одинаковы, однако выражение лица Моны Лизы на каждом полотне было неповторимым. Первой висела традиционная «Мона Лиза» да Винчи. Однако лицо Моны Лизы на соседней картине очень напоминало лицо Хиллари Клинтон. Затем я увидел Мону Лизу с лицом матери Терезы, Индиры Ганди, Тюркян Шорай, Мерилин Монро, Арзу, Тансу Чиллер, Хатидже-ханым, Людмилы, моей матери, Маргарет Тэтчер...

Я подолгу рассматривал картины. Под каждой из них следовало подписать «спокойствие», «гнев», «нежность», «невинность», «злоба», «стыдливость», «соблазн», «отчаяние», «ненависть», «таинственность», «жажда власти», «добродота».

Тем утром я долго не мог подняться. Бродя среди портретов, я заметил, что двух женщин там не хватает: спавшей внизу журналистки и Ольги. Их обеих не было, возможно, потому, что чувства на их лицах невозможно было описать одним словом.

Наконец явилась Хатидже-ханым. Я крикнул ей, чтобы она принесла девочке завтрак. Не прошло и десяти минут, как Хатидже-ханым, взволнованная, ворвалась ко мне в комнату. Она очень расстроилась, увидев девушку в таком состоянии: ах, бедняжка, она совсем крошечка рядом с этим огромным Кырбашем, а ведь он с ее Мухарремом как миленький играл, как пес только посмел напасть на девушку.

Я не стал ничего объяснять, вспомнив, что на портрете, посвященном Хатидже-ханым, было отражение какого-то психического расстройства, печать какого-то злого рока. Впрочем, щеки реальной Хатидже светились яблочным румянцем, как у всех, кто живет на свежем воздухе, кожа сияла. Конечно, неизбежными были лишние килограммы – следствие

употребления румелийских рогаликов.

Ах уж эти рогалики! Дело в том, что в тот день Хатидже-ханым вновь принесла свои румелийские рогалики с брынзой, потому что не притащить очередной снеди в мой дом, где обычно не переносят запахов съестного, ну просто не могла. Девушка все с удовольствием проглотила, говорила Хатидже-ханым, может, и мне попробовать? Очень вкусные рогалики вышли, Мухаррем собирался целую тарелку уплести, да только она его остановила, сказала, хватит, сынок, мне еще господину инженеру отнести надо. Надо ли их греть, спросил я. Можно греть, а можно и не греть, последовал ответ. Она подала мне их вместе с кофе, и должен признаться – действительно рогалики оказались очень вкусными.

В тот день я намеревался продолжить писать один небольшой литературный текст, за который принялся уже довольно давно. Поэтому к девушке в комнату я не заходил. Я знал, что если загляну, то она опять заболтает меня, и я ничего не успею. Так что я решил предоставить ее самой себе.

В *Комнате Убийств* я открыл свою тетрадь. Я работал над тезисом «забывания» Ницше. По Ницше, людей от зверей отличает историческая память. У зверей нет исторической памяти, они не ведают разницы между «сегодня» и «вчера». Историческая память – неотъемлемое свойство человека, но человек завидует животным. Ведь исследование прошлого – болезненный опыт. Единственный способ стать счастливым – научиться забывать.

«Возможно научиться забыванию и жить как животные, почти без памяти, но невозможно жить, помня все, – писал Ницше. – Упрощая, мы можем сказать, что бессонница или глубокий сон, так же как и историческая память, вредны всему живому и в конце концов приводят к его гибели. Под «всеми живыми» я понимаю человека, народ или целую цивилизацию».

Мне всегда представлялось очень важным, что философ, восхищавшийся графом де Мирабо, говорил о нем: «Речи не было о том, чтобы он простил все те нападки и оскорбления, что были нанесены ему, потому что он и так обо всем забыл».

Мирабо считал, что вместо того забывания, которое у животных означает простую неспособность что-либо вспомнить, под «забыванием» следует понимать видоизменение прошлого, целью которого является улучшение качества жизни, возмещение ее недостатков и активные действия, нацеленные на забвение этих самых недостатков.

В этом месте мне захотелось отойти от мира Запада и обратить взоры к

нашему миру, к миру Востока. Я записал в свою тетрадь, как описывал человека Саади Ширази: «Человек – это капля крови и тысяча тревог». Эти его слова показывали трагедию человека, который не умеет забывать. Несчастливая душа, обреченная вести свою жизнь в тревогах и волнениях и постоянно страдать.

Примерно за шесть столетий до Ницше Мевляна написал другие прекрасные слова:

Забудь о прошлом,
Отложи его в сторону,
Переверни страницу,
Избавь себя от суеты повседневности,
Стань младенцем, рожденным теперь.
Никогда не забывай о настоящем моменте,
о молодости, с ее мудростью и беспечностью,
о сегодняшнем дне, что тянется в вечность.

Признаться, заключение, к которому я пришел, оказалось неприятным: ведь и Ницше, и Мирабо не сказали ничего нового. То, о чем они писали, было описано за много столетий до них исламскими мистиками. Да и я сам не внес ровным счетом никакого вклада в интеллектуальную жизнь мира. Лучше всего как можно скорее забыть об этой статье! Все то, что я на сей раз написал, показалось мне ничтожным. Но все же одно утешение мне досталось. Моя никчемная статейка под названием «СПОСОБНОСТЬ ЗАБЫВАТЬ», по крайней мере, будет интересна таким, как и я, инженерам, людям, привычным к точным расчетам.

Я довольно долго сидел задумавшись, совершенно позабыв и о времени, и о госте. А разве не о забвении я писал? Когда я постучал к ней в комнату, вечерело. Она все так же лежала в кровати и отвернулась, будто не желая меня замечать, однако этот жест выдал ее с головой. У многих девушек есть привычка то и дело встряхивать головой так, чтобы волосы развевались – от злости, от растерянности, ради кокетства, все зависит от ситуации. В нашем случае налицо был гнев.

- Прости меня, пожалуйста, – произнес я. – Я работал над статьей.
- Говоря это, я чувствовал, как глупо выгляжу. Она с упреком сказала:
- Ну и как статья? Опять литература?
- Нет. На этот раз – забывчивая корова!
- Она захохотала:

– Что значит «забывчивая корова»?

– Вот представь себе корову, – вздохнул я. – Корове все равно, какой сейчас день и час. С утра до вечера она ест, пьет, справляет нужду, отдыхает, а на следующий день повторяется все то же самое. Она живет, привязанная к настоящему моменту. Она не испытывает ни грусти, не любопытства, ни беспокойства, ни тоски. Если корову спросить, почему она никому не рассказывает о своей счастливой жизни, она ответит: «Я все время забываю, что именно рассказать». А потом и этот ответ забудет.

Девчонка поджала губки.

– Надо же, как интересно. Вот это и есть ваша философия?

– Да, – сказал я. – Это моя философия и философия Ницше.

Она глубоко вздохнула:

– Зачем вы читаете этого человека?

– Затем, что он сумасшедший!

– Вы тоже сумасшедший!

Я улыбнулся.

– Почему вам так хочется казаться сумасшедшим? – спросила девушка.

– Потому что обычно у сумасшедших великий ум. Ты, наверное, не поняла меня. Дело в том, что Керберос уже не помнит, как на тебя напал, он не испытывает угрызений совести, лежит себе, счастливый, в будке, а вот ты, вероятно, всю оставшуюся жизнь будешь вздрагивать, когда мимо тебя будет проходить собака. Тебе будут сниться кошмары. А если бы ты могла обо всем забыть...

– Эту псину нужно усыпить, – сузив глаза, сказала девушка. – Обязательно. Потому что она еще кого-нибудь покусает.

Я понял, что гостя даже не задумывается над тем, что я ей сказал, и заговорил о другом.

– А чем ты занималась?

От скуки она весь день размышляла о странной женщине Анне, которая не пойми с чего бросилась под поезд, и о странной женщине Эмме, которая тоже не пойми с чего взяла и отравилась. Она думает, что обе сумасшедшие. Все эти мужчины, что Вронский, что Рудольф, что Леон, совершенно не стоили того, чтобы ради них умирать. Надо же, какая чушь дамочкам в голову взбрела! Романы не кажутся ей убедительными. Глупые, далекие от реальности истории! Все это старая мода, нафталин.

Я поразился тому, что она за день умудрилась прочесть оба романа.

– Разве можно прочесть за день столько слов? – в свою очередь удивилась она. – Я пересказы нашла.

И указала на айпад, лежавший у нее на коленях. В этот момент я

осознал, что имею дело с представителем поколения, которое привыкло размышлять о жизни, любви, смерти, философии и литературе в рамках ста сорока печатных знаков, выделенных на одно сообщение в Твиттере. Нас разделяла пропасть.

Девушка улыбнулась и насмешливо сказала, что кое-что нашла.

– Что?

Она протянула мне свой айпад.

– Сами посмотрите!

На украшенном узорами экране был пересказ «Тысячи и одной ночи». Как только переворачивалась электронная страница, появлялись новые и новые картинки, похожие на восточные миниатюры.

– В общем, – продолжала она, – я даже представить не могла, что встречу когда-нибудь Шахерезаду в мужском обличье, но что есть, то есть. Рассказывайте продолжение истории об Ольге!

Я подумал, что представителям этого молодого поколения палец в рот не клади. Вся информация мира была у них в руках, пусть поверхностная, но доступная, и они ничего не упускали. А наш старый мир и его книги постепенно уходили в прошлое – вот-вот и от них останется один пепел, как от сгоревшей Александрийской библиотеки.

– Ты убьешь меня, если история закончится? – спросил я.

– Пока не знаю, – ответила она. – Все зависит от истории. Если будете рассказывать как Шахерезада, я вас помилую. Вы вчера остановились на том, что пили водку с отцом Ольги. Вот с этого места и продолжайте.

Отель в Минске, танцующее пианино и одна сложность

И я продолжил свой рассказ.

– Павел, то есть отец девушки, говорил об Афганистане со страхом, хотя война давно была позади. Казалось, он оставил на войне не только руку и ногу, а нечто более важное, и в его сердце поселился страх, которому предстояло остаться там навсегда. Он дрожал, даже когда произносил слово «муджахед».

После военного госпиталя Павел вернулся домой в гарнизон и пытался как-то жить с двумя дочерьми, хотя жить получалось впроголодь. Жена его умерла много лет назад. Во всем доме постоянно пахло вареной капустой и картошкой.

Павел рассказывал нам о страшной судьбе России. В Первой мировой войне погибло три миллиона человек, после революции и Гражданской войны погибли еще десятки миллионов, во Второй мировой войне погибло двадцать шесть миллионов человек, война в Афганистане забрала еще пятнадцать тысяч, за ней перестройка и гласность обрекли людей на гибель от голода. Короче говоря, русские мужчины, родившиеся в двадцатом веке, никогда не видели спокойной жизни, а русские женщины жили в постоянном страхе.

Этот человек от жизни больше не ждал ничего. Кашлял он так надрывно, что казалось, вместе с кашлем вылетят и легкие. Было видно, как больно от кашля сохранившейся половине его тела. Было ясно, что в этой жизни его еще держала водка и дешевые сигареты, которые он курил одну за другой. Он с уважением смотрел на портреты Ленина и Сталина, висевшие над столом. Казалось, в жизни он гордился всего двумя вещами – Сталинградской битвой и своими дочерьми.

Собственно, ради дочерей он и продолжает жить, правда, не знает, что с ними будет, и каждую ночь думает об этом с тревогой. Появлению Мехмеда он был даже рад. Более того, считал, что Ольге очень повезло: ей встретился богатый инженер. Мне даже в какой-то момент показалось, что этот человек попытался пристроить ко мне и младшую дочь, хотя та была еще совсем юной.

Тот первый вечер прошел в дружеской обстановке. На обратном пути

Мехмед будто сошел с ума. Он то и дело обнимал и целовал нас с Людмилой, не успевая благодарить.

– Насколько я поняла, в те времена ты мог прикасаться к людям, – перебила меня журналистка.

Я не стал ей ничего объяснять и, кивнув, продолжил рассказ.

– На следующий день Мехмед взял машину фирмы, поехал в Минск и накупил там такое количество съестного и спиртного, которого хватило бы на запас для маленькой столовой. Ужинали мы вновь у Павла и его дочерей. Мне вспомнилась знаменитая фраза Толстого: «Все счастливые семьи счастливы одинаково», потому что в тот вечер мы стали как одна счастливая семья. Что касается меня и Мехмеда, мы стали работать днем как проклятые, чтобы успеть сдать работу к концу дня, а по вечерам вместе с Павлом пили водку с икрой и болтали обо всем подряд.

Только вот что важно: Ольга никогда не веселилась вместе с нами, песен не пела. Она жила в собственном мире. Ее присутствие было каким-то сверхъестественным, словно вызвали духа и он находится в комнате. Мехмед ни на секунду не спускал с нее глаз. Каждую ночь мы возвращались к себе в общежитие, но на ужин стали ходить к ним каждый день, будто к себе домой. Единственной сложностью для всех нас было то, что никто из членов семьи Павла не знал ни одного слова по-английски, а мы не знали ни слова по-русски. Поэтому в беседе на самую простую тему нам нужна была Людмила. Ты понимаешь, насколько трудной является такая ситуация? Как сложно не иметь возможности сказать друг другу хотя бы слово и то и дело поворачиваться к Людмиле, а потом ожидать от нее ответа, глядя в лицо переводчицы, а не того, кого любишь. Конечно, Людмила переводила очень хорошо и быстро, но Мехмеду с Ольгой было нелегко. Им только и оставалось, что переглядываться.

Как-то раз Мехмед предложил на выходные съездить в Минск. Ольге, Людмиле и мне идея понравилась. Младшая дочь Павла осталась с отцом, а мы вчетвером поехали. До вечера мы гуляли по красивым паркам Минска, посетили все достопримечательности, включая Памятник Победы, куда обычно приезжают счастливые молодожены, вечером поужинали в том самом отеле, про который я тебе уже говорил, а потом пошли в бар выпить.

– И конечно, это был тот самый бар, где ты познакомился с Михаилом?

Все-таки у нее прекрасная память, у этой девицы. Я похвалил ее и продолжил.

В баре играл молодой пианист, забавный малый! Он пел песни на разных языках, сам себе аккомпанировал и, казалось, сам себя развлекал. Он придумал необычную штуку: к одной из ножек своего пианино

приделал нечто вроде рычага и время от времени, исполняя тот или иной номер, нажимал на рычаг, так что инструмент подскакивал, будто бы сам танцевал. Ольге это «танцующее» пианино очень понравилось. А когда зазвучала мелодия Паоло Конте «Via Con Me», у нее на лице впервые появилось что-то, напоминавшее радость и счастье. Было ясно, что эта мелодия ей понравилась.

Пианист пел с итальянским акцентом: «It's wonderful, it's wonderful», раскачивался в такт песне, поднимал свое пианино и весело нам подмигивал. Мы пили не переставая. Мехмед, выбрав удобный момент, шепнул мне по-турецки: «Сходи, забронируй тут три номера. Останемся сегодня ночью здесь».

– Хорошо, – согласился я, а через какое-то время, договорившись с администратором, взял ключи от трех номеров. Когда я вернулся, пианист уже в сотый, наверное, раз играл «Via Con Me», а Мехмед то и дело давал ему чаевые. Я подмигнул брату, что все в порядке. Мехмед с Ольгой вышли танцевать, прижавшись друг к другу, под медленную русскую песню. А мы с Людмилой продолжали пить.

Тут девушка вновь перебила меня:

– А вы что, не танцевали с Людмилой?

– Нет. Не танцевали и не разговаривали. Просто пили.

– Почему?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Так получилось.

Когда Мехмед с Ольгой вернулись на свои места, я сказал, что мы много выпили и не стоит в таком состоянии отправляться в дорогу; почему бы нам не остаться в отеле до утра? Людмила перевела мои слова Ольге. Мысль всем понравилась. «Я уже даже номера заказал», – сообщил я. Мы направились к лифту и поднялись на третий этаж. В этих старых советских отелях на каждом этаже сидела администратор. На третьем этаже тоже сидела толстая русская женщина. Мы весело поздоровались с ней, но она почему-то нам не ответила, а лишь проводила строгим взглядом нашу шатающуюся компанию.

Я вытащил ключи, один дал Людмиле, второй взял себе, а третий протянул Ольге. Ольга, наверное, решила, что будет ночевать одна, но я добавил: «Ваш с Мехмедом». Людмила перевела эти слова. Тут произошла заминка, несколько мгновений все неловко молчали, а потом Ольга рассмеялась и взяла ключ. Думаю, она была сильно пьяна, потому что не привыкла столько пить и не соображала, что с ней происходит.

Мы разошлись по комнатам. Первым делом я пошел в ванную и ополоснул лицо холодной водой, чтобы хоть немного прийти в себя, а

затем, не раздеваясь, упал на кровать. Не знаю, сколько я проспал, меня разбудил телефон.

Тут девушка вновь меня перебила:

– Минуточку! Значит, между вами с Людмилой ничего не произошло? Это ведь ненормально!

– Если бы ты ее знала, ты бы поняла, что совершенно нормально, – сказал я и продолжил: – Людмила была холодна как лед и, несмотря на то, что мы вместе выпивали и развлекались, никогда не переставала вести себя официально. Она прятала свою красоту, связывая свои темные волосы, чудесно контрастировавшие с белой кожей, в тугий узел, а глаза скрывала очками в черной черепаховой оправе. В ней не чувствовалось ничего женского, и поэтому ничего такого мне в голову не приходило. И не только одному мне – никому на стройке. Мы были просто коллегами.

Итак, я проснулся от телефонного звонка. Звонил Мехмед. «Кое-что произошло», – взволнованно сообщил он. Я спросил, что именно, на что он ответил: «Потом расскажу, а сейчас назови мне номер Людмилы». Я назвал, он повесил трубку, а я задумался. Потом я выглянул в коридор. Через некоторое время вышла Людмила: в халате, заспанная. Я спросил: «Что случилось?». Она ответила: «Не знаю! Видимо, какая-то проблема!» Затем постучалась к ним – ей открыли. Я приложил ухо к двери: доносился голос Ольги. Она то ли плакала, то ли жаловалась, то ли пыталась о чем-то рассказать, я так и не понял. Потом послышался голос Людмилы, я не мог понять, на каком языке она говорила. От выпитого у меня все еще кружилась голова, так что я вернулся к себе в номер, вновь упал на кровать и уснул.

Моя слушательница предпринимала усилия, чтобы не заснуть, но сопротивляться действию лекарств было бесполезно. Сонным голосом она спросила:

– И что же там дальше произошло?

– Утром мы как ни в чем не бывало встретились за завтраком. Потом вернулись в Борисов. Машину вел я, Людмила сидела впереди, Ольга с Мехмедом сзади. Мне очень хотелось спросить Мехмеда, что же произошло ночью, но спрашивать при Людмиле было неудобно. Даже по-турецки говорить было бы неудобно, потому что такие вещи и на незнакомом языке хорошо понятны. В общем, я сосредоточился на дороге, которую в тот утренний час окутал сильный туман. Казалось, будто мы едем во сне. По обеим сторонам возвышался лес, и он тоже был окутан туманом, став похожим на сказочный лес из волшебного мира.

Глаза девушки закрывались, но всякий раз, когда моя гостья роняла

голову, она встряхивалась, пытаясь совладать с собой.

– Нет-нет! Я не хочу спать, – пробормотала она.

Едва она произнесла эти слова, как голова ее опустилась на подушку, ритм дыхания изменился, на лице воцарилось выражение покоя, и девушка заснула крепким сном. Некоторое время я сидел рядом с кроватью. Мне почему-то нравилось смотреть, как она спит. Я отдыхал рядом с ней.

В этой главе вновь ведутся разговоры об убийствах из ревности и самоубийствах

Наутро девушка выглядела оживленной. Она сообщила мне, что передумала. О чем, правда, шла речь, я так и не понял – она сообщила это так, будто мы только что о чем-то разговаривали, а я запомнил.

– Я говорю об Анне и Эмме, – объяснила она, протягивая мне айпад. – Не такие уж и старомодные эти истории, как я думала. Посмотри-ка.

На айпаде была открыта газетная статья, и я прочел: в областном районе Дериндже молодой мужчина и молодая женщина рано утром пришли на берег моря. Море там было глубокое. Они забрались на скалу и вместе прыгнули. Свидетели происходящего пытались их спасти, но те оба утонули. Нашли паспорта самоубийц, и выяснилось – оба имели свои семьи. У обоих остались дети. Прежде чем прыгнуть, они привязали себя друг к другу, чтобы погибнуть наверняка.

– Это не единственная статья. Вот тут заголовки только за последний месяц, – сказала девчонка.

Она открыла на айпаде другую страницу и показала список заголовков статей:

Уму непостижимое убийство из-за запретной любви в Стамбуле!

Убийство из-за неразделенной любви в Багджилар: 4 жертвы.

Молодой человек в Измире, не получив взаимности в любви, устроил бойню с помощью дробовика.

Убитой оказалась его возлюбленная, которая не отвечала ему взаимностью.

В итоге молодой человек помешался. Убив девушку, он покончил с собой.

Три города, три самоубийства из-за любви: Мерсин, Анталя, Дюздже.

Полицейский застрелился в сердце из табельного оружия, получив отказ от возлюбленной выйти за него замуж.

– Что же это такое? – воскликнула девчонка. – А ведь ты, ей-богу, прав! В заметках об убийствах и самоубийствах всегда есть про любовь! Все считают любовь чем-то добрым и хорошим; мне тоже так раньше казалось!

– Это ты говоришь только о том, что случилось за месяц и только в Турции, – заметил я. – А подумай обо всем мире и обо всем человечестве! Кто знает, сколько миллионов людей умерло от любви...

В общем, мы пили кофе и болтали. Тем утром она решила не сидеть в комнате, а поднялась наверх. Ходила она, правда, с палочкой, но теперь ей было уже гораздо легче, насколько я мог судить.

– Сегодня ты не сбежишь! – заявила она. – Если ты собираешься о чем-то мне рассказывать, то не тяни и рассказывай наконец. Я не могу ждать до вечера, я мгновенно засыпаю.

– Ладно, – согласился я. – Мы остановились на том, что на следующее утро мы после завтрака поехали обратно в Борисов. Я вел машину, Людмила сидела рядом со мной. А Мехмед с Ольгой сзади.

– Хорошо. А что же было дальше?

– Я не смог ни о чем спросить Мехмеда в машине и спросил его, только когда мы остались одни, доехав до стройки.

Девчонка слушала меня очень внимательно, и это невероятно улаждало занятие рассказчика.

Любовь через переводчика, желтая блестящая штучка в будке Кербероса

Я продолжил.

Оказалось, Мехмед и сам не очень хорошо понял, что произошло, когда они остались с Ольгой наедине... все было так, как ты можешь догадаться. Поцелуи и объятия. Но когда дошло до серьезного, как бы это сказать... Ну то есть когда дошло до следующей стадии, девушка запаниковала и начала сопротивляться. Она говорила что-то по-русски, говорила безостановочно. Она встала с кровати, подняла с пола полотенце, обернулась им и заплакала.

Мехмед от безысходности позвонил мне, а затем позвал Людмилу. Можешь себе только представить эту ситуацию? Самый интимный момент в отношениях двоих людей, и переводчик!

Людмила долго разговаривала с Ольгой, пыталась утешить. Ольга действительно успокоилась, вытерла слезы. Людмила объяснила Мехмеду: «Она боится, поэтому у нее нервы напряжены, ничего серьезного нет».

И ушла.

Тут я замолчал; журналистка вопросительно смотрела на меня, но я продолжал молчать. Странное напряжение возникло между нами. В конце концов ее любопытство преодолело возникшую дистанцию.

– Ну и что? – спросила она.

– Что значит «ну и что»?

– Что рассказал Мехмед о том, что было потом?

Как она замечательно умеет вопросы задавать, подумал я, мысленно поздравив ее с этим умением. Ответить ей надо было так же хитро.

– Они просто спали рядом, как брат и сестра! – ответил я. – Мехмед был очень счастлив и сказал, что до утра не сомкнул глаз и провел самую прекрасную ночь в своей жизни. Он обнимал ее, спящую, наслаждаясь ароматом ее нежной кожи и шелковистых волос. Ему казалось, что у него в руках было нечто священное. В тот день на стройке я заметил, что даже во время работы у него кружится голова и он дрожит от счастья.

Впервые за много лет я видел брата таким: он осунулся, глаза его смотрели на все невидящим взглядом, и он совершенно не думал о работе, а из-за этого совершил несколько крупных ошибок. На происходящее

обратил внимание «братец Динч». Он поговорил со мной, попросив провести беседу с Мехмедом, так как все это долго продолжаться не может. Оставалось очень мало времени до вывода советских войск из Восточной Германии: мы должны были работать на стройке денно и нощно, не покладая рук. В такой ситуации скрывать происходящее с Мехмедом было невозможно.

Братец Динч был родом из Боснии – высокий, светловолосый инженер с красивым лицом. Он всегда был готов по-отечески проявить к нам внимание. Я рассказал ему обо всем начистоту. Выслушав меня, он задумался, а потом сказал, что ситуация, судя по моим словам, особенная. «Это не любовь, это настоящая страсть, – сказал он мне тогда. – Она как болезнь. Упаси Аллах, если что-нибудь случится, парень погиб».

Мехмед, впрочем, говорил мне то же самое: он жаждал как можно скорее увезти Ольгу в Стамбул и там на ней жениться. «Если у меня с ней не сложится, знай, что я умру», – говорил он мне. Тем временем они с Ольгой становились все ближе. Они часами могли смотреть друг на друга, как очарованные.

Мехмед начал часто оставаться у нее на ночь. Иногда и Ольга приходила ночевать в общежитие.

– Ну, раз спали они вместе, значит... – перебила меня девушка.

– Не знаю, – ответил я. – Наверное.

– И при этом они не имели возможности поговорить?

– Да, – сказал я. – Не имели. Мехмед начал изучать русский язык как безумный. Он пытался поговорить с ней, подглядывая в русский словарь, но что можно сделать за такое короткое время? Он даже кириллицу запомнить не успел.

– А любовные слова тоже Людмила переводила?

– Нет. Он, конечно, пару-тройку предложений на этот счет выучил, но ни о чем серьезном они поговорить не могли. Без Людмилы им было невозможно. Признаться, мне казалось, что, когда Людмилы рядом не было, они понимали друг друга гораздо лучше, но подолгу обходиться без нее тоже не могли. Так у них началась жизнь втроем. Мехмед хорошо платил Людмиле за переводы. Очень хорошо – половину зарплаты инженера. Так что большую часть времени Людмила проводила с ними.

– Любовь через переводчика! – усмехнулась журналистка. – Как это, на самом деле, странно. Двое влюбленных и переводчик. Один говорит: «Любовь моя, жизнь моя», потом это повторяет переводчица, другой отвечает «Ты тоже жизнь моя, любовь моя», и переводчик снова тут как тут. Никогда ничего более смешного не слышала.

– Тут ничего смешного нет, это трагедия, – вздохнул я.

Увидев выражение моего лица, она осеклась.

– Трагедия? Они что, из-за незнания языка расстались?

– Ох, если бы только из-за этого! История закончилась такой драмой, которую ты и вообразить не можешь. А ведь бедный Мехмед ни о чем не подозревал. Я тоже не замечал ничего подозрительного.

Девчонка вновь нахмурилась, лицо ее приобрело хорошо знакомый мне задумчивый вид, она посерьезнела.

– Ладно, хватит тянуть кота за хвост, давайте уже, рассказывайте, чем кончилось, – сказала она. – Мне вправду интересно.

В тот день я рассказывал до вечера.

Я пытался как-то поговорить с Мехмедом, но он вообще перестал слушать разумные доводы, совсем с ума сошел. У него даже взгляд изменился. Он ни минуты не мог находиться без Ольги, и, когда ее рядом не было, места себе не находил. Не успевал он закончить работу, как тотчас бежал к ней и всюду хвостиком таскал за собой Людмилу.

Хотя Ольга и являлась дочерью офицера Красной армии, она была православной христианкой. Возможно, свою веру она унаследовала от матери. Иногда взгляд у нее становился как бы лихорадочно сияющим, и она уносилась мыслями куда-то вдаль, так что окружающим казалось, будто она не от мира сего. Мехмед очень боялся, что религиозный вопрос помешает их женитьбе, его даже терзал навязчивый страх, будто Ольга тайком от него обсуждает это с Людмилой. В итоге, дабы исключить возможность конфликтов из-за религии, он решил принять православие. Знающие люди объяснили ему, что это не так-то легко. Вроде бы ему нужно было для этого долго учиться и даже сдавать экзамен, но как взяться за учебу, не зная ни слова по-русски? В какой-то момент он услышал выражение: «быть христианином в душе» и вцепился в него обеими руками. Он часто говорил об этом Ольге и действительно намеревался стать христианином.

Отец Ольги, Павел, внезапно почувствовал себя плохо, с каждым днем ему становилось все хуже, он начал хрипеть, словно задыхался. Чтобы избавиться от боли, он уже с утра, едва проснувшись, брался за водку и пил до глубокой ночи, часто почти ничем не закусывая. По ночам его терзали кошмары, он просыпался с криком. В Ольге было действительно что-то странное; от нее иногда словно бы настоящее сияние исходило, будто какой-то свет не от мира сего светил в ней. Но когда отцу становилось особенно плохо, ее лицо выражало глубокую безысходность. А потом свет разгорался с новой силой. Правда, она была подвержена перепадам

настроения: причины ее внезапной мрачности мы так и не могли понять. Она напоминала переменчивую погоду Черного моря, которая может быть то ясной, то облачной спустя мгновение. Мы не могли понять, что ее терзало.

Что касается Людмилы, то она просто выполняла свою работу – держась на расстоянии, переводя с холодной, чуть ли не бесчувственно. Но, несмотря ни на что, Людмила была единственным звеном, которое объединяло всех нас: Павла, Оксану, Ольгу, меня и Мехмеда. Без Людмилы мы становились ничем, мы крепко зависели от нее, были привязаны к ней. Однажды вечером за ужином она как ни в чем не бывало, даже не положив ножа с вилок, внезапно произнесла: «Павел через несколько дней умрет!» и продолжила есть, будто о куске хлеба сказала. Мехмед растерялся. Поначалу он решил, что ослышался, а затем переспросил: «Умрет? Зачем об этом говорить именно сейчас?»

– Чтобы вы как можно скорее решили, что делать! – сказала Людмила. – Потому что, когда Павел умрет, Ольгу с Оксаной выселят из этого дома. Здесь живут только офицеры. И девочкам нужно подумать, куда идти.

С того вечера Мехмед совсем обезумел. Ему хотелось немедленно увезти Ольгу в Стамбул, однако существовали некоторые препятствия. Прежде всего Ольга ни за что не оставила бы умирающего отца и сестру. Да и сам Мехмед был связан долгосрочным рабочим контрактом. Обо всем этом мне приходилось твердить ему каждый день.

Иногда Ольга с Людмилой жарко спорили. Складывалось впечатление, что Людмила пытается Ольгу в чем-то убедить. Из разговора мы понимали всего несколько слов: «пожалуйста», «говори». Понять смысл споров было невозможно.

Я уже говорил, что в России в то время было неспокойно. Военные перевороты, обстрел парламента, политические убийства. Советский Союз разваливался. Но Мехмеду ни до чего не было дела.

Однажды утром Павел не встал с кровати. Кашель его прекратился, и он тихо умер. Это, конечно, было избавлением – не только для него самого, но и для его дочерей. Мы пошли на его похороны. С ним прощались как с офицером. Прозвучал гимн. Солдаты стреляли в воздух.

Теперь единственной оставшейся преградой для того, чтобы немедленно отвезти Ольгу и Оксану в Стамбул, было отсутствие у обеих заграничного паспорта. Мехмед собирался поговорить с Динчем, объяснить ситуацию, а если понадобится, то и попросить, чтобы его отпустили с фирмы. В общем, он намеревался добиться того, чтобы его поняли.

В раздираемом историческими потрясениями Советском Союзе сделать загранпаспорт оказалось непросто. Нужно было просить содействия у посольства Турции в Москве.

Мехмеду пришла в голову мысль: он решил свозить Ольгу, которая все никак не могла отойти от смерти отца, на берег Черного моря в Сочи. Именно там он собирался официально сделать ей предложение. В Минске он купил кольцо с бриллиантом и носил его в кармане.

Он звал и меня, но на стройке все носились как угорелые, чтобы как можно скорее закончить проект: не оставалось ни сил, ни желания куда-либо ехать. Мехмеду все было нипочем, а я работал днем и ночью не покладая рук, отчасти потому, что мне было неловко за него.

В одну прекрасную пятницу Мехмед, Ольга, Людмила и Оксана уехали в аэропорт. Они собирались долететь до Москвы, там пересесть на самолет в Сочи, а в понедельник вернуться. Ничего из этого не получилось, потому что это путешествие стало концом и той любви, и самого Мехмеда.

Я замолчал, потому что дошел до самого тяжелого места своего повествования.

– Что же произошло? Что произошло? – нетерпеливо спрашивала девушка.

Солнце было уже очень низко, его красные лучи светили через стекло в лицо моей гостьи, и от этого она становилась только красивее.

– Хорошо, – вздохнул я. – Но прежде я схожу погулять с Керберосом. Еще зайду купить что-нибудь на обратном пути. Мне надо подышать.

Она нехотя согласилась. Я вышел во двор. Керберос был занят тем, что грыз что-то перед своей будкой. Завидев меня, он принялся радостно подсакивать. Ясно было, что ему очень тяжело сидеть целый день на цепи. Я развязал его и позволил немного побегать по саду. Подождал, пока он вволю пороется в земле в поисках червей. В тот момент я разглядел, что же грыз Керберос. Это была какая-то блестящая вещица желтого цвета. Я поднял ее, вытер платком и положил в карман, чтобы рассмотреть дома.

Мы с Керберосом гуляли по берегу моря примерно полчаса. Вечерело. Море было покрыто темно-синим безмолвием. Шагая, я размышлял о гостье. С чего это я вдруг взялся рассказывать девушке историю брата? Какое ей было дело до страданий Мехмеда? Как бы то ни было, пути назад уже нет, все зашло далеко. Девушка ни в чем не виновата. Я сам вызвал у нее интерес, я сам поощрял ее страсть. Правда, я так и не мог понять, зачем это мне. Возможно, именно способность рассказывать истории делает человека человеком.

На обратном пути я купил у соседа несколько сэндвичей. Усатый

бакалейщик поинтересовался:

– Девушка все еще у тебя?

– Да. Наверное, останется до тех пор, пока нога не заживет. Еще денька два.

Сосед укоризненно посмотрел на меня:

– Девушка и здесь могла бы побыть это время. Ей, наверное, у нас не так комфортно.

– Поначалу она хотела остановиться именно у вас. Она долго звонила, но никто не открыл.

– Тьфу ты! – махнул рукой бакалейщик. – Мы ездили в деревню Яссыджа на свадьбу к шурина! Там ночевали. Должно быть, тогда она и приходила. А свадьба, машаллах, вышла на славу!

Я был не в состоянии слушать рассказ соседа о свадьбе его шурина, поэтому сменил тему разговора и спросил его, не слышал ли он чего нового о расследовании убийства.

– Видит Аллах, ну теперь-то уж давно все ясно! Это все болгарка, ее дело передают в суд по уголовным делам. Как жаль погибшую бедняжку... Ее уже, конечно, не вернуть. Каким бы ни было наказание, преступления уже не исправишь.

Насытившись его болтовней, я вернулся домой. Мы съели сэндвичи, которые я принес. Я захотел открыть красное вино: в наших краях производят очень хорошее, к тому же дешевое. Я предложил вино девушке, но она отказалась, от лекарств ей и так спать хотелось, а если бы она еще и вина выпила, то сразу бы уснула, – а между тем намеревалась во что бы то ни стало дослушать конец истории.

Странное происшествие в аэропорту Шереметьево и исчезновение Мехмеда

В Москве есть большой аэропорт, называется Шереметьево. Там, кроме очень строгих таможенников, работали еще и агенты КГБ. В общем, трудно было и приехать в Советский Союз, и уехать из него.

Мехмед с тремя девушками именно в этот аэропорт и полетел. Там он должен был пересест на самолет в Сочи. Паспортный контроль первой прошла Людмила, затем Оксана, а следом за ней и Ольга. Очередь дошла до Мехмеда. Таможенник очень долго разглядывал этот паспорт с полумесяцем и звездой, потом смотрел в глаза Мехмеду, потом снова в паспорт и снова пристально Мехмеду в глаза. Дело затянулось. Девушки стоят за паспортным контролем и ждут, но Мехмеду все никак не разрешают пройти. Невозмутимый таможенник открыл какие-то бумаги, внимательно прочитал их, а потом начал куда-то звонить. После его звонка сразу пришли двое в штатском и на глазах у растерянных девушек увели Мехмеда.

Мой брат пытался что-то возражать, пытался что-то крикнуть девушкам, то и дело оборачивался, но, конечно же, от него ничего не зависело. Девушки испугались. Выйти они не могли, так что им волею-неволей пришлось улететь в Сочи, поехать в отель, провести в нем оплаченное время, а на следующий день вернуться.

В общем, они вернулись, потому что в минском аэропорту встречал их я. Тем вечером, когда они прилетели в Сочи, Людмила сумела дозвониться до меня по междугороднему телефону, хотя ей пришлось ждать несколько часов, пока нас соединят, и рассказала мне о произошедшем. Я сразу сообщил обо всем Динчу, тот – генеральному директору фирмы, директор – знакомым в Москве, точнее сказать, в посольство Турции, но все безрезультатно. Участь Мехмеда была неизвестна.

На Ольгу было больно смотреть, она все время плакала. Мы все были потрясены и использовали все связи и все возможности, я даже ездил в Москву. Когда я прибыл в посольство, рабочий день закончился, мне сказали, что посол уже уехал в резиденцию. Я с большим трудом раздобыл его адрес. Московский офис нашей компании помогал мне, как мог. Они прислали машину с водителем – русскую «ладу».

Турецкий посол жил в красивом особняке, построенном еще в царское время. Мы поднялись на второй этаж по огромной деревянной лестнице. У посла были гости, но, увидев мое состояние, он внимательно выслушал меня, связался с Министерством иностранных дел, задал какие-то вопросы.

Он тоже не сумел ничего добиться. Провожая меня в вестибюле особняка, у лестницы, он посоветовал не волноваться, набраться терпения: посольство будет заниматься делом исчезновения моего брата, они это так не оставят и попытаются выяснить судьбу «господина инженера». У него был грустный и понимающий вид.

Когда я ехал из резиденции турецкого посла в Шереметьево, водитель попытался развлечь меня, рассказав интересную легенду, связанную с особняком. В царское время там жил богатый купец, который торговал сахаром. Особняк он построил для своей любовницы. Пока его строили, она ни о чем не знала, потому что купец задумал устроить ей сюрприз. Когда стройка была окончена и особняк уже стоял во всем великолепии, он взял свою подругу и повез показывать ей подарок, но прежде завязал ей глаза шелковым платком. Так он привел ее на верхний этаж дома и там снял повязку.

Любовница, видимо, рассердилась. «Ах, какое уродство!» – воскликнула она. Купцу от этих слов кровь в голову ударила, и он дал ей хорошую затрещину. Женщина не удержалась, скатилась с лестницы, сломала шею и сразу умерла.

Вот тебе еще одно убийство из-за любви!

Ладно-ладно, я больше не отвлекаюсь. Не сердись, не надо сразу хмуриться...

В Шереметьеве я через переводчика пытался расспросить таможенников, но все было тщетно, мы так ничего и не добились. О Мехмеде никто ничего не знал. Да, понимаю, что звучит это странно, но все произошло именно так.

Прошло много месяцев; стройка в Борисове закончилась согласно графику. Дома для офицеров были торжественно переданы заказчику, в торжественной церемонии принимали участие высокопоставленные лица обеих стран. Приехали даже русский и турецкий министры, мы им рассказали о нашем несчастье, попросили помощи, но вновь не получили никакого результата.

Незаметно подошла зима. Все засыпало снегом – парки, скверы, дома, в общем, весь город Борисов оделся в белоснежное одеяние, которое не таяло до весны. Стройка закрылась, и мне пришлось вместе со всеми вернуться в Турцию.

Когда мы прощались, я заметил, что Ольга очень изменилась. Мне показалось, что она стала другим человеком. Даже разговаривая со мной, она будто не видела меня. Уезжала и Людмила – в ее услугах больше не было надобности. Она сказала, что вернется в Москву и там будет искать работу. Так все мы разъехались.

– Но это же невозможно, – произнесла журналистка. Глаза ее были широко раскрыты от изумления, она взволнованно дышала. – Это же невозможно, так не бывает! И что, Ольга осталась?

– Я предлагал ей и Оксане поехать вместе со мной в Стамбул, но сестры не согласились. Они собирались поехать к каким-то родственникам. Мне с трудом удалось ее уговорить принять небольшое количество денег. Потом мы простились. Я больше никогда не видел ее.

– О, Аллах! – воскликнула девчонка. Потом надолго задумалась, помолчала, а затем с сомнением посмотрела на меня. – Вы наверняка все это выдумали.

– Нет, – вздохнул я. – Если бы это было так.

– Не знаю. Что-то я не уверена. Вы ведь постоянно читаете, и вот мне пришло в голову, что такая история вполне может быть позаимствована из какого-нибудь русского авантюрного романа.

– Нет, – покачал я головой. – Все истинная правда. Остальное я расскажу завтра, на сегодня хватит. Я устал.

Она собралась было возразить, сказала, что не сможет уснуть, не узнав, что же случилось с Мехмедом, но я так решительно ей отказал, что ей ничего не оставалось делать, как согласиться. Наконец она ушла к себе в комнату, опираясь на палочку.

Оставшись один, я вытащил из кармана странную вещицу, которую грыз Керберос. Это было золотое украшение, запачканное грязью. Золотая цепочка с птицей на замочке. Я спросил себя, как могло это украшение попасть в собачью будку.

Затем спустился и устроил себе получасовой массаж в объятиях *Любимой*, потому что мышцы мои были в тот день перенапряжены. Как всегда, *Любимой* удалось расслабить меня, она обняла меня целиком, прижала к своей груди, согрела и успокоила.

Спал я крепко, но через некоторое время меня что-то разбудило. Время было, должно быть, за полночь. Снизу раздался шорох и легкий шум, будто бы ключ поворачивается в замочной скважине. Затем входная дверь открылась. Я чувствовал это, так как ощутил приток свежего воздуха. Я решил было, что гостя проснулась и решила выйти в сад, но потом понял, что это невозможно: она вряд ли пойдет туда, где находится Керберос.

Хатидже-ханым тоже не могла явиться в такой час. У того, кто пришел, были свои ключи, да и Керберос на него не лаял. Это мог быть только один человек, и сейчас он поднимался по лестнице. Я встал с кровати и открыл дверь:

– Добро пожаловать, Мехмед!

Андаманское море, монах Порфирио и гора, где нет женщин

Тощий, как всегда, он легко проскользнул внутрь. Печальные глаза, отросшая борода.

– Где ты пропадал столько времени? – воскликнул я. – Как долго тебя не было в этот раз!

– Да, – согласился Мехмед. – Но ведь я постоянно писал тебе, где я. Я знал, что ты будешь волноваться, если от меня не будет вестей. Я тебе даже фотографии присылал.

– Правда, – признался я. – Спасибо, я получал и все твои письма, и фотографии, но на этот раз тебя слишком уж долго не было. Время так быстро проходит.

Он горько усмехнулся, сохраняя тот же грустный вид.

– Да уж, течет, – вздохнул он. – Время напоминает мне реку. А я будто плыву в этой реке. Вода течет сама по себе, я – сам по себе; кто из нас плывет быстрее – я или река; обгоняет ли меня вода, или я обгоняю ее – трудно понять. Реально только одно: бесконечное, вечное течение.

– Но ведь есть отрезок времени под названием жизнь. И он строго ограничен.

– Все относительно! – пожал Мехмед плечами. – Жизнь некоторых видов бабочек, если по скорости деления клеток сопоставить ее с человеческой, равняется восьмидесяти годам. И кто с этой точки зрения живет дольше: человек, который умирает в семьдесят, или бабочка, которая живет только двадцать пять часов?

– Нам с тобой как будто больше не о чем разговаривать, что мы сразу принялись говорить о времени, – заметил я, продолжая стоять в дверях. – Давай, проходи, а наш разговор лучше закончим сентенцией, что прошлое и будущее просто упрямая иллюзия.

Мехмед прекрасно знал, что ко мне не стоит прикасаться, и поэтому прошел в дом, не пожав руку. В общем-то мы и так никогда с ним не жали друг другу руки и не обнимались, как это принято между братьями в Турции. Мы поднялись ко мне в спальню на второй этаж, и он сел в кресло у окна. Я хотел было зажечь свет, но он воспротивился.

– Ой, не надо! Так гораздо лучше.

Я присел на край кровати. Сквозь окно в комнату светил фонарь, и лицо брата с левой стороны было освещено, а с правой стороны пребывало в тени. Мы погрузились в беседу.

Оказалось, что он ездил на Симиланский архипелаг в Андаманском море, состоящий из девяти островов, откуда и были его последние фотографии. Симилан на местном языке, в общем-то, и переводится как «девять». Он пожил там, на одном из островов, где к небу тянутся стволы тропических лесов и водятся обезьяны и слоны. Он плавал в бухтах, где живут акулы, огромные черепахи, а также рыбацклоун.

Иногда лодки привозили туристов, и тогда он прятался в гуще леса до тех пор, пока они не убирались, так что к вечеру остров вновь оставался в полном его распоряжении.

– Чем ты там питался? – поинтересовался я.

– О, чего там только нет! – воскликнул он. – Очень вкусные кокосовые орехи, тропические фрукты, бухты, полные рыбы... Там невозможно остаться голодным.

– Ну а как по ночам?

– Острова объявлены заповедником, поэтому там нет привычных нам бетонных сооружений, но бунгало все-таки есть, вот в одном из них я и ночевал. Я нашел даже небольшую палатку, забытую каким-то искателем приключений...

– Скажи, но зачем тебе потребовалось отправиться на другой конец света?

Мехмед рассмеялся.

– Главная причина тебе известна, – вздохнул он. – Там нет людей.

Конечно же, мне было об этом известно.

От кофе, которым я попытался его угостить, он отказался. Засиживаться не собирався, планировал немного посидеть и уйти, его ожидало такси.

– До путешествия на острова ты побывал в каком-то необычном месте, – вспомнил я. – Помню твои фотографии. Кажется, там были какие-то монастыри.

– Да, монастыри на горе Афон. Я прожил там некоторое время. Сначала в монастыре Ксенофонт, а затем в монастыре Симоноперта, который стоит на высокой горе. Чтобы добраться до этого монастыря, нужно карабкаться четыре часа.

Мне стало очень любопытно.

– А в монастырь ты зачем пошел?

– Ты и на этот вопрос ответ знаешь, – улыбнулся он, а потом

добавил: – Потому что там нет женщин. Уже несколько сотен лет женщинам запрещено ступать на гору Афон. Даже монахини туда попасть не могут. И животные женского пола. Например, там выращивают петухов, но там нет куриц, хотя это как раз кажется нелогичным, потому что домашних животных можно контролировать, а вот что ты поделаешь с дикими животными, с дикими птицами, что залетают на гору Афон?

– Неужели там в самом деле нет женщин? – я был удивлен.

– Нет. В самом деле нет.

Как интересно, наверное, жить в таком мире! Через некоторое время подобной жизни, наверное, можно вообще забыть о существовании таких существ, как женщины. Трудно представить себе общество, которое состояло бы из одних только мужчин, но именно там, на Афоне, это странное состояние можно испытать. Мехмед подружился с афонскими монахами. Эти долготерпеливые люди называли моего брата «калос антропос», то есть «хороший человек». Он подружился почти со всеми, но ближе всех сошелся с одним монахом по имени Порфирио. Мой брат беседовал с ним ночи напролет и рассказал ему о своей жизни.

– Но ты ведь об этом никогда никому не рассказываешь! – удивился я.

Тут я вспомнил, что сам рассказываю историю Мехмеда девчонке, которая сейчас спала внизу. Если бы Мехмед узнал об этом, он бы очень рассердился. Ведь ему совершенно не хотелось, чтобы кто-то был в курсе его странных злоключений и тайн. Он и мне-то поведал обо всем всего лишь однажды. Неужели монах вызвал у него такое доверие? А может быть, монахи Афона дают обет молчания?

Мехмед продолжал.

Двери монастыря открывались каждый день в пять утра, а ровно в пять часов вечера их тяжелые металлические створки закрывались. После этого выйти из монастыря было невозможно. Монахи едят два раза в день. Первый раз в восемь утра, второй раз в пять часов вечера. За едой можно разговаривать. Правда, есть правила: нельзя никому смотреть в глаза, нельзя переглядываться. Каждый сидит, опустив перед собой голову, и ждет разрешающей трапезы команды настоятеля. Сразу после разрешения нужно очень быстро съесть свою еду, ни на кого не глядя. Во время трапезы дежурный монах специально читает братии тошнотворные, отвратительные истории из старых книг. Цель этого чтения – отбить какое-либо удовольствие от еды. Затем монахи спешат в церковь, чтобы вымолить у Бога прощения за то, что только что испытали телесное удовольствие.

Монастырь Симонопетра находится так высоко, что из него хорошо видно, как море бьется о прибрежные скалы. Мехмеду выделили гостевую

келью, в ней он и жил.

Мне захотелось поподробнее узнать про Порфирио. Я спросил:

– Что, и Порфирио так живет? Вы вместе обедали?

– Ты как будто бы ревнуешь меня к нему, братец! – усмехнулся Мехмед. – Нет, с Порфирио все было совсем не так, потому что он вообще ничего не ел. И еду не ел, и в церковь не ходил.

– Как же так?

– Ну – вот так бывает!

– Но так же невозможно жить!

– Ну он, собственно, и не жил.

– То есть?

В этом монастыре существует древняя традиция: когда кто-то из монахов умирает, его погребают с молитвами, а спустя три года выкапывают его кости и обмывают их вином. Если во время мытья кости белеют, это значит, что человек совершенно безгрешен. После этого кости помещают в специальный сосуд под названием «оссуарий», или «остеофилакон», а череп кладут отдельно на полку. Там на полках лежат сотни черепов. Гостям их показывают, называя по имени: «Это монах Дмитрий, это монах Петр, это монах Евангелос!» Так вот – один из черепов и есть Порфирио.

Я спросил, почему он выбрал именно Порфирио.

– Не знаю, – ответил брат. – Он показался мне близким. Вообще у него очень симпатичное, доброе выражение лица.

– В общем, ты хочешь сказать, что поведал свою жизнь черепу?! – всплеснул я руками.

– Ну да. А что в этом такого? – он посмотрел на меня недоумевающе. – Монахи – очень хорошие люди. Они не причинили мне никакого вреда. Да ладно, хватит обо мне, расскажи лучше, как ты живешь?

– У меня все хорошо, – сказал я. – Впрочем, как видишь... Ничего не меняется. Так и живем с Керберосом.

– Да уж, я вижу, – сказал он. – Зверюга сильно вырос и еще страшнее стал.

– Он ведь тебя сразу узнал?

– Да, узнал по запаху, поднялся и начал приветливо махать мне хвостом. А почему ты шепотом разговариваешь? В доме, кроме нас, кто-то есть?

– Да, – признался я. – Есть.

– Ух ты! Вот как интересно! И кто же это?

– Да одна журналистка из Стамбула. Здесь недавно произошло

убийство, погибла женщина, очень известная в медийных кругах. Поэтому сюда понаехало много журналистов. Эта девушка одна из них. Пытается меня разговорить. Но вчера Керберос накинулся на нее, укусил за ногу. Ей пришлось остаться здесь, пока рана не заживет.

Мехмед задумчиво посмотрел мне в глаза. Его глаза светились любопытством.

– Ты вот так прямо и уверен, что только из-за раны? – спросил он. – То есть она тебя не интересует? Ты терпишь ее только по необходимости?

– Да, – сказал я. – Именно так. Между нами большая разница в возрасте. Мне такие вещи даже в голову не пришли бы.

– Насколько я тебя знаю, ты не из тех, кто с легкостью согласится нарушить свое одиночество. Ты никогда ничего не хотел впускать в свою жизнь.

Он с подозрением смотрел на меня. Я думал, что ему сказать, а он заметил как бы между прочим:

– Совершенно не заметно, чтобы присутствие журналистки тебе бы мешало. Мне кажется, ты на самом деле делаешь все, чтобы она задержалась здесь как можно дольше. Ну, например, рассказываешь ей всякие небылицы.

Я так и застыл на месте! Откуда Мехмед знает, что я и в самом деле рассказываю девушке истории? Не сомневаюсь, я выглядел очень беспомощным в эту минуту в его глазах.

– И наверняка ты рассказываешь ей мою историю! – заключил он.

Я чуть было не задохнулся от волнения, сердце билось, как безумное. А брат хриплым голосом продолжал:

– Я же знаю, как ты любишь рассказывать истории. Мне кажется, ты хочешь вскружить этой девчонке голову. Хочешь, чтобы она восхищалась тобой. Ты хочешь, чтобы общение с тобой было полно для нее загадок, вызывало любопытство и чтобы ты показался ей интереснее всех на свете.

Теперь в его глазах светился гнев.

– Я хорошо тебя знаю, Ахмед. Давай, признавайся: ты ведь рассказал ей обо мне, наверняка рассказал!

Я никогда не врал брату, не стал лгать и теперь.

– Так, – сказал Мехмед. – Значит, рассказал. Каждый день по части.

Он перешел на крик:

– Прекрасно! Все, как я и предполагал! Ты пользуешься мной, чтобы вскружить голову какой-то девчонке! Чтобы удержать ее рядом! Ты втрескался в нее, но скрываешь это сам от себя! А меня используешь как орудие, чтобы достичь своей цели!

Мне казалось, что в ярость его привело не столько то, что я рассказываю незнакомой девушке историю его жизни, сколько то, что я приблизил к себе кого-то, кроме него.

– Да нет же, Мехмед! – попытался успокоить его я. – Ты же знаешь, я не смогу солгать тебе! Это неправда, что я испытываю что-то к девчонке! Ничего подобного! Возможно, мне просто нравится с ней играть. Ведь она совсем из другого мира, из мира молодых. В ней есть милая наивность и чистота. Да, мы иногда спорим и ругаемся, но не буду скрывать от тебя, что сейчас очень интересно провожу время.

Мехмеда было невозможно переубедить.

– Ты втрескался в эту девчонку, как юнец, Ахмед! – не унимался он. – Признай уже это, и хватит отпираться. Самая опасная ложь для человека – ложь самому себе.

– Разве может влюбиться тот, кто знает, что любовь – шаги по краю пропасти с завязанными глазами? – спросил я.

Воцарилось молчание, а затем я перешел в наступление. Между нами произошел странный разговор.

Я спросил его:

– Твое сердце так и не успокоилось? Старые мысли по-прежнему терзают тебя? Ты по-прежнему думаешь о ней?

– Деревья в саду здорово выросли, – отозвался Мехмед.

– Когда ты избавишься от того, что терзает тебя? – не унимался я.

– Керберос когда-нибудь спаривался? – спросил Мехмед.

– Тебя носит по свету, то в один конец, то в другой. А на самом деле везде все одинаково.

– Ты по-прежнему много читаешь?

– Ответ, который ты ищешь, находится не в Андаманском море, не на Афоне, а внутри самого тебя.

– Ты все время сидишь дома, а совсем не поправился. Спортом занимаешься?

– Знаешь, как говорят: тот, кто едет за море, обретает лишь новую погоду, но не новый ум. Тебе нужно перестать колесить без остановки по миру и спуститься с небес на землю. Ты же помнишь легенду о том, как один глупец забрался на спину тигру и никак не мог слезть оттуда, боялся, что, когда он слезет, тигр его съест. Но пойми: невозможно всю жизнь просидеть у тигра на спине! Тебе пора уже спуститься, пора принять свое прошлое, как оно есть! Помнишь, сколько раз я тебя уговаривал сходить к психиатру, но ты никогда меня не слушал!

– Разве ты не читал мне давно лекцию о пользе активного забывания?

Вроде бы ты тогда говорил, что когда-то люди жили, забывая обо всем. То есть способность забывать была лучшим исцелением для человечества.

– Да, верно, но...

– Но что?

– Кажется, я запутался. Давай сменим тему.

– Тот, кто знает, не сможет жить так, будто ничего не знает!

Мехмед с победным видом посмотрел мне в глаза. С детства он выигрывал интеллектуальные споры, которые часто разгорались между нами. Добавлю: вплоть до того времени, как я перестал прикасаться к людям.

Лицо Мехмеда напоминало лицо существа из другого мира. Однако безумный блеск его глаз составлял некоторое противоречие с его бледным изможденным лицом. Вволю насладившись победой, он наконец заговорил.

– Ладно. Скажи мне, ты ходишь на могилу родителей?

Этот вопрос для меня оказался полной неожиданностью.

– Нет, – ответил я тихим голосом.

– Почему?

– Потому что я и так на могиле.

Я сам не понял, почему так ответил: как говорится, само вырвалось. Может быть, оттого, что я не посещал могилу родителей, не оказывал им должного почтения, а может быть, по другой причине.

Мехмед молчал.

– Видишь ли, – нарушил я молчание, – позавчера мне пришло одно электронное письмо. Помнишь братца Динча?

Я не успел договорить, как Мехмед вскочил и направился к выходу. Я рванул за ним вниз по лестнице. «Прости меня, пожалуйста! У меня случайно вырвалось, извини! Я не собирался говорить о Борисове, не собирался говорить об этом! Пожалуйста, не уходи, ты же только что приехал!» – лепетал ему я вслед.

Но Мехмед не слушал меня и молнией вылетел за дверь. Керберос, увидевший его в саду, поднялся, вновь приветливо помахивая хвостом. Мехмед не посмотрел и на пса. Из-за калитки он крикнул: «Бросай писать всякую чушь в эту свою тетрадь!» С этими словами сел в ожидавшее его такси и был таков. Я долго смотрел вслед машине. Мне казалось, что все происходящее – какой-то рассказ, а я герой этого рассказа. Вот бы все так и было, подумалось мне, вот бы все это было событиями романа, я бы мог вернуться к первым его страницам. Но когда же я рассказывал Мехмеду о своей тетради? Откуда он про нее знал?

Спустя некоторое время я пришел в себя от какого-то звука.

Оказывается, девушка проснулась и подошла ко мне.

– Ты чего стоишь у раскрытой калитки посреди ночи? Кого ждешь?

Я повернулся к ней, но ничего не ответил.

– Я слышала голоса, – продолжала она. – Ты кричал: «Мехмед!». Что происходит?

– Мехмед приезжал, – сказал я. – Но, к сожалению, я его упустил. Ляпнул кое-что, что не нужно было говорить, он и уехал. Наверное, больше не приедет.

– Приедет, – сказала гостья. – Иметь брата-близнеца нелегко, но все время тянет к нему, так что он непременно приедет.

По ее глазам было видно, что ей очень хочется спать, она ступала неуверенно. Я заметил, что она не застегнула верхнюю пуговицу на блузке. Но кроме этой досадной случайности, больше недостатков у рубашки не было. Значит, спит она голой, наверное, просто в белье, а проснувшись, одевается.

Странные животные на лугу и господин прокурор

Утром, пребывая между сном и явью, я наблюдал совершенно необычную картину, хотя был уверен, что мысли мои будут заняты только Мехмедом. Так вот, мне виделся просторный зеленый луг у дороги, а за ним море. Я смотрю на луг, а на нем – тысячи животных: пестрые коровы, быки, телята, кудрявые бараны, овцы, козы, прыгучие козлята, свиньи, кони, куры, петухи, утки, гуси, зайцы, олени, куропатки, перепелки, фазаны, ослы и прочая живность. В море за лугом – я вижу рыб: кефаль, окуней, хамсу, барабулек... Тысячи рыб всех цветов и размеров скользят в волнах.

Я двигаюсь по направлению к стаду. Животные тотчас замирают, перестают прыгать, пастись, жевать жвачку и принимаются пристально смотреть на меня. Одни смотрят враждебно, другие – злобно, а большинство с упреком. Ближе всех ко мне крошечная, белоснежная курчавая овечка. Я, полный намерений установить дружеский контакт со всем стадом, опускаюсь перед овечкой на колени и принимаюсь говорить ей всякие ласковые слова. Овечка, громко крикнув: «Беее!», убегает и прижимается к матери. Вслед за этим все животные принимаются ворчать, выть, стонать, жаловаться на судьбу.

– Да что с вами такое? – спрашиваю я их. – Я же не собираюсь причинять вам вреда. Я же ваш друг! Почему она от меня убежала?

И тут мать беленькой овечки отвечает мне:

– Потому что ты ее съел!

Я растерян.

– Как это – съел?

– А так – взял и съел! – отвечает мне взрослая овца. – Съел ее всю, порубленную на куски, съел ее маленький задок, даже внутренности все ее проглотил!

До меня постепенно начинает доходить, почему все звери так осторожны. Ко мне обращается корова, и выясняется, что я не ошибся.

– Мы – животные, которых ты съел до настоящего времени, – говорит она. – Ты съел всех нас. По крайней мере, хотя бы одну нашу часть.

– А что, я и эту лошадь съел?! – восклицаю я.

– Да! – отвечает лошадь, шумно выдохнув воздух. – Помнишь, ты работал в России и однажды с друзьями отправился посетить Киргизию.

Там вас угощали мясом дикой лошади!

– Кажется, вспоминаю, – сказал я.

– Там еще в качестве киргизского обычая вас прежде угостили моими ушами.

– Да, было такое, – согласился я. – Теперь вспомнил. Хрящ был очень твердым, жевать его было трудно, но за столом все смотрели на меня, и я, чтобы не опозориться, вынужден был жевать.

– Это и были мои уши! – грустно вздохнула лошадь.

– Вы уверены? – спросил я. – Вас здесь тысячи. Я не мог съесть вас всех.

Отозвался старый бык:

– За целую жизнь человек съедает две, а то и три тысячи животных!

Мне стыдно.

– Простите меня, пожалуйста, простите меня! – бормочу я.

– А нам-то что теперь от твоих извинений? – спрашивает лошадь.

– Можете съесть меня в наказание, – говорю я зверям.

– Вот тут самое главное, – отвечает старый бык. – Даже если мы очень захотим, мы не сможем тебя съесть, потому что все мы – травоядные. Вы, люди, питаетесь мясом, но мясо тех, кто питается мясом, – волков, шакалов – не едите. Ведь они вам братья. Могу я задать тебе вопрос?

Я чувствовал себя обязанным по отношению к животному, которое я съел, и ответил:

– Спрашивай, пожалуйста!

– Почему вы едите только травоядных животных, таких, как мы, которые никому не причиняют вреда, а хищников не трогаете? Между вами заключен договор? Охотник не ест охотника? Волк, шакал, тигр, кошка – почему они никогда не попадают на ваш стол?

Я пытаюсь что-то возразить, но потом понимаю, что он прав. С трудом вспоминаю, что со времен древних шумеров до наших дней во всех священных книгах было записано правило не употреблять в пищу животных с клыками. Я где-то читал об этом. Да, совершенно точно читал.

– Ты прав, – отвечаю я быку. – Прости, пожалуйста, но я не знаю ответа на этот вопрос.

Потом, еще раз извинившись перед всеми, решаю открыть глаза и возвращаюсь в спальню. Животные тут же вылетают у меня из головы.

Расскажу коротко, что я еще делал в тот день: было раннее утро, девушка еще спала. Умывшись и одевшись, я написал ей записку, что поеду в городок по делу, а после обеда вернусь. Один вопрос не давал мне покоя.

Я прыгнул в свою развалюху и по петляющей проселочной дороге

направился из своей Подимы в городок.

Приехав, я тотчас отправился к зданию прокуратуры, розовый цвет которого никак не сочетался с его предназначением. Зашел в канцелярию и сказал, что мне очень нужно увидеть господина прокурора. Я хочу сообщить ему кое-что, связанное с убийством в Подиме.

Я предполагал, что после этих слов прокурор будет вынужден принять меня, хотя я ему очень не нравился. Так оно и произошло. До двери в его кабинет меня почтительно проводил секретарь. Господин прокурор сидел на своем обычном месте. За его спиной висело панно в деревянной рамке бордово-красного цвета (это панно мне запомнилось еще с прошлого раза), а над ним – портрет Ататюрка с грустным выражением лица, которое словно бы говорило: «Родина печальна, и я печален».

Прокурор, нахмурившись, смотрел на меня.

– Что вам угодно? – спросил он.

Ясно было, что он не желает видеть у себя в кабинете человека, которого очень хотел арестовать. Так что он даже не предложил мне сесть.

– Господин прокурор, – сказал я. – Я вспомнил одну очень важную деталь, связанную с убийством в Подиме, но прежде мне нужно удостовериться, что все так и было.

Изобразив кислую мину, он откинулся на спинку кресла.

– Ну и что это за деталь? И как вы собираетесь в ней удостовериться?

– Я прошу показать мне фотографии, которые сделали полицейские на месте преступления. Так я смогу удостовериться в том, что собираюсь сообщить. И эта информация может оказаться очень полезной.

Молчание прокурора длилось довольно долго. Он явно не мог принять решения, как ему поступить.

Внезапно где-то заиграла азербайджанская народная песня «Ты перестал приходить», и мы оба от неожиданности вздрогнули. Певица страстным голосом выводила: «Ты перестал приходить, ты перестал приходить, ты перестал приходить»... Я уже слышал эту песню раньше, но в кабинете прокурора она звучала странно.

Господин прокурор выудил из внутреннего кармана пиджака телефон. Песня зазвучала громче, затем оборвалась, потому что господин прокурор нажал на кнопку и сказал: «Алло!» По лицу его расплылась улыбка, тонкие усики над верхней губой вытянулись в одну прямую линию. В течение следующих нескольких минут мне пришлось выслушать признание прокурора в том, что жизнь идет своим чередом; он крутится, кувыркается как может; на этой неделе обязательно ждет собеседника в гости; есть идея поехать в Подиму или Чилингоз рыбку половить и т. п. Насколько я понял,

собеседник его должен был приехать из Стамбула, очевидно, это был коллега либо сокурсник.

Поговорив, господин прокурор вновь уставился на меня и, явно будучи под влиянием разговора, поднявшего ему настроение, позвонил в звонок, чтобы позвать секретаря. Он попросил его принести папку с делом Арзу Кахраман.

Вскоре секретарь вернулся с папкой, и прокурор сказал: «Ну что, давайте посмотрим. Правда, не знаю, что из этого получится...»

Я приблизился к столу, взял папку, открыл ее и стал рассматривать фотографии, прикрепленные к делу в конверте. Я смотрел на лежавшее на лестнице изогнутое тело Арзу, на ее ноги, обнаженные задравшимся платьем, на странный, вбок, наклон головы, на белый мраморный пол с лужами крови. Скорее всего, они все засняли еще и на видео, но видео мне не требовалось. Фотографий было вполне достаточно. Я увидел то, что собирался увидеть, и понял то, что собирался понять. Других доказательств мне не требовалось.

В какой-то момент я колебался, поделиться ли увиденным с господином прокурором, но так и не решился. Да, я хорошо помню, что никак не мог решиться.

– Ну что? – нетерпеливо спросил господин прокурор. – Вы увидели там что-нибудь? Вам есть что сказать? Давайте быстрее, мне надо на заседание суда.

– Нет, – сказал я. – Прошу меня извинить, я ошибся.

Он с ненавистью посмотрел на меня:

– Ну, все, тогда уходите, у нас полно дел без вас!

И указал на дверь.

Я еще был в коридоре, когда он вышел из кабинета, что-то бормоча себе под нос. Он, должно быть, был жутко зол и ругал меня, но мне было совершенно все равно. Пусть ругается себе, сколько хочет.

Выйдя на улицу, я направился к буфету через дорогу, где мне повстречалась тогда журналистка с ее приятелями. Заказал с собой два тоста с колбасками и овечьим сыром и два гамбургера с соусом. Они, конечно, остынут, пока я доеду, но, может быть, помогут усмирить гнев моей гостьи из-за того, что, проснувшись, она меня не обнаружила.

Всю обратную дорогу мысли мои были заняты тем, что я увидел. А именно – золотым колье.

Девушка долго кричала на меня и ругалась. Она, как и господин прокурор, тоже была очень сердита. Кто давал мне право бросать ее одну и уходить, и что такое за дело у меня важное и т. д. и т. п.

Пока она разорялась, я размышлял о стадиях человеческих отношений. Эта юная особа, которая еще несколько дней назад робко позвонила в дверь, теперь считала меня близким настолько, что орала на меня как оглашенная; какие стадии человеческих отношений мы пережили? Что сокращает расстояние, существующее в момент первого знакомства; разговор или проведенное вместе время, возможность лучше узнать друг друга? Непонятны причины, по которым мы внезапно, порой совершенно неожиданно переходим с «вы» на «ты».

Протянув ей пакет с гамбургерами, я сказал:

– У меня к тебе одна просьба. Я хочу, чтобы ты, как профессионал, поискала и нашла кое-что, что прольет свет на преступление.

Девушка сразу остыла и спросила заинтересованно:

– В чем же должен проявляться мой профессионализм?

– В поиске по интернету!

– Какая просьба?

– Доставай свой планшет.

Я уже и раньше не раз говорил, что девица была исключительно любопытна. Я рассказал ей, что мне требовалось. А требовалось мне найти в фейсбуке «страницы» людей, которые в тот вечер были приглашены в дом Арзу, и посмотреть, не «постили» ли они в тот вечер фотографии. Это важно, объяснил я, потому что может дать нам одно очень важное доказательство. Я помнил имена некоторых гостей. Все они были известными людьми, и найти их в интернете не составляло труда.

Ее тонкие пальцы побежали по клавиатуре айпада с поразительной скоростью. От этой скорости пальцы ее казались почти невидимыми, подобно парящим над клавишами пальцам пианиста.

– Знаете, – сказала девчонка через некоторое время, – у большинства страницы закрыты для посторонних, выудить фотографии будет не так-то просто.

– Я в этом ничего не понимаю, – пожал я плечами. – Но уверен, ты найдешь выход.

Люди моего поколения, привычные к пишущим машинкам, привыкли сильно ударять по клавишам. Представители ее поколения касались экрана очень легко, что, конечно же, позволяло развивать им большую скорость. Мир интернета был знаком им так же прекрасно, как и собственная спальня; они способны разговаривать одновременно с несколькими людьми, не путаясь в разговоре; они способны были мгновенно добывать нужную информацию.

Как я и предполагал, поиски продолжались недолго. Через несколько

минут все фотографии были у меня перед глазами. На этих цветных, очень четких снимках Арзу с друзьями была счастлива: несомненно она собиралась жить вечно, до конца мира. В руках у всех были бокалы с вином. На одной из фотографий Арзу левой рукой обнимала какого-то мужчину с тонкими чертами лица. Важная деталь, которую я искал, бросалась в глаза – золотая цепочка с подвеской в виде птицы на замочке. Я не мог ошибиться. Найденное мной возле будки Кербероса золотое украшение, которое сейчас лежало у меня в кармане, в тот злополучный вечер украшало изящную шею Арзу. Однако на фотографиях, снятых полицейскими, его не было.

Интересно, что же произошло с украшением, прежде чем оно оказалось у Кербероса, а потом у меня в кармане? Как оно вообще оказалось здесь?

В тот момент я впервые задумался о словах девчонки, которая застала меня ночью в саду с командирским ножом. Неужели я страдаю нарушениями памяти? Неужели память могла покинуть меня в тот вечер? Такое вообще возможно? Я засунул руку в карман пиджака, и холод лежавшей там вещи подтвердил, что да, возможно, однако разум мой отказывался с этим соглашаться. Я отчетливо помнил каждую секунду, проведенную тем вечером дома у Арзу, а особенно хорошо помнил то, как вышел из ее дома и дошел до своего. Я помнил каждую деталь: прохладный ветер, овевавший мне лицо; ямку, в которую я неловко ступил в темноте; безумные прыжки сидящего на звонкой цепи Кербероса. Кроме того, перед глазами стояла картинка отъезжающих от дома машин гостей. Я все помнил совершенно отчетливо.

– Вы о чем-то задумались, – произнесла девчонка. – О чем вы думаете? Фотографии что-то напомнили?

Я подумал, что если не дам никакого объяснения, это будет странно. Поэтому я указал на шею Арзу и сказал:

– Вся причина в этом украшении! Как видишь, на протяжении всего вечера золотая цепочка с подвеской в виде птицы на замочке была у Арзу на шее, однако на фотографиях, сделанных полицейскими, которые я сегодня утром просматривал в прокуратуре, цепочки нет.

– Значит, убийца, расправившись с Арзу, забрал цепочку! – воскликнула журналистка.

– Да, – согласился я. – Кажется, так и есть.

Я не сказал ей, что нашел украшение и что оно у меня в кармане. Не знаю, почему я ей этого не сказал. Я не боялся, что этот факт поставит меня в положение обвиняемого или, по меньшей мере, подозреваемого, но

почему-то говорить мне об этом не захотелось.

– Можно, я напишу об этом в газету? – спросила девушка. – Фотографии тоже опубликую. Это отличная новость.

Я подумал, что господин прокурор непременно прочитает заметку и очень на меня разозлится за то, что я скрыл от него эту деталь, но мне было совершенно все равно. Даже если он еще раз решит меня арестовать – пусть арестовывает. Настоящее или будущее меня совершенно не беспокоило. Я вообще не умел никогда беспокоиться. Я всегда был совершенно равнодушен ко всему и ко всем, ко всему миру, ко всем людям, ко всем событиям.

– Пиши в свою газету, что хочешь, – сказал я.

Девчонка рассказала, что утром приходила Хатидже-ханым, они вместе убирали дом и болтали, Хатидже-ханым сварила две чашки чудесного кофе с пенкой, угостила журналистку ореховым печеньем собственного приготовления, которое захватила из дома, так что они очень мило пообщались. Хатидже-ханым рассказала немало интересного об Арзу. Единственной печалью этой дамы был ее несчастный сыночек Мухаррем. Очень уж он ее огорчал. В Подиме ему нечего было делать, Хатидже-ханым спросила, не найдется ли ему в газете, где работает гостья, какой-нибудь совсем простой работы, типа «принеси-подай». У нее сердце разрывается глядеть на мальчика. Ох, не дай Аллах никому испытать таких страданий, как она с Мухарремом! Пока у других дети, сорванцы, бегают себе день-деньской, этот сидит, словно ангелочек, не от мира сего, склонив головку, и куда-то смотрит. Дети ведь никогда не примут в свою компанию такого птенчика со сломанным крылом. Ему и в школе-то учиться не разрешили. Чиновник в отделе образования, вот уж гяур-то истинный, покарай его Аллах, велел ей отправить бедного Мухаррема в школу для умственно отсталых, в дальние края. Награди Аллах Ахмед-бея за то, что он, по крайней мере, английскому языку учит бедняжку.

Вывод, который я сделал из всего этого рассказа, заключался в том, что мне все же придется, хочу я того или нет, раз в неделю приглашать парня к себе на занятия. С Аллахом здесь связи никакой не было, связь была с талантами самой Хатидже-ханым, но об этом я девчонке не сказал. Да и что было бы, если бы сказал?

Тот вечер, конечно же, закончился так, как и прошлые вечера: девчонка вновь сидела передо мной покорной слушательницей. Поначалу она спросила, почему Мехмед так быстро ушел. Я кратко рассказал о произошедшем; а заодно поведал о морях, о дальних странах и об умерших афонских монахах. Затем добавил: Мехмед сбежал, как только я произнес

слово «Борисов».

– Все знают, что после смерти тела разлагаются. И все боятся такого разложения, – сказал я. – Но у большинства людей душа разлагается намного раньше тела, и почему-то никто этого не боится!

– Вы зачем сейчас об этом сказали? – удивилась она.

– Затем, что мысли о брате не дают мне покоя, – вздохнул я. – Поверь, у большинства людей душа действительно сгнивает раньше тела.

– Значит, Мехмед до сих пор боится вспоминать о тех днях, – задумчиво произнесла она. – Вот бедненький. Что же это за любовь такая? Неужели нет совсем никакой возможности соединиться с Ольгой?

– Нет, – покачал я головой и продолжил рассказ.

Враждебный взгляд серых стен, американский журналист

Эту часть истории рассказывал уже от лица Мехмеда.

«Сначала все произошедшее показалось мне обычной проверкой, я не принял ее всерьез. Решил, что произошло недоразумение; сейчас они посмотрят в какие-нибудь бумаги, потом извинятся и отпустят меня. А я сразу же побегу догонять Ольгу. Я думал только о том, как она, должно быть, волнуется, и был сильно расстроен. При мне было удостоверение моей фирмы, разрешение на работу и прочие необходимые бумаги, и я полагал, что, когда покажу их, офицеры поймут – тот юный сотрудник на паспортном контроле что-то напутал.

Однако вскоре пришли еще двое мужчин с мрачными лицами, похожие на боксеров в тяжелом весе. Они взяли меня под руки и повели коридорами по аэропорту. Завели в какую-то комнату и заперли за мной дверь. Я пытался возражать, кричать, звать на помощь и даже бить кулаком в дверь, но ничего не помогло. Тогда я осознал, что все затягивается. Ясно было, что я проведу здесь еще несколько часов и опоздаю на самолет.

Мне стало невероятно горько и обидно, я орал и бился в дверь, совершенно не думая о том, что меня, возможно, слушают и на меня смотрят – а именно так и было. Однако все оставалось по-прежнему. Наступила ночь, дверь не отпирали. Той ночью я думал только об Ольге и о том, улетели ли они в Сочи. А может, их тоже задержали, как меня, и сейчас где-то мучают? Я места себе не находил. Я поклялся, что если с ними что-то случится, то я разыщу и убью виновных.

Утром дверь внезапно распахнулась, вошел человек, на вид лет шестидесяти. По значкам на его форме я догадался, что это офицер очень высокого звания. За ним стояли люди в штатском. Я призвал на помощь все свои познания в английском, поздоровался с ним и сразу же принялся объяснять, что я – инженер, что работаю на стройке в Борисове, что при себе у меня документы, что произошло какое-то недоразумение и у правоохранительных органов не было никакого права держать меня тут всю ночь.

Сощурившись, он внимательно слушал мою сбивчивую речь, но ничего не ответил. А затем внезапно ударил меня по лицу. Что это был за

удар! Не могу передать тебе его силу! Такой удар можно нанести, только когда испытываешь огромную ненависть к человеку и желаешь ему отомстить. У меня в глазах потемнело, я рухнул на пол, потому что ничего подобного не ожидал. Из носа полилась кровь. Меня подхватили под руки и силой поставили на ноги. Высокий чин ушел.

Я ощутил у себя на руках холод наручников, мне завязали глаза и повели, словно слепого. Я постоянно спотыкался обо что-то. Меня жутко тошнило и даже, кажется, вырвало, а в общем, я толком не запомнил, что было тогда со мной. Я запомнил только, что меня вроде бы свели вниз по лестнице, потом, судя по всему, я оказался на свежем воздухе, в лицо мне дул прохладный ветер; затем меня опять повели куда-то вверх по лестнице, потом слышались звуки, похожие на шум двигателей самолета, и мы вроде бы взлетели.

Действительно, я был в самолете. Глаза у меня были завязаны, а руки скованы, я сидел на привязи, будто животное. Ахмед, я рассказываю все это в первый и последний раз, потому что полагаю: после многолетних поисков у тебя есть право знать, что со мной было.

Говорят, близнецы чувствуют друг друга на расстоянии. Но я уверен, что ты не мог чувствовать, что со мной делают, как меня пытаются, как я схожу с ума, думая об Ольге. Поэтому слушай внимательно, не перебивай, вопросов не задавай. Позволь моему рассказу литься свободно, и я сам тебе обо всем поведаю. А потом мы навсегда забудем об этом. Если бы я женился на Ольге, то во время церемонии бракосочетания священник наверняка бы произнес: «Если здесь есть тот, кому известны обстоятельства, препятствующие заключению этого брака, пусть назовет их или навсегда забудет об этом...» Так и мой рассказ – это красная печать вечного забвения обо всем, что со мной произошло».

Наконец-то Мехмед рассказывает, что с ним случилось. Рассказывает после того, как я столько времени прождал его, после того, как окончательно потерял надежду... На лице брата, сидящего передо мной, нет никаких чувств; это застывшее лицо, совершенно без мимики, кажется, будто маска со мной говорит. Мехмед не хочет ни у кого вызвать жалость, не хочет никакого сочувствия. Я больше не вижу перед собой лицо этого человека. Я даже не знаю, как с этим быть. Между нами не осталось никакой связи, никакой близости. Кровь холодеет от того, с каким невозмутимым лицом, каким спокойным голосом он рассказывает обо всех пережитых ужасах. Все, что мне было известно до сего дня о мире, теряет свое значение, мир меняется, а все прежнее становится неважным. Я хорошо помню это чувство.

«Мне так крепко завязали глаза, что, когда развязали, все вокруг виделось словно в тумане. Первое, что мне удалось разглядеть, была серая стена. Я смотрел на нее долго, очень долго, а потом мне стало казаться, что стена тоже смотрит на меня.

Передо мной была живая, вдыхавшая воздух, жестокая стена – настоящий враг. Когда меня вывели из самолета, опять повели куда-то, а затем кинули, кажется, в кузов грузовика, меня вновь вырвало. Сколько мы ехали, я не знаю, однако на протяжении всего пути меня так безудержно рвало, что под конец стала выходить одна желчь. Всякий раз, когда я пытался что-то сказать, тотчас обрушивались удары. Один раз даже ударили прикладом».

Меня повергает в ужас не столько то, что я слышу, сколько равнодушие в голосе и безразличие на лице Мехмеда. Передо мной человек, утративший всякую способность чувствовать. Когда я его слушаю, мои чувства тоже умирают.

Я понимаю, что когда он закончит рассказ, то встанет и уйдет. Я постепенно теряю надежду вновь его увидеть. Но я пока просто думаю об этом. Просто думаю, без всяких чувств. Я тоже перестал чувствовать что-либо, совсем как он. Говорят же, что близнецы связаны. Так что я просто слушаю. Слушаю голос брата. Голос Мехмеда. А еще до меня доносится шум волн, я слышу, как яростно они бросаются на прибрежные скалы; до меня доносятся эхо призыва к вечерней молитве и вой Кербероса...

«В камере не было окон. В углу едва светилась маленькая лампочка. В той пустоте, на глазах у враждебно рассматривавших меня стен, я заметил, что в камере есть лежанка. Деревянная лежанка, на которой не было ни матраса, ни простыни, ни вообще какой-либо тряпки. Только грубая доска. Сначала я сел на нее, затем лег. Я пытался собраться с мыслями, придать событиям какой-то логический порядок, сделать какие-то выводы. Два вопроса не давали мне покоя: почему я внезапно стал узником и что с Ольгой?

Судя по тому, что меня везли на самолете, я, должно быть, где-то далеко от Москвы. В камере очень толстые стены, сквозь них не проходят никакие звуки, так что я не могу понять, где нахожусь: не слышно ни разговоров, ни музыки, не слышно вообще ничего. Слышен только приглушенный рев авиационных двигателей – толстые стены заглушить его не смогли. Самолеты взлетали и садились, взлетали и садились...

Наверное, поблизости какой-то аэропорт, думал я, а может, просто именно здесь пролетают самолеты... Что со мной? Я под наблюдением? Меня арестовали? Меня похитили? Я пленник? Кто это сделал со мной? В чьих я руках? Неужели я в плену российских военных, раз тот русский офицер ударил меня? Почему все это произошло со мной? Почему? Почему? Почему?

Я мучался от всех этих вопросов, а еще у меня ужасно болел желудок: вот уже более суток я ничего не ел и не пил. А может, меня задумали заморить голодом и жаждой в этих серых стенах? Пусть так, но для чего все это нужно? Кому понадобился простой инженер? Сжавшись, я часами мучился на деревянной лежанке, думая обо всем, пытаюсь думать об Ольге, вспоминать прошлое, однако вскоре понял, что лучше не думать и не вспоминать, потому что эти мысли лишь усиливают боль».

Я в Стамбуле. В дешевом отеле. Кажется, я ненадолго забылся сном, однако тут же просыпаюсь, потому что мне начал сниться кошмар. Громкие гудки пароходов режут слух, сквозь замызганные окна отеля в комнату пытается светить утреннее солнце. Я встаю и иду посмотреть на минареты, которые пьют воду, но тем утром минареты стоят ровно, словно остро заточенные карандаши, готовые к письму на небе. Значит, этим утром им не захотелось пить, подумалось мне.

Скажу на фирме, что собираюсь уволиться. Больше я не хочу работать. Нужно будет только найти приработок, пока я дожидаясь момента, когда можно вый-ти на пенсию. Что-то в любом случае найдется. Мне, в общем-то, все равно, что. Мехмеда я больше не ищу, потому что уже сделал все возможное и невозможное: обратился во все инстанции, везде съездил и письма написал. Я даже к гадалкам ходил. Некоторые из них говорили мне, что брат умер и передает мне привет из загробного мира. Одна пыталась меня уверить, что он сидит на дне глубокого колодца. Мне нужно обойти все колодцы в мире, иначе душа его никогда не обретет покой. Были и такие, которые обнадеживали – говорили загадочно: «Придет через три срока». И я жду его... Да-да, жду! Каждый день, каждую минуту жду, только это какое-то странное ожидание. Жду без всякой надежды, жду, будто бы не придавая значения его будущему приходу... Отличительное свойство этого ожидания – его протяженность и постоянство. Словно оно – неотъемлемая часть моих мыслей и моей жизни.

«Просыпаюсь от какого-то шума. Это совершенно неожиданно,

поэтому сердце мое начинает испуганно колотиться. Пытаюсь понять, откуда этот шум. Все тело, и так изнуренное побоями, ноет из-за деревянной лежанки, будто по нему прошлись молотком. Потом, уже привыкнув к темноте, я рассмотрел, что в железной двери открылось маленькое зарешеченное окошко. Чья-то рука протягивала внутрь поднос, должно быть, с едой и водой. Я подошел к двери и выглянул в это окошко. Удалось разглядеть пожилое лицо с висящими, как у бульдога, щеками. Глаза «тюремщика» словно были незрячими.

Я призвал на помощь английский:

– Умоляю, поговорите со мной, скажите мне, где я!

Человек молча сунул мне в руки поднос, но я не успел удержать его, и все, что на нем было, с грохотом упало на бетонный пол, потом окошко закрылось, заскрипела железная щеколда, и я остался в одиночестве под враждебным взглядом серых стен».

Мехмед не едет. А у меня все качается под ногами, куда бы я ни шел. Сильнее всего качаются стамбульские пристани; я вообще испытываю тошноту от этого огромного города. Мне хочется сбежать отсюда, а самое ужасное – самое ужасное заключается в том, что я начал забывать брата. Прежде я каждую минуту, каждую секунду терзал себя мыслями: «Где же Мехмед? Где Мехмед?», а теперь начинаю потихоньку смиряться. Человек, как животное, привыкает ко всему.

«У меня отобрали часы, и поэтому я не понимал, сколько сейчас времени. В камере не было дневного света, и я давно перестал различать день и ночь. Вот как важно, оказывается, следить за временем! Как только понятие времени исчезает, человек постепенно, шаг за шагом, начинает опускаться до своей истинной животной сущности, которая таится до поры до времени в глубине его существа и которую всеми силами пытается придавить цивилизация. Я встал с деревянной лежанки и, встав на четвереньки, направился к железной двери и принялся жадно слизывать с пола баланду. Там же было и несколько лужиц воды, я слизал и их.

Не знаю, сколько прошло времени.... Окошко на двери вновь распахнулось, человек с бульдожьим лицом вновь протянул поднос. На сей раз я с благодарностью подхватил его. Можно раскатать катком человеческое тело, но душу раскатать катком гораздо проще.

Я так и чувствовал себя – будто меня катком раскатали. День за днем я продолжал превращаться в животное. Все естественные потребности я справлял в одном из углов камеры. Сначала из угла жутко воняло, потом

запах стал меньше, а потом я и вовсе перестал его замечать. Однажды, когда вновь принесли поднос, я взял его и подошел к тускло мерцающей лампочке. Поднос был металлическим. В нем мне удалось разглядеть привидение с бледным лицом и отросшей бородой.

Лампочка была в железной сетке. Первые дни я пытался разбить ее, чтобы осколками перерезать себе вены, однако железная сетка оказалась такой мелкой и прочной, что все мои потуги пропали даром.

«Как меня зовут? – думал я. – Какое у меня имя? Какая у меня фамилия? Кто я? Неужели у меня в самом деле есть возлюбленная по имени Ольга, или вся прошлая жизнь – плод фантазий больного ума? Да-да, конечно же, все реально! Совсем как пьющие минареты в Стамбуле! А если ничего не было? А если все это – Борисов, Ольга, Людмила – существовало только в моей голове?»

Однажды я подошел к чертовой стене, которая не спускала с меня глаз, и начал с силой тереть по ее щербатой поверхности указательным пальцем. Кожа на пальце постепенно истончилась, а потом лопнула, и из ранки потекла кровь. Кровью я написал на стене огромными буквами ОЛЬГА. Меня охватило ощущение бесконечной радости и спокойствия. Мне начали нравиться мои душевные страдания и даже боль стертого пальца. Потому что боль напоминала мне, что я человек. Я сидел на лежанке и, глядя на слово ОЛЬГА, пытался оживить ее образ перед глазами. Это помогло мне победить стену. Стена сдалась. Теперь она была просто обычной, грязной, гадкой стеной, она больше не смотрела на меня и не следила за мной.

Приносили еду, я ел, спал на лежанке, справлял нужду в углу, потом вновь приносили еду, и я ел, спал, справлял нужду, затем опять приносили еду, опять я ел, опять спал и опять справлял нужду. А потом еще, и еще, и снова, и опять... Не знаю, месяцы прошли так или годы... Волосы у меня доросли до плеч, а борода – до груди. Волосы и борода были единственными моими инструментами измерения времени».

Глаза девушки все чаще закрывались. Я понял – она вот-вот уснет. Отчего-то мне вспомнились слова старинной турецкой народной песни, которую пела мне бабушка:

Средь высоких гор ее сон сморил,
Кареглазой красавице глаза закрыл.

У этой девушки глаза были черными, но сон ее все-таки сморил.

Значит, рассказ о Мехмеде мы окончим завтра, но нет! С нечеловеческим усилием она поднимает голову, встает, говорит: «Одну минуточку, пожалуйста!», идет в ванную, там умывает лицо, вновь садится в кресло передо мной. Решительная и уверенная в себе, глаза широко раскрыты.

На работе я сообщаю, что собираюсь уволиться. После произошедшего я не нахожу в себе сил работать дальше. Начальство идет навстречу. Мне выплачивают все возможные пособия по увольнению и выходное пособие за все прошедшие годы.

Я продаю все, что у меня есть. Откладываю деньги, которых будет хватать на жизнь до тех пор, пока я не достигну пенсионного возраста, и которых достаточно для погашения пенсионных взносов. Хотя пока я еще не пенсионер, мысленно я себя уже причисляю к пенсионерам. Я начинаю новую жизнь в качестве бывшего строительного инженера Ахмеда Арслана, пенсионера.

На оставшиеся свободные деньги я покупаю поддержанный автомобиль и начинаю на нем объезжать окрестности Стамбула. Сначала езжу по Румелии. Затем направляюсь в сторону Шиле. Однако повсюду толпы стамбульцев, особенно по выходным.

Одним днем спускаюсь к морским скалам у Румелийского маяка и, сидя на заросших водорослями камнях, долго смотрю на Черное море. Погода портится, тучи обволакивают небо, море сереет, в отдалении сверкает молния. Мне это все почему-то кажется неким знаком. Вскочив в машину, еду по берегу Черного моря в сторону Болгарии. Иногда дорога сворачивает от моря, часто ныряет в лес, а затем вновь возвращается к прибрежным скалам.

Потом я внезапно вижу табличку «Ялыкёй», и дорога сворачивает вправо. Я тоже сворачиваю. Место, куда я в конце концов приезжаю, именно такое, какое я ищу: безлюдное, негостеприимное и находится на севере. Я спрашиваю, есть ли пансион. Мне показывают дом бакалейщика, а на следующий день я узнаю, что продается обветшавший дом напротив.

Я же говорю, это все было для меня знаком. Значит, мне нужно здесь остаться, поселиться тут, а может быть, даже здесь умереть и быть погребенным. Почему? Потому что это место не связано с моей жизнью. Это место для меня как Луна, оно далеко от моего прошлого. Я здесь не знаю ни одного человека, и меня здесь никто не знает. Меня ожидает замкнутая жизнь, далекая от расспросов, дружбы, общества. Это все, что мне нужно.

Тот дом я покупаю. Делаю ремонт. Планирую новые комнаты,

выписываю из Стамбула полки и книги и начинаю жить новой жизнью. Я больше не задаю вопроса: «Где ты, Мехмед?» Однако Мехмед неожиданно возвращается.

– Как, как, как?

– Знаю, что тебе очень интересно, – говорю я, – но до момента его появления нам еще очень долго.

– Вы позволите задать вам один вопрос?! – воскликнула девчонка.

– Конечно, давай!

– Судя по тому, что вы отдалились от людей, сбежали от них... можно сказать... ненавидите их, вы, должно быть, считаете себя выше и лучше всех? Вы считаете себя самым чистым, самым честным, самым умным, а все остальные – дураки и невежды, не так ли?

Я улыбнулся:

– Большинство людей и в самом деле дураки. В особенности богатеи. Ты, должно быть, в своем возрасте этого не замечаешь, потому что совершенно справедливо хочешь выйти замуж за состоятельного человека, родить ему ребенка, переехать в красивый дом и так далее. Но если бы ты могла повидать то, что видел я...

– И что же вы такого видели? – вскинулась она. – Что вы видели такого, чего не видела я?

– Деньги не являются неотъемлемым свойством человека, – сказал я. – Деньги не являются его естественной частью. Они могут пропасть, их можно украсть, они вообще довольно абстрактны, это просто некоторое количество цифр... Все, что по-настоящему ценно в жизни, за деньги купить невозможно. Ты можешь купить книги, вещи за деньги, ты можешь нанять людей за деньги; однако деньги не заменят знание, мудрость, дружбу, сочувствие. Богатые глупцы полагают, что деньги очень важны, поэтому ожидают, что их состояние сделает их какими-то особенно духовными и подарит им счастье. А это не так. И когда ничего не меняется, они начинают умирать от тоски, потому что души их по-прежнему пусты. Им не о чем говорить, поэтому они убивают время за игрой в карты и другие азартные игры. Они терпят жизнь и друг друга. Другие становятся трудоголиками и столько работают, словно умирают с голода. Я бы на месте таких с собой покончил.

– Ладно, а вы-то чем отличаетесь от всех? – спросила она.

– Все просто. Чтение и только чтение. Читающий человек опирается на мировой разум. Дружья богатеев – это обычно несколько финансистов, хозяева трех-четырех холдингов. Кроме того, они вынуждены

поддерживать отношения с людьми, в искренности которых сомневаются. А мои друзья – творцы, самые умные люди всех времен и народов: Аристотель, Платон, Ибн-Рушд, Фолкнер, Гомер, Ницше, Ибн-Хальдун... Дружбу с ними не купишь ни за какие деньги!

Она сказала, что я странно рассуждаю. Что я очень странный человек. Эту атаку я отразил, ответив, что это не я странный, а весь мир странный. Потом добавил: слабым местом таких людей, как я, является способность замечать абсолютно все. Многие знания – многие печали. «Как счастлив тот, кто пребывает в своем невежестве, словно в скорлупе!»

Она спросила, не поэтому ли я невзлюбил гостей, которые в тот злополучный вечер собрались у Арзу.

– Я невзлюбил их по многим причинам, – ответил я девушке. – Приведу пример: они ведь любят показуху. Самая дорогая машина, самый большой дом, самая красивая одежда, самые дорогие драгоценности... Разве не так?

– Да, – согласилась она, – именно так.

– Но в то же время они жутко боятся, что их сглазят. С одной стороны, они живут напоказ, а с другой – не стесняются прибегать ко всяким языческим обычаям, чтобы с ними ничего не случилось: приносят жертвы, делают амулеты. Вместо того чтобы жить поскромнее; купить машину подешевле; вместо того чтобы свой внутренний мир немного обогатить, они пыжаты друг перед другом... Конечно же, я прав, но рассказывать об этом твоим друзьям бесполезно, потому что в наше время этого никто не поймет. Вот поэтому, – продолжал я, – ты сама ответила на свой вопрос. Я бегу от глупой толпы. Ты сердишься на меня, но сейчас, кажется, постепенно начала признавать мою правоту.

«Мне нечем было измерять время, и поэтому я не знаю, сколько его протекло. Дни мои шли, отсчитанные подносами. О, если бы поднос не был таким гладким, если бы был у него хоть какой-то острый угол, я бы тотчас использовал его, чтобы себя убить. Но самоубийство было невозможно, а кроме того, трудно убить себя самому.

Когда попадаешь в камеру, то поначалу злишься, яришься, пытаешься бунтовать, а потом принимаешься ждать, когда ошибка будет исправлена. Надежда может жить довольно долго. Однако вскоре свет надежды начинает постепенно гаснуть, и ты начинаешь ее бояться. Наконец успокаиваешься, возможно, осознанно заставляешь разум заснуть. У тебя остается единственная цель: выжить. Такое состояние длится довольно долго, но вот наступает день, когда ты понимаешь, что и жить незачем, и

смерть начинает казаться тебе лекарством от всех страданий, однако и возможности покончить с собой ты не можешь найти. Задушить ты себя сам не можешь, утопиться в кружке с водой, которую тебе выдают, тоже не можешь, разрезать запястья нечем, голову об стены ты раскроить тоже не можешь, самое большее, что будет – ты ее разобьешь, потеряешь сознание, и потом придется страдать еще больше.

Так я стал частью камеры, сросся с ней. Слово ОЛЬГА на стене побледнело и начало стираться. Написать его вновь у меня не хватало духа. Я же сказал, что разум мой заснул, я стал манкуртом.

Знаешь, что такое «манкурт»? Этот способ обращения с пленниками, применявшийся азиатскими племенами против представителей вражеских племен. У пленника обривали волосы, и на его голову плотно натягивали шкуру недавно зарезанного барана, затем закапывали его в песок до подбородка и оставляли под палящим солнцем Азии на много дней. Конечно, его кормили, чтобы он не умер. Через некоторое время волосы начинали отрастать, но так как они были не в состоянии пробить высохшую, затвердевшую шкуру барана, то они вращались в кожу головы, причиняя несчастному невыносимые страдания. Человек, испытывающий жуткую боль, вскоре забывал о том, кто он, какого он рода-племени, и становился манкуртом. Такие рабы были в состоянии сражаться против своего собственного племени. Несмотря на то, что мои волосы отрастали свободно, постепенно и я становился покорным манкуртом...

В общем, если бы в один прекрасный день в моей камере чудом не оказался тот самый американец, то я точно вскоре превратился бы в манкурта. Сначала я ничего не понял. Дверь внезапно открылась. Это казалось таким же невозможным, как если бы земная твердь раскололась, но именно так и произошло.

Человек в спортивной одежде, которого бросили в камеру, был таким же худым, как и я, но здоровым на вид. На нем была жилетка с множеством карманов. Он пытался сопротивляться, и я понимал, что он кричит. «Господи, я его понимаю», – помню, думал я. Каким важным было это событие – то, что я понимал чью-то речь! Понимать слова, которые произносит другой человек, понимать их значение! Его гневные крики помогли мне начать движение обратно к человеческому состоянию. Я встал на ноги. Я стал существом, которое может говорить.

Конечно, я его напугал; я попытался было подойти к нему и дотронуться до него. Я протянул ему руку.

– Стой! – сказал он. – Ни с места! Не приближайся ко мне!

Я послушно остановился.

– Кто ты? – спросил он.

Рот наконец с трудом открылся, слова начали обретать форму, и я сумел выстроить и произнести единственное и первое за долгое время предложение:

– Я человек.

Судя по тому, что он приказал мне замолчать, я повторял эту фразу вновь и вновь. Надеюсь, это понятно: способность говорить и означает быть человеком.

– Успокойся, – сказал он мне. – Пожалуйста, успокойся, мне нужно собраться с мыслями.

Я повиновался от страха, что потеряю драгоценного гостя, что обижу его. Я вернулся в свой угол. Я понимал, что он очень расстроен, что ему надо разобраться с собственными проблемами. У него был вид образованного человека, в речи чувствовалось нечто, присущее выпускникам хороших американских университетов.

Нужно было сказать ему что-то такое, чтобы привлечь его внимание. Чтобы вызвать интерес у человека, который не желал со мной общаться. Выдержав достаточную паузу, я произнес: «*Nemo cogendus amicus!*», а затем повторил эту фразу несколько раз.

Наконец, у меня получилось. Он поднял голову. «*Nemo cogendus amicus!*» – вновь произнес я. Было ясно – он не ожидал услышать латинскую фразу здесь, в этой конуре. Он ответил, что мы с ним не друзья. «Верно, – согласился я. – Эта поговорка именно об этом: никто не может быть другом насильно».

Он спросил, знаю ли я латынь, я ответил, что знаю, так как учил ее в школе и в университете.

Воспользовавшись тем, что он смягчился, я попросил:

– Пожалуйста, очень прошу вас... ответьте на два моих вопроса, всего на два простых вопроса, и, если пожелаете, я больше не буду вас беспокоить. Вопросы простые... Очень простые. Где мы и какой сегодня день?

Ответ поверг меня в ужас. Оказалось, что я в камере уже почти полтора года, и мы находимся в Грозном, на военной базе в Чечне.

Как я и предположил, он был американским журналистом, он наблюдает за отделением Чечни от Советского Союза и за тем, как она становится независимым государством. На эту тему он подготовил обширный репортаж. Ездил по горной республике, делал репортажи об освободительном движении и встречался с его лидерами.

Вчера он шел по лесу на встречу с командиром одного партизанского

отряда. Военные перерезали ему путь и захватили его. Они отобрали все записи и фотоаппарат, а самого бросили сюда, но он, по правде, не очень беспокоится. Ведь американскому посольству все известно, у него и разрешение на работу при себе было. Завтра ошибка будет исправлена, но сейчас он очень устал, ему хочется спать (он произнес эти слова, зевая, но при этом, как воспитанный человек, прикрывал рот), не буду ли я возражать, если он приляжет вот тут, на этой импровизированной тахте, потому что лечь больше некуда. Потому что в ином случае ему придется тоже разместиться в углу. Какие первобытные условия! А ведь согласно международным договоренностям пленных должны обеспечивать всем необходимым для жизни и гигиены. Ладно-ладно, он и мою историю выслушает, только не сейчас, можно? Пожалуйста, не сейчас! Его жутко утомило все произошедшее, просто глаза закрываются, так что он просто не поймет меня, но дает слово, что завтра утром внимательно меня выслушает, и еще раз дает слово, что когда он выйдет отсюда, – а он обязательно выйдет, – сделает для меня все, что сможет.

Так он и заснул на деревянной лежанке в вонючей тесной камере. А я до самого утра смотрел на него. Я наблюдал за лицом цивилизованного человека, которого видел впервые за много месяцев, до самого утра, словно стал свидетелем чуда. Я долго смотрел на то, как он дышит, как поднимается и опускается его грудь, смотрел на умиротворенное выражение его лица, на то, как он поворачивался то на правый, то на левый бок, иногда бормоча что-то... Я смотрел на него как на Пророка Моисея, по слову которого расступились воды Красного моря. Этот журналист стал для меня первой ниточкой, связавшей меня с жизнью».

Девушка уронила голову, сидя в кресле. Дыхание ее стало ровным и тихим. Я подложил ей под голову подушку, а затем ушел к себе.

Прежде чем заснуть, я представил на мгновение, что сейчас спит весь мир. Фантазия была странной: мне привиделось, что спят все, даже рыбы на дне Черного моря, даже лодки на берегу. Спят сети, растянутые на просушку, спят крабы в песке, спят «отшельники» в своих раковинах... Спят мурены и осьминоги в своих подводных норах; спит имам; спит наш врач; спит Хатидже-ханым, спит Мухаррем, спит Али, и Арзу спит в своей могиле на деревенском кладбище... Спит Керберос, спит кошка Арзу с окровавленным носом. Спит господин прокурор, спит судебный исполнитель. Спит Светлана в тюрьме. Спит американский журналист.

Единственным человеком, который не спал, был Мехмед. Он с восхищением смотрел на неожиданного гостя в своей камере, он не сводил

с него глаз.

– Спокойной ночи, приведенный в порядок мир! – произнес я и спокойно заснул.

«Так как ночью свет не гасили, по часам спящего человека я видел, сколько времени. Впервые за долгий срок я имел возможность измерять время. Я считал секунды, а затем минуты. Наступило четыре часа, потом пять, потом шесть... Человек продолжал спать, однако мне было страшно. Страшно потому, что дверь может в любой момент открыться, и его могут в любую минуту забрать. Поэтому я разбудил американца, слегка коснувшись его руки. Сначала он не мог понять, где находится. Наверное, он не мог понять, и кто этот заросший человек с бородой, но растерянность длилась не более пары секунд. Я прошептал: «Мистер, наступило утро! Может быть, вас сейчас уведут».

Он взглянул на часы, сморщился, с трудом сел и попытался расправить занемевшее от лежания всю ночь на твердой доске тело».

Девчонка проснулась раньше меня. Она сидела на краю моей кровати.

– Проснитесь! Проснитесь же наконец!

Она разбудила меня в тот момент, когда я еще не успел погрузиться в мир цветных видений, который расположился, как всегда, между сном и явью.

– Сегодня я уезжаю, – сказала она.

Я открыл глаза.

– Мне придется уехать, – вздохнула девушка. – Мои родные очень беспокоятся. Я не могу больше их обманывать, потому что они могут нагрянуть сюда. Нога почти зажила. Поэтому, пожалуйста, не тяните и закончите историю Мехмеда.

Потом помедлила и неуверенно добавила:

– Я уеду в любом случае, узнаю я конец истории вашего брата или нет.

«Окончательно проснувшись и придя в себя, американец сел на лежанке, а я, поджав ноги, – перед ним на полу.

– Пожалуйста, выслушайте меня внимательно, – взмолился я. – Умоляю! Вы – моя единственная связь с миром. С тех пор как я оказался в этой странной камере, прошло больше года. Почему меня сюда бросили, кто меня сюда бросил – понятия не имею. Возможно, в этой камере меня оставили умирать. Вас в любом случае скоро выпустят, расскажите обо

мне, когда выйдете, кто бы вам ни встретился. Спросите, в чем моя вина, сообщите о том, что я здесь, в турецкое посольство. Умоляю, умоляю, умоляю.

Американский журналист попросил меня успокоиться. Он уже понял, что дело сложное, у него в голове просто не укладывалось то, что в этой камере можно провести больше года. Он сделает все, что от него зависит, но сначала нужно успокоиться и подробно рассказать ему, кто я такой и как здесь оказался.

Я принялся рассказывать, но старался говорить как можно более кратко – мне по-прежнему было очень страшно, что дверь в любой момент откроется и меня лишат моей единственной надежды. Тем не менее я постарался взять себя в руки.

– Меня зовут Мехмед, фамилия – Арслан. Я инженер по электрике. Работаю на стройке в Борисове.

Он любопытствовал, откуда я знаю английский. Я сообщил ему, что окончил английский лицей в Анкаре, а потом учился в Ближневосточном техническом университете.

– Так как Турция поддерживает чеченское движение за независимое мусульманское государство, может быть, поэтому все и случилось? – предположил американец. Я принялся уверять его, что совершенно не интересуюсь чеченским вопросом и не слежу за политическими процессами последних лет. – К тому же я готовлюсь принять христианство ради своей невесты, – добавил я. – В душе я давно, еще в Борисове, стал православным.

После моих слов он явно решил, что я «с приветом». Я видел, как на его лице отразилась мысль, не закончить ли ему этот разговор. Ужас охватил меня. Я чуть было не кинулся обнимать его ноги, но вовремя сдержал себя, прекрасно сознавая: такое поведение точно заставит американского журналиста увериться в том, что он имеет дело с сумасшедшим. Успокоившись, я начал рассказывать о своих приключениях. Он перебил меня, спросив: неужели меня никто не ищет?

– Ищут, конечно, – подтвердил я.

Я рассказал о тебе, Ахмед, сообщил, что ты работал в той же строительной фирме, что и я, инженером. Я сказал, что тебя зовут Ахмед Арслан. Потом уточнил у американца, сможет ли он запомнить имена. Все ручки с бумагами у него отобрали при задержании.

Он сказал, что запомнит. В Нью-Йорке на Второй авеню он ходит в турецкий ресторан, хозяина которого зовут Мехмед. Имя Ахмед тоже можно запомнить – есть такой Ахмад Джамал, известный джазмен.

– Я уверен, что Ахмед ищет меня как сумасшедший, и не только он, но и фирма, и посольство, – продолжал я. – Кроме того, меня должны искать невеста и переводчица. Но, увы, я все еще здесь.

– Вся эта история приобретает кафкианский оттенок, – заметил американец.

– Здесь речь идет не о замке и не о процессе. На Кафку похоже только то, что перед вами человек, превратившийся в насекомое.

Он внимательно посмотрел на меня, нахмурил брови и о чем-то некоторое время думал. Я понял, что в тот момент он наконец-то начал воспринимать меня всерьез. Он попросил меня кратко пересказать ему свою биографию, я рассказал о детстве, о Борисове, о тебе, об Ольге, о Людмиле, о намерении принять христианство, о поездке в Сочи и о том, что случилось со мной в аэропорту Шереметьево. Я старался рассказывать как можно более спокойно и при этом не упускать ни одной детали. Я следил за тем, чтобы не утомить американца, не наскучить ему и не вызвать у него раздражения, а кроме того, ни на секунду не забывал о времени. Ведь дверь могла в любой момент открыться, и журналист, которого, как я узнал, звали Генри, мог встать и уйти».

* * *

В двери повернулся ключ. Мы оба вздрогнули. Раздался голос Хатидже-ханым.

– Доброе утро, это я! А со мной гости!

Что еще за гости, подумал я. Девушка взволнованно посмотрела на меня, я лишь развел руками, попросил ее отвернуться, встал с кровати, накинул на себя халат, а затем выглянул. Рядом с Хатидже-ханым стоял Мухаррем. Так, значит, вот кто у нас в гостях! Я сказал, что сегодня очень занят, и избавился от Мухаррема, велев ему прийти на следующий день.

Парень безропотно повиновался. Хатидже-ханым принесла нам кофе, а затем занялась своими делами. Я продолжил рассказ.

«Я рассказал свою историю, надеясь, что она сохранится в памяти американца. Я видел, что он не очень удивлен. Как бы то ни было, он был военным корреспондентом – ему многое довелось повидать. Он знал, что во время войн и международных конфликтов цена человеческой жизни крайне мала.

Когда я закончил рассказ, он некоторое время молчал.

– Я, конечно, могу ошибаться, – наконец произнес он, – но почему-то я уверен, что все, что с вами произошло, связано с тем, что вы мусульманин. Сколько бы вы в душе не стремились к христианству, в вашем паспорте все равно записано «религия: ислам». Кроме того, вы смуглый, у вас мусульманское имя.

– Разве это преступление? – спросил я.

– Это повод вас заподозрить. Ну, да ладно, подождите, мы во всем разберемся.

Меня вновь охватил страх, – я страшно боялся того, что, как только он выйдет отсюда, то сразу забудет обо мне. Я внимательно посмотрел ему в глаза.

– Обещайте, что не забудете меня!

– Даю слово!

Около полудня дверь открылась, и его увели. Прощаясь, он повторил, глядя мне в глаза: «Даю слово». А я остался в полном одиночестве. Я ждал, но, кроме человека с бульдожьим лицом, никто не приходил.

И вновь я начал терять ощущение времени. Иногда мне казалось: никакого журналиста по имени Генри здесь не было, все произошло у меня в голове – меня терзают галлюцинации. В какой-то момент это предположение начало превращаться в уверенность. Не знаю, сколько дней и ночей пробежало, но однажды дверь неожиданно открылась, и в камеру вместе с человеком с бульдожьим лицом вошел какой-то офицер. Они стали говорить что-то по-русски. По словам «давай, давай» я понял, что мне нужно встать и следовать за ними.

Со страхом я вышел в коридор. Меня завели в какую-то комнату. В мои глаза будто впились тысячи лезвий – комната была залита солнечным светом. Я не мог ничего разглядеть и руками прикрыл глаза. Какой-то голос произнес на моем родном языке: «Не плачь, теперь все позади». А я и не думал плакать, слезы текли у меня от света.

Поразительным было другое: впервые за долгое время я слышал турецкую речь. Наконец, я смог разглядеть силуэт напротив. Человек был молодым, в костюме и протягивал мне руку. Я тоже, дрожа, протянул ему свою.

Постепенно глаза мои привыкали к свету, я посмотрел по сторонам. За столом чуть поодаль сидел рослый русский офицер. Из окна сбоку солнце светило ему прямо в лицо, за окном, словно белая вата, хлопьями сыпал снег, в комнате было жарко.

Говоривший по-турецки сообщил, что его зовут Назым. Он является местным представителем турецкого консула; ему сообщили о моем деле, и

он приехал мне на помощь. Русский офицер указал на два стула перед своим столом. Я сел. Офицер приказал принести чаю, я выпил. Мне рассказывали, а я слушал. Все было словно во сне.

Наконец Назым-бей произнес: «Господин полковник приносит вам свои извинения. Произошла ошибка».

– Какая ошибка? – удивился я.

– По дороге я все расскажу.

Желание как можно скорее уйти отсюда пересилило любопытство. Допив чай, я подписал несколько бумаг, мне вернули мою одежду, кошелек, паспорт. В соседней комнате я переоделся, и мы покинули здание.

Погода стояла холодная, воздух был чистым и невероятно свежим. Я мог видеть, что окружавший базу лес покрыт снегом, хотя наши ноги тонули в глине. На глине были следы от гусениц. То и дело проезжали военные автомобили, а где-то поблизости взлетали и садились самолеты. Мы дошли до «лады» Назым-бея. Я спросил, куда мы едем.

– В Грозный, – ответил Назым-бей. – Сегодня вечером побудете нашим гостем, придете в себя. Завтра куда захотите, туда и отправитесь.

– Я что, совсем свободен? – спросил я.

Сердце колотилось так, что я едва расслышал ответ.

– Конечно, совершенно свободны.

Назым-бей рассказал, что чеченская борьба за независимость продолжается с царского времени. В наши дни она набрала обороты, многие чеченские командиры получают вооружение от арабских религиозных радикалов и ведут партизанскую войну против русских. Одним из таких командиров был Мухаммед Арсланов.

– Мухаммед Арсланов? – удивленно переспросил я.

– Именно. Русские знают, что турецкое имя «Мехмед» может произноситься как «Мухаммед». То есть вы оба носите одно имя, но дело на этом не заканчивается.

Он достал из внутреннего кармана газету и протянул мне. Я ничего не мог разобрать, потому что было написано на кириллице, однако увидел фотографию группы чеченских командиров. Третий человек справа был очень похож на меня.

– Это и есть Мухаммед Арсланов? – спросил я.

– Да, – кивнул Назым-бей, – вам не повезло! Имена одинаковые, и вы очень похожи.

Я не верил своим ушам. По рассказу Назым-бея выходило, что в Шереметьево меня задержали, потому что приняли за Мухаммеда Арсланова, а затем на военном самолете привезли в грозненский гарнизон.

– Хорошо, но меня никто не допрашивал!
– А не потребовалось.
– Почему?
– Потому что примерно через неделю после вашего ареста настоящий Мухаммед Арсланов был убит.

Мы уже подъезжали к Грозному, показались первые дома на окраинах.

– Раз его убили, почему меня сразу не выпустили?

Назым-бей остановил машину перед маленьким старым отелем, заглушил мотор, повернулся ко мне и произнес:

– Вы очень удивитесь, но... О вас забыли.

– Как забыли?

– Просто взяли и забыли. Кажется, в том отделе, который вас задержал, поменялись сотрудники. Вообще у них с управлением проблемы... Идет война, страна разваливается...

– Но как же такое могло произойти? – все время твердил я.

– Все забыли, за что вы арестованы. Дело Арсланова закрыли, а вы остались в камере. Не пошли Аллах этого американского журналиста, боюсь, вы бы до конца своих дней там сидели.

Ужас охватил меня. Я не знал, что меня ужасало больше – страх, который пришлось пережить в камере, или нелепая причина, по которой я оказался там.

Пока я пребывал в растерянности, Назым-бей довел меня до стойки администратора, зарегистрировал в отеле и провел в номер.

– Отдохните немного, к ужину я приеду за вами.

Ты, наверное, можешь понять, что тот простенький гостиничный номер показался мне истинным раем. Да еще каким раем! Моя рука долгое время гладила кровать, подушки, занавески, испытывая забытое удовольствие.

Я рассматривал собственные вещи, которые мне вручили, когда я выходил из тюрьмы, так, будто я впервые их вижу. Нашел несколько записанных на бумажке телефонных номеров. Я позвонил администратору и сказал, что хочу сделать звонок, но по-английски он не говорил. Я взял бумажку с телефонами и спустился. На бумажке был твой телефон, телефон Динча и Людмилы. У Ольги дома телефона не было, позвонить ей я не мог. У стойки администратора я показал номера и жестами объяснил, что хочу. Я даже смог по-русски произнести: «Телефон, телефон! Борисов! Спасибо!»

Человек принял грустный вид и что-то сказал, но я все равно его не понял. Покачивая головой, он стал крутить диск телефона у себя на столе и,

немного подождав, по-русски кому-то что-то объяснил. Кажется, он продиктовал мои номера. Я прекрасно знал, что в России позвонить – дело непростое, иногда приходится часами ждать, но другого выхода у меня не было.

Я вернулся в номер. Ванная блестела так, что ее дешевый белый кафель казался мне фантастическим. Я разделся. Из зеркала на меня смотрел человек с волосами до плеч, с бородой до пояса, у него выпирали ребра, кожа обтягивала кости, и этот человек был в самом деле похож на Мухаммеда Арсланова. У меня ныло все тело, каждая клеточка. Я отдался нежности теплой воды – так младенец отдается теплу материнской утробы. И в тот момент, я не стесняюсь в этом признаться, я заплакал навзрыд.

После этого мне явно полегчало.

Вода в ванне стала совершенно черной. Эта жидкость постепенно стекала в канализацию, возвещая мне, что, кажется, закончился самый мрачный период в моей жизни.

Я рухнул на мягкую кровать. Заснул. Проснулся от телефонного звонка и вздрогнул, мне показалось, что я в камере и вновь человек с бульдожьим лицом отодвигает засов на дверном окошке и протягивает мне баланду. Но через мгновение я осознал, что нахожусь в номере отеля.

Звонил Назым-бей, он ожидал меня в вестибюле. Этот добрый молодой человек привез одеяло, чтобы я не замерз на холоде. Он извинился, что не смог подобрать для меня подходящего пальто или куртки, так как мы были разного роста. А сейчас советует набросить одеяло на плечи, потому что на улице ниже нуля.

Я набросил одеяло, словно пелерину, и сказал, что все равно за все благодарен. Он отвез меня на машине в ресторан. Я с изумлением рассматривал чисто одетых людей, которые сидели за столами, ели и разговаривали. Мы тоже сели за стол. Назым-бей заказал множество блюд. За дружеской трапезой он сказал, что невероятно сожалеет о том, что со мной произошло. Тот вечер прошел в приятной атмосфере. Мне показалось, что Назым-бей хочет что-то еще сказать, но не решается. Я несколько раз попытался его спросить об этом, но он всякий раз мастерски переводил разговор на другую тему. Мне очень хотелось поведать ему свою историю: я рассказал о своих мытарствах настолько подробно, насколько это было возможно.

Прежде чем мы поднялись из-за стола, я попросил Назым-бея узнать, как быстрее добраться до Борисова. Скорее всего, придется лететь через Москву. Мне хотелось бы взять билет на первый же самолет, не мог бы он помочь? Назым-бей дал слово, что купит мне билет на самолет до Москвы

и даст денег, чтобы я пересел на рейс, следующий в Минск.

– Надеюсь решить эту проблему прежде, чем вы побреетесь, – засмеялся Назым-бей.

Я сказал, что не собираюсь бриться.

– Вы хотите оставить свою бороду? Напрасно! Я видел вашу фотографию в паспорте.

– Нет, – ответил я, – бриться я не хочу.

– Борода будет напоминать вам о страданиях в тюрьме. Я бы на вашем месте первым делом от нее избавился.

– Когда я в отеле посмотрел на себя в зеркало, мои длинные волосы и борода напомнили мне о ликах христианских святых на иконах. Мне показалось, что если я взвалю на плечи мешок и возьму в руки посох, то буду похож на старца. Может быть, мой вид понравится моей несчастной невесте. Она очень верующая православная. Я у нее спрошу.

Назым-бей робко осведомился:

– Я могу узнать имя вашей невесты?

– Конечно. Ее зовут Ольга.

Он облегченно вздохнул и откинулся на спинку стула. У него был такой вид, словно он избавился от большой проблемы. Я удивился и спросил, в чем дело.

Наконец Назым-бей признался. Чтобы забрать меня с военной базы, помимо всего прочего, он привез командиру гарнизона из консульских запасов две бутылки старого виски, в ответ на это полковник по дружбе рассказал ему, что произошло. Короче говоря, Назым-бей знает кое-что, что боялся мне сказать, и до этого момента думал, как бы так сделать, чтобы не сильно задеть меня. Однако, узнав, что имя моей невесты Ольга, он успокоился. Дело в том, что кэзэбистам на меня донесла женщина. Он был уверен, что это сделала моя невеста. Но, слава Аллаху, это не она!

Я с трудом верил своим ушам:

– Как звали ту женщину?

Назым-бей ответил:

– Людмила».

– Людмила? Это была Людмила? Неужели Людмила? Но почему, зачем она это сделала? – спрашивала девушка.

– Если ты так волнуешься, то представь себе Мехмеда, – усмехнулся я, – он чуть сознание не потерял. Надеюсь, ты поймешь, как трудно мне рассказывать тебе об этом. Я очень устал. Мне очень тяжело вспоминать пережитое Мехмедом. Поэтому давай сейчас немного передохнем, поедим,

а затем продолжим.

«Большую часть той ночи я провел на улице. Гостиничный номер навевал на меня мрачные воспоминания, к тому же, шагая по безлюдным улицам, не обращая внимания ни на лед под ногами, ни на снег, ни на холодный воздух, я так не мог найти ответ на вопрос «Почему?».

Когда я вернулся в маленькую гостиницу, входная дверь оказалась закрыта. Мне пришлось звонить в звонок. Ночной охранник поначалу не хотел меня пускать. Его можно было понять: перед ним стоял настоящий муджахид с длинными волосами и бородой, в странной коричневой пелерине. Вручая мне ключ от номера, он передал с ним записку. Она была написана по-английски и поведала мне, что по телефонам, которые я оставлял, дозвониться невозможно, потому что их не существует.

Я понял, что стройка давно закончилась и офис закрыт. Получается, у меня не было никакой возможности что-то узнать без поездки в Борисов. На следующее утро я улетел в Москву, а оттуда в Минск. Всю дорогу я размышлял об Ольге и Людмиле. Я думал, что надо бы связаться с тобой, но не знал, как это сделать. Наверное, ты уже вернулся в Турцию или работал на стройке в другом городе России. Все это я мог узнать только в Борисове. Ответ на все вопросы был там.

В минском аэропорту я взял такси. Под колесами скрипел лед, белорусские леса и равнины были засыпаны снегом. Снежным был даже туман в воздухе. Мы ехали медленно. Минский шофер знал пару слов по-английски.

Когда мы добрались до Борисова, я первым делом попросил его поехать к старым офицерским общежитиям. Там я выскочил из машины, попросил водителя подождать и с сжавшимся сердцем отправился к Ольгиному дому.

В парадной, как и прежде, пахло капустой. Казалось, с прежних дней здесь ничего не изменилось. Однако дверь мне открыла незнакомая женщина.

– Ольга, Ольга? – бросился я к ней.

Женщина что-то сказала по-русски, я разобрал несколько раз произнесенное «нет, нет». Впрочем, я и предполагал подобное, потому что после смерти отца Ольга не имела права здесь оставаться.

Не обращая внимания на растерянную женщину, я сбежал вниз по

лестнице и вернулся с шофером.

По дороге я поведал ему о своей проблеме. Рассказал, что ищу Ольгу Павловну, что отец ее был офицером и прежде они жили в том доме. Я вновь нажал на звонок, открыла та же женщина. Водитель перевел мои слова, однако ее грустное выражение лица и отрицательный жест головой лишили меня последней надежды. Их семья вселилась в эту квартиру примерно год назад, ее муж был капитаном, прежних жильцов они не знают. Кто такая Ольга, где она находится – у нее нет ни малейшего представления.

Из района, где жили офицеры, я ехал сильно разочарованным. Тем не менее я описал водителю место, где была наша стройка, подозревая, что и там меня ждет большое разочарование. Я оказался прав: на месте стройплощадки и общежития для инженеров был большой современный квартал, почти город. Я вновь пообещал водителю хорошее вознаграждение и сумел убедить его пойти узнать, не остался ли кто-нибудь из представителей строительной компании. Может быть, фирма оставила хотя бы небольшой офис поблизости?

Когда водитель ушел на поиски, я принялся бродить между новыми домами, утопая по щиколотку в снегу. Я смотрел на новые жилые дома, на которые мы потратили столько труда, и вспоминал счастливые дни, которые мы проводили здесь с Ольгой и с тобой. Людмила оставалась для меня большой загадкой. Вскоре вернулся водитель и сказал, что никого не нашел.

Тогда мы вновь по скрипучему льду, пробираясь сквозь снежный туман, вернулись в Минск. В Борисове делать было больше нечего. Все ответы были в Москве, и мне следовало поехать туда как можно быстрее. Однако в тот день самолетов в Москву больше не было. Мне пришлось остаться на ночь в Минске, а утром сесть на первый самолет. Водитель, который начал уже сочувствовать моему бедственному положению, отвез меня в тот самый отель, где мы бывали раньше.

В отеле сотрудник стойки администрации заговорил со мной по-русски. Должно быть, он принял меня за монаха, огромное количество которых внезапно появилось в бывшем Советском Союзе.

Та ночь для меня прошла очень трудно. Каждый угол, каждый коридор гостиницы и ее особенный запах, проникавший везде, напоминал мне те дни. Я попросил себе номер «308», ту самую комнату, где мы с Ольгой впервые спали в одной кровати.

Я сидел в баре на первом этаже и пил водку. Там больше не было веселого музыканта с танцующим пианино. В баре было тихо, никто не

играл песню «Via Con Me».

Изрядно напившись, я поднялся к себе в номер. Долго вспоминал нашу первую ночь, Ольгины слезы, то, как позвонил тебе, то, как мы позвали Людмилу. Что затеяла эта женщина? Что было причиной такой ненависти ко мне? С какой целью она все это сделала? Но самым главным оставался вопрос: переводила ли она Ольге мои слова так, как надо?

Следующим утром я улетел в Москву и направился прямо в головной офис нашей фирмы. Как ты думаешь, кого я там нашел? Ну извини, ты и так это знаешь, потому что мы сразу позвонили тебе и ты узнал, что я жив.

Некоторые события в моей памяти совершенно спутаны. Прости меня! Динч меня сначала не узнал, а потом с радостью обнял. Ты знаешь, какие у него добрые глаза: так вот – он чуть не плакал.

– Где ты был, сынок? Где пропадал? Мы все чуть не умерли из-за тебя! – причитал он.

Динч сказал, что, когда стройка в Борисове подошла к завершению, его перевели в головной офис. Теперь он был координатором нескольких больших строек в России. Жена его была русской, и поэтому ему не хотелось уезжать. В России ему гораздо лучше. Я вкратце рассказал Динчу, что со мной приключилось, пообещав, что позже расскажу во всех подробностях.

Братец Динч совсем расчувствовался.

– Аллах-Аллах! Аллах-Аллах! – растеряно приговаривал он.

Оказывается: они искали меня всей фирмой с помощью посольства, пока надежда не пропала окончательно. Людмила уволилась. А где Ольга, Динч не знал.

Потом Динч позвонил в главный офис фирмы в Стамбуле, спросил, как разыскать тебя. Так мы узнали о тебе, что ты переехал в Подиму, и получили твой телефон.

Помнишь, как ты растерялся, услышав мой голос в трубке? Ты даже какое-то время не мог ответить».

Я был так потрясен и взволнован, что какое-то время молчал. Я застыл с трубкой в руках, будто мне позвонили с того света. Я даже «здравствуй» не мог произнести, потому что давно потерял надежду. Я думал, Мехмед давно умер, его могила неизвестна. А теперь он говорил со мной по телефону.

Через некоторое время я пришел в себя, преодолев шок. Он рассказал, что находится в московском офисе нашей фирмы рядом с Динчем; его арестовали по ошибке, приняв за лидера чеченского подполья из-за

сходства имен, а затем забыли в камере. Сейчас с ним все в порядке, беспокоиться не о чем. Как только он найдет Ольгу, они приедут в Стамбул. Не знаю ли я, где она?

Я вкратце рассказал ему, что произошло после того, как он пропал; сказал, что ничего не знаю об Ольге.

Вешая трубку, на прощание он произнес: «Как хорошо, что тебя назвали Ахмедом. Был бы ты Мехмедом – погиб бы».

Эти слова потрясли меня.

«Повесив трубку, я попросил Братца Динча помочь мне с поисками Ольги. Он вздохнул, посетовав на то, что не очень-то ему везет с поиском людей, судя по моей истории, но все равно стоит попробовать. Он спросил ее фамилию. Я ответил, что ее звали Ольга Павловна. Он сказал, что «Павловна» – это то, что в турецких паспортах обозначается как «имя отца», а по-русски «отчество». То есть она дочь Павла, но таких девушек в России сотни тысяч. Без фамилии найти ее никак нельзя. Как же я раньше не узнал ее фамилию? Как же можно быть таким рассеянным? Но теперь-то уже поздно.

Тогда я предложил Динчу искать Ольгу через Людмилу: «Если мы найдем Людмилу, то и Ольгу найдем». Фамилию Людмилы я тоже не знал, но она хранилась в отделе кадров. Динч попросил секретаршу поискать, и через пять минут мы узнали – Белинская. Правда, возникла сложность с ее домашним адресом. Мы не знали, куда Людмила Белинская отправилась после Борисова и чем занялась.

Я попросил Динча навести справки по всем турецким строительным фирмам. Может быть, она устроилась в похожее место на похожую должность, решили мы.

Братец Динч отвез меня на обед и настоял на том, чтобы я остановился за счет фирмы в отеле, где обычно останавливаются ее деловые партнеры. Он распорядился, чтобы мне выплатили все накопившееся жалование.

– Какое еще жалование? – удивился я.

– Пока тебя здесь не было, зарплата копилась, – объяснил он. – Тебя же никто не увольнял. Ты по-прежнему работаешь. Если хочешь, можешь продолжать свою деятельность на любой нашей стройке.

Я поблагодарил его и, конечно же, отказался: мне, как и тебе, хотелось спокойной жизни, далекой от хлопот. После всего пережитого моей единственной целью было найти Ольгу.

Динч поселил меня в гостинице «Международная», в вестибюле которой стоят часы с механическим петухом. После того как он оставил

меня и уехал, я долго сидел в этом вестибюле, разглядывая лицо каждой проходящей мимо девушки. В отеле решили, что я ищу девушку на время, и поэтому, глядя на меня, администраторы улыбались. Конечно, я понимал – найти Людмилу или Ольгу среди девушек, ожидавших клиентов, невозможно, но я все равно смотрел им в лица. Меня охватило ощущение безысходности, я не знал, что делать.

В гостиничном ресторане я съел тарелку горячего борща. Затем в баре выпил водки – мне нужно было срочно успокоиться, а водка хорошо помогала. Пожилой бармен предупредил меня по-английски, что я пью слишком быстро, но я не стал его слушать. Не знаю, сколько прошло времени. Помню себя на холодной улице, захлебывающимся от рвоты. Та ночь прошла очень тяжело».

– Я сказал о борще, и мне пришло в голову, что нам тоже надо поужинать, – отвлек я девушку от рассказа. – Хатидже-ханым, должно быть, оставила что-нибудь в шкафу. Давай-ка сегодня вечером выпьем водку за Мехмеда.

В ответ журналистка слегка подняла брови и улыбнулась, но это означало – «нет».

– Конец истории можно слушать только под «Столичную», – настаивал я. – Причем нужно пить ту бутылку, которую Мехмед привез из Москвы. Это как раз прощальная бутылка.

– Но я никогда не пила водку! – залепетала девушка. – Она ведь очень крепкая.

– Попробуешь со мной ее в первый раз. Она крепкая, но это хороший напиток. Не беспокойся, от одной-двух рюмок ты не рассыплешься.

Бутылка «Столичной», которую Мехмед привез из Москвы, давно заиндевели в морозилке. Я ее открыл, налил две маленькие рюмки, одну протянул девушке.

– За что пьем? – спросила она. И тут же предложила: – Давай выпьем за то, чтобы Мехмед встретился с Ольгой.

Я усмехнулся.

– Ты очень хитрым способом пытаешься вывести у меня конец истории, однако тебе придется подождать. Предлагаю выпить за всех безнадежно влюбленных.

– Это еще зачем?

– Не знаю, просто вырвалось. Если ты не хочешь, то давай выпьем за Кербероса, которым из-за тебя я пренебрегаю уже несколько дней.

– Ой, только не за него! – нахмурилась девушка. – Я лучше выпью за

Людмилу.

Она со страхом сделала небольшой глоток и тут же широко раскрыла глаза.

– Ой! – воскликнула она. – И лед, и огонь одновременно! Что же это такое?

«На следующий день я бродил по улицам и закоулкам Москвы, по Красной площади мимо Мавзолея Ленина, по улице, которую я привык называть улицей Горького, которая сейчас стала Тверской, я заходил на станции метро, зашел даже в огромный торговый центр под названием ГУМ.

Я заглядывал в лицо каждой женщине. Под вечер я зашел в офис, – результатов все еще не было. Динч убеждал меня так себя не мучить: мне следовало отдохнуть в отеле, восстановить потерянные силы, побриться, привести себя в порядок, однако его слова не задерживались у меня в голове. Я наматывал круги по Москве под безостановочно падавшим снегом, и метель развевала мои длинные волосы и бороду.

В ГУМе я купил себе длиннополое черное пальто, в котором, должно быть, выглядел еще более странно. В нем я стал окончательно похожим на монаха в рясе. Снежный ветер взвевал подол моего пальто на Красной площади, и туристы подходили со мной фотографироваться. Ольга, наверное, очень бы удивилась, увидев меня в таком виде.

Мехмед Измайлович, думал я, Мехмед Измайлович. Значит, если я стану русским, меня будут так называть. Мехмед, сын Измаила. Вовсе не Мухаммед Арсланов.

Так прошла неделя. Утром я выходил из номера, а под вечер, усталый, возвращался в гостиницу, ел суп и безжалостно напивался в баре отеля. С похмелья днем я ходил, словно во сне.

Однако все когда-нибудь кончается – этот период в моей жизни тоже закончился. Как-то раз под вечер я вернулся в гостиницу, и, когда забирал ключ, высокая девушка в синей униформе за стойкой администратора сказала, что мне оставили записку. Она вручила конверт. Дрожащими руками я открыл его: на фирменной бумаге отеля было что-то написано на кириллице. Я показал бумагу девушке, спросил, что это значит.

Ее английский был безупречен.

– О, пожалуйста, простите! – сказала она. – Сообщение поступило по телефону, и моя коллега машинально записала по-русски.

Мне хотелось как можно скорей узнать, что там написано.

– Это адрес, – объяснила девушка, – сейчас я его перепишу вам.

Она взяла другой листик бумаги и стала переписывать записку латиницей. Сначала она написала «L», затем «U», потом «D», потом «M», потом «I»... От каждой новой буквы мое сердце подскакивало как сумасшедшее, мне было трудно дышать. Когда она дописала имя и адрес, я спросил, далеко ли это. Даже если бы это оказалось за Уральским хребтом, я был готов тотчас же отправиться в путь.

– Судя по адресу, – сказала девушка, – место находится на окраине Москвы. Если сесть на такси, то можно доехать за двадцать – двадцать пять минут.

Я немедленно взял такси – одно из стоявших перед отелем, и сунул шоферу в руку бумажку с адресом на кириллице. В конце концов все получилось! Я нашел Людмилу! Но она интересовала меня не как объект мести! Моя душа была полна сладкого волнения».

Девушка лихо опрокинула третью рюмку. «Будь осторожна, запьянеешь, тебе станет плохо», – предупреждал я, но она не слушала. Ее съедало такое любопытство, что она иногда едва не подгоняла меня, чтобы я поскорее рассказал.

– Дом, к которому таксист повез Мехмеда, находился в одном из густонаселенных спальных районов Москвы, – продолжал я. – Наступил вечер, и стемнело.

«Прежде чем я вошел в дом под номером «23», на улице, которую освещали желтые фонари, меня охватила странная робость. Возможно, и Ольга была там. Возможно, всего лишь несколько минут осталось до того момента, как я соединюсь с существом, которое властвует над моими мыслями, душой, разумом, встречу с любовью всей своей жизни.

Пока я поднимался по лестнице, мне казалось, что у меня в груди бьется не сердце, а бомба, которая может взорваться в любой момент.

Я поднялся на третий этаж. Перед дверью квартиры номер «12» остановился и перевел дыхание. Затем прислушался, раздаются ли изнутри звуки. Из других квартир доносился звук телевизора, поэтому я не смог разобрать, разговаривает ли кто-нибудь внутри, и позвонил. В двери был глазок, и я отошел в сторону, чтобы Людмила меня не увидела. Ничего не произошло, дверь никто не открыл. Я позвонил еще раз, и вновь безрезультатно. Только когда я позвонил в третий раз, то услышал какой-то шорох. В четвертый раз я звонить не стал, а принялся ждать.

Через некоторое время дверь открылась, и высунулась женская голова. Правой рукой я зажал ей рот, а левой обнял за талию. Людмила попыталась

отбиться, но я затащил ее внутрь, а дверь за собой захлопнул ногой.

Мы оказались в крошечной прихожей, из которой дверь вела в гостиную. Я затащил ее туда. Мы оказались в комнате, обставленной простой мебелью. Перед окном стоял оранжевый диван, рядом с ним – зеленое кресло. Посреди комнаты я увидел маленький квадратный обеденный столик. Над ним висела безвкусная пластмассовая люстра. Напротив стола была еще одна дверь, она была закрыта. Все это я разглядел в одно мгновение, а затем постепенно ослабил хватку. Только сейчас я заметил, что я зажал ей еще и нос. Она не могла дышать и пыталась вырваться, задыхаясь. Так что я немного ослабил хватку, но не слишком, так, чтобы ей хватило дыхания. «Шшшш, тихо», – прошептал я ей на ухо. Удары ее сердца отдавались у нее на шее. Я подождал какое-то время, пока она не перестанет сопротивляться, а затем заговорил.

– Я сейчас уберу руку от твоего лица, Людмила, но если ты собираешься кричать, сломать тебе шею мне ничего не стоит. Ты поняла меня? Ты хорошо меня поняла?

Она кивнула. Я еще чуть-чуть ослабил хватку. Для дыхания этого было достаточно. Она не стала кричать. Потом ослабил еще немного – она по-прежнему хранила молчание. После этого я окончательно убрал руку от ее рта и развернул ее к себе.

Я видел, что она испугана до смерти. Я тут же представил себя на ее месте – ворвавшийся в квартиру посторонний мужчина, который оказался Мехмедом, словно вернувшимся с того света!

– Здравствуй, Людмила! Ты узнала меня? – спросил я.

Она кивнула.

– Скажи, как меня зовут?

Она молчала. Я сильнее сжал ей плечи, чтобы она произнесла мое имя. Лицо ее сморщилось от боли.

Наконец она прошептала: «Мехмед».

– А как моя фамилия? – вновь спросил я.

– Арслан, – прошептала она.

– То есть меня зовут...

– Мехмед Арслан...

Она глубоко дышала от волнения.

– Нет, – сказал я, – ты ответила неправильно! Меня зовут Мухаммед Арсланов!

Ее глаза расширились от ужаса, она попыталась что-то возразить. И тогда я впервые в своей жизни поднял руку на женщину, изо всех сил ударил ее по лицу. Она упала на пол. Пока она поднималась, я понял, что

совершил большую ошибку, потому что после этого удара ее страх превратился в ярость, а ярость теперь очень быстро станет ненавистью. Если еще минуту назад на моей стороне была справедливость, то сейчас я стал разъяренным преступником, давшим волю своему гневу. Нетрудно было предположить, что такая волевая сильная личность, как Людмила, преодолев страх, тотчас примется обороняться.

Держась за щеку, Людмила поднялась.

– Как ты сейчас похож на Распутина! – произнесла она.

– Послушай, Людмила. Я, не сдержавшись, повел себя грубо, но, поверь, я не собирался мстить тебе. Я просто хотел узнать причину твоего поступка. Если скажешь, то хорошо, не скажешь – не проблема. Моей единственной целью является найти Ольгу.

Она усмехнулась и пробормотала себе под нос:

– До чего странная жизнь!

– Чего же тут странного?

– Тебя почти приговорили к смерти, ты чудом ее избежал, но тебе и дела до этого нет, все твои мысли только об Ольге.

– Да!

– Если я помогу тебе найти ее, ты простишь меня, так ведь?

– Да, клянусь, что прощу! Если хочешь, я встану перед тобой на колени и буду умолять, если хочешь, отдам все деньги, что у меня есть, хочешь – выполню любое твоё желание.

– Значит, ты действительно не собираешься мне мстить?

– Нет, даже в мыслях не было. То, что сейчас произошло, – это срыв, ради бога, прости меня. Если хочешь, ударь меня. Хочешь – два раза, хочешь – три, сколько хочешь, столько и бей. Будем квиты.

Я взял ее за руки и ее ладонями ударил себя по щекам.

– Господи, что за бред! – сказала она. – Ты умоляешь человека, который отправил тебя за решетку и разрушил твою жизнь. И что же заставляет тебя извиняться передо мной? Любовь! Только любовь!

– Да, – тихо произнес я, – пожалуйста, пойми меня, Людмила. Когда я сидел в тюрьме, то специально поранил палец и написал на стене кровью имя Ольги. Но боль от этой раны – ничто по сравнению с сердечной болью. У меня остается лишь одно средство успокоить ее – найти Ольгу. Если я ее не найду, я сойду с ума. Пожалуйста, скажи мне, где Ольга!

– Ты когда-нибудь думал о том, почему я на тебя донесла? – спросила Людмила.

– Я очень долго думал об этом, но причину так и не смог понять. Мы были с тобой друзьями, кроме того, ты получала от меня хорошие деньги.

У тебя не было причины предавать меня.

На ее лице установилось загадочное выражение, отражавшее хитрость и одновременно уверенность в себе. Губы изогнулись в улыбке, одновременно грустной и насмешливой.

– Значит, ты считаешь, мне не из-за чего было на тебя доносить?

– Не понимаю, – ответил я.

– Давай разберемся.

Теперь она окончательно успокоилась.

– Скажи пожалуйста, какое чувство в мире заставляет людей совершать подобные поступки?

Я задумался.

– Не знаю, может быть, ненависть?

– Нет, – ответила она, – у меня не было причин ненавидеть тебя. Подумай еще.

– Может, ты выполняла какое-то задание? – предположил я.

– О господи! – засмеялась она. – Я же говорю о чувстве!

Мне казалось, что передо мной извивается змея. Я понял, что Людмила обрела превосходство надо мной, и был растерян, потому что так себя вести мог только человек, перед которым бесполезно ставить препятствия, ибо им владеет непреодолимая страсть.

Я вдруг начал бояться ее, да, да, именно бояться.

– Хватит задавать мне вопросы, – сказал я. – Со мной, кажется, все ясно. Ты прекрасно знаешь, что привело меня сюда. Разве не ты являешься самым главным свидетелем моей любви к Ольге?

– Так вот, ты говоришь о любви, – заметила она.

– Именно. Я вынужден использовать слово «любовь». Однако этого слова не хватает, чтобы описать все мои чувства, оно слишком скудное.

Она загадочно улыбнулась.

– Так что, никто, кроме тебя, влюбиться не может?

Меня будто обухом по голове ударили.

Она продолжала насмешливо на меня смотреть.

– О господи! – воскликнул я. – Так значит, любовь? Людмила Белинская и любовь? Вещи просто несовместимые. Море и суша, небо и земля.

Сказать по правде, я был потрясен. Эта женщина очень долго скрывала свои чувства. К тому же ей пришлось быть свидетелем нашей с Ольгой страсти, делить с нами самые интимные моменты, говорить о нашей любви своими словами. Как же такое могло произойти? Но если она была в меня влюблена, почему тогда, не дрогнув, отправила в ад? Неужели только ради

того, чтобы разрушить наше с Ольгой счастье? Неужели только из-за ревности к Ольге?

– Но раз уж, раз уж ты была влюблена, то почему тогда... – запинаясь, проговорил я... – Почему послала своего любимого человека в тюрьму?

Она рассмеялась мне в лицо.

– Я с самого начала думала, что ты дурак, но что до такой степени – не предполагала. Так ты что, решил, что я в тебя влюбилась? Это единственный вывод, который ты смог сделать? Чертов самовлюбленный эгоист!

– Но ведь ты говоришь о любви!

– Да, – кивнула она, – а я и не отрицаю. Да, я очень люблю, очень. А кто тебе сказал, что тебя?

– А тогда кого же?

Как только я спросил это, почувствовал, что меня словно ужалила гадюка. Спасти было невозможно! Змея ужалила, и яд быстро распространялся.

– Неужели!.. – я боялся словами выразить то, что мелькнуло у меня в голове.

– Конечно, – сияла Людмила.

– Что значит – конечно?

– То, о чем ты думаешь.

– О чем же я думаю?

– Ты сам все знаешь.

Я покачнулся. Мне пришлось сесть на оранжевый диван. Я расстегнул пуговицу на воротнике рубашки, с меня градом лил пот. Людмила дала мне стакан воды, я выпил.

– Что происходит? Я перестал что-либо понимать, в голове туман. Просто расскажи мне все, как есть. Что происходит?

– Ты все никак не можешь с этим смириться? Но ведь ситуация простая, – сказала Людмила. – Мы оба влюбились в одного и того же человека.

– То есть в Ольгу?

– Да!

– В тот самый день, когда я увидел ее на рынке, ты сказала, что с ней незнакома! Ты врала мне, играла со мной?

– Нет, я действительно ее не знала. Мы на самом деле вместе с тобой ее искали, нашли, все это была правда. Поначалу мне даже нравились ваши отношения, тем более я получала от тебя приличные деньги. Мы были симпатичным треугольником.

– А что потом-то случилось?

– А потом... Потом меня начала очаровывать Ольгина красота, и в какой-то момент, сама того не замечая, я начала представлять себя на твоём месте. Я переводила твои слова о любви, и мне казалось, что это я их произношу. Язык – странная вещь, на родном языке слова значат гораздо больше. Когда ты говорил «ай лав ю», я произносила «я тебя люблю», и это означало очень многое. В этих словах была, возможно, история России, все пережитые безответные любви, трагедии, стихи. Какое-то время я была просто переводчицей, которая переводила твои слова. А потом слова стали моими. Я осмелела – вскоре я стала говорить Ольге о любви от своего имени. Я читала ей строки из Есенина и Пушкина. Я подбирала самые красивые, самые проникновенные слова. Ты прекрасно знаешь, какое воздействие оказывает Ольга на человека: именно так ее красота подействовала на меня – я потеряла голову, я поняла, что не могу жить без нее. В скором времени я начала безумно ревновать ее к тебе. А уж когда ты заговорил о своих намерениях увезти Ольгу в Стамбул, я чуть с ума не сошла. Я бы никогда не смогла ее потерять. Я жить без нее не могла. Не мерь по себе, потому что ты не знаешь – может быть, я испытывала чувства гораздо сильнее твоих.

Я готов был потерять сознание и попросил ее дать мне выпить. Она принесла бутылку «Столичной», и я начал пить ее из горла. Потом из горла выпила Людмила. Мы сидели рядом, словно подельники в каком-то страшном постыдном преступлении, и пытались успокоиться водкой, передавая бутылку друг другу.

– В общем, ты лесбиянка, – задумчиво произнес я.

– Помнишь, той ночью, в минском отеле, когда вы остались с ней вдвоем, у нее случилась истерика? Помнишь? – спросила Людмила.

– Что она тогда говорила?

– Она говорила, что считает неправильным начинать с тобой отношения, она считала необходимым с самого начала рассказать тебе правду.

– И что это за правда?

Людмила положила мне руку на плечо и внимательным долгим взглядом посмотрела мне в глаза.

– У Ольги психическое заболевание, доставшееся ей от матери. Она верит, что иногда не принадлежит этому миру и становится посланником другого.

Я молчал.

– Она входит в транс, – продолжала Людмила. – Говорит, что видит

вокруг себя ангелов, что может разговаривать с ними. После того как состояние транса проходит, на нее наваливается жуткая депрессия. Тебе, в общем, знакомы эти ее состояния.

– Да, но я объяснял ее поведение тем, что она переживает из-за болезни отца. А потом – его смерть.

– Это не так. Ольга больна. Болезнь ее прогрессирует. Ее мать умерла в сумасшедшем доме. У самой Ольги осталось немного времени. Довольно скоро ее придется поместить в психиатрическую клинику. В вашу первую ночь Ольга пыталась предупредить тебя, что вам не следует быть вместе. Она говорила, что не хочет сделать тебя несчастным.

– Но ты ничего не перевела...

– Нет!

– Ты не перевела и то, что она говорила потом! Почему?

– Потому что я зарабатывала хорошие деньги на ваших отношениях, ты платил мне половину моей зарплаты, к тому же я вместе с вами развлекалась. До того самого момента...

– До какого момента?

Бессердечная Людмила внезапно заплакала.

– До того момента, когда я в нее влюбилась! Все произошло внезапно. Любовь поразила меня, как молния, я поняла, что не могу жить без нее, я сходила с ума, когда не могла видеть ее. Я испытывала счастье уже от того, что мы в одной комнате и дышим одним воздухом. По ночам ее лицо стояло передо мной. Обнять ее, защитить от зла этого мира, не позволить никому замарать ее чистую и ранимую душу – все это стало целью моей жизни. Могу сказать тебе, что испытываю к ней бесконечную нежность. Бесконечную и бескрайнюю, как океан, нежность, которая сжигает меня, которая испепеляет меня... Нежность, которую никогда не поймет ни один мужчина. Нежность, гораздо более сильную, нежели ту, что мать испытывает к своему младенцу. Это чувство гораздо больше любви; это потребность двух рек слиться, потребность раствориться друг в друге. Поэтому мне надо было тебя убрать. Поездка в Сочи дала мне такую возможность. Прости, не хотела причинить тебе зла, никогда не хотела. Я была вынуждена так поступить, пойми. Потому что Ольгу я ни с кем не могу делить.

Людмила замолчала. Мы допили бутылку до дна.

– Надеюсь, ты не будешь объяснять мое влечение к Ольге примитивными физическими желаниями, – вздохнула она.

Мне бы и в голову такое не пришло. Людмила рассказывала о духовной, платонической любви к Ольге. Причем здесь физические

отношения?

– Я начинаю тебя понимать, – ответил я. – Сначала я был в шоке от твоих слов, но теперь вижу, что тебя на самом деле охватила страсть. Я уже говорил тебе, что готов забыть зло, которое ты мне причинила. Мое единственное желание – забрать Ольгу и уехать. Скажи мне: где она сейчас?

Людмила откинулась на спинку дивана. Закончилось изливание души, которое рождало сочувствие.

– Ты этого никогда не узнаешь, – прошипела Людмила. – А кроме того, за прошедшее время все очень изменилось. Болезнь прогрессирует, Ольге нужна нежность и забота.

– Я буду с ней нежен и заботлив.

– Ни один мужчина не способен на нежность.

– Умоляю тебя, скажи, где она!

– Ни за что. Ольга теперь не может без меня жить. Да и я погибну без нее. Скоро я помещу ее в хорошую психиатрическую клинику. Я не брошу ее одну, буду рядом с ней до ее последнего вздоха.

Тут я понял, что Ольга ускользает из моих рук. Я умолял, угрожал, упрашивал – ничего не помогало. Кровь ударила мне в голову. Я схватил Людмилу за горло, повалил ее на пол и начал душить.

Несколько минут я сжимал ладони и ослаблял хватку: «Ну что, скажешь, наконец?» Она посинела. Я понял, что она сейчас умрет и я окончательно потеряю надежду найти Ольгу. Эта мысль лишила меня разума. Не обращая внимания на то, что все могут услышать соседи, я принялся кричать: «Говори, где она, говори!!!» Людмила хрипела. Я увидел, что глаза ее закатились, но не мог остановиться. Мысль о том, что Ольга может остаться с ней навсегда, так бесила меня, что я не мог выпустить Людмилу живой. Мне показалось, что тонкие кости ее горла уже хрустнули, но продолжал с силой сжимать шею.

В последний момент раздался голос, который меня остановил. Я похолодел и застыл, руки сами собой разжались, силы покинули меня, и я стал беспомощным, как младенец. Потому что понял, – у меня за спиной Ольга. Я повернулся и увидел ее. Она стояла на пороге комнаты, выходящей в гостиную, и смотрела на меня. Она была во всем белом, золотые волосы распущены. Она не была похожа на человека; она напоминала бледное привидение. На лице читалась ярость, но странная ярость: она будто мыслями была не здесь.

Бросив Людмилу, я на коленях придвинулся к ней, обнял ее за ноги. Она не двигалась. Я слышал, как Людмила откашливается, пытается

дышать, но стоял на коленях, закрыв глаза, изо всех сил прижавшись к Ольге.

Она заставила меня встать, усадила на диван. Я заметил, что она будто меня не видит. Я взял ее в руки и повернул к себе. «Ольга! – сказал я. – Ольга! Это я, Мехмед. Я пришел к тебе, я пришел за тобой!».

Но Ольга меня не слышала. Она действительно была в другом мире. Она не была уже прежней Ольгой. Время изменило ее. Она не узнавала меня. Она медленно направилась к Людмиле. Села на пол рядом с ней, обняла за голову и начала гладить по лицу. Людмила все еще задыхалась, из ее глаз текли слезы, а по шее разливался огромный синяк, но она смотрела на Ольгу с огромной любовью, нежностью, восхищением – так смотрят на святыню. Было видно: она боготворит ее. Ольга вытащила из рукава белый кружевной платок и вытирала Людмиле слезы. Она гладила ее и пыталась успокоить, а потом, наклонившись, слегка поцеловала в губы. Людмила благодарно улыбнулась. Они обо мне совершенно забыли.

Я был словно во сне. Я встал и направился к выходу. Тихонько закрыл дверь за собой и спустился по лестнице. На улице с неба беззвучно падали мягкие хлопья снега. Пока я шел, не разбирая дороги, хлопья падали мне на плечи. Через какое-то время я заметил машину у обочины. Кажется, не такси, но я достал из кармана деньги и, запинаясь, произнес: «Отель «Международная». Водитель повез меня.

В баре я взял бутылку водки, выпил ее, не успев даже дыхание перевести. Потом вновь отправился на улицу. Я все шел и шел, а на меня падали и падали ватные хлопья снега.

Потом я внезапно оказался на какой-то площади. На площади стоял храм с золотыми куполами. За спиной послышался топот копыт. Звон подков эхом разлетался на площади. По звуку лошадей было несколько, и шли они небыстро. Я обернулся. Лошадей было две – одна черная, другая белая. Две огромные лошади, которые шли прямо на меня. На лошадях сидели две маленькие девочки в жокейских сапогах, костюмах и шапочках. Они ловко держались в седлах, сжимая хлысты и умело управляя огромными лошадьми. Эта неожиданная картина поразила меня. Девочки напоминали ангелов. Я направился к ним. Я подошел совсем близко и протянул было руку, чтобы погладить лошадей, но тут обе лошади стали расти, расти, закрыли собой весь мир, закрыли собой даже купола церкви... А в это время одна из девочек запела...»

Прикосновение и разлука

За окном было так тихо, что, казалось, жизнь остановилась. Не было слышно даже Кербероса. Тишина стояла над бескрайним Черным морем – в глубинах его молчали осьминоги, мидии, рыбы, моллюски. Не было слышно ни моторов машин, ни кошачьего мяуканья. Хранили молчание даже муэззины на минаретах. Молчала лежавшая в могиле Арзу, молчал супруг Хатидже-ханым в кофейне, молчала дорога до городка. Весь мир молчал и слушал историю моего брата.

И я молчал. Сидела молча и девчонка. Какое-то странное напряжение установилось между нами. Отчего-то мне стало жутко стыдно, будто я совершил нечто недостойное, открыв тайну брата. Девушка нахмурила брови, уставившись на пустую рюмку. Ее нижняя губа была выпячена. Она явно о чем-то думала. Мне даже показалось, что она дрожит.

Прошло какое-то время, затем журналистка протянула рюмку и сказала:

– Налейте еще.

Я налил ей и себе. Мы тут же выпили до дна.

– Вы ведь говорили, что эту водку привез Мехмед, правда? – спросила она.

– Да, именно он.

– Как странно.

Я спросил, что же в этом странного.

– Конкретная материальная вещь от абстрактного сказочного героя. Мне эта бутылка напоминает нечто вроде подарка с иного света. Его руки касались этой бутылки. Вам следовало вчера ночью меня разбудить. Я бы хотела хоть краем глаза повидать человека, который пережил такой ад.

– Может быть, увидите его в следующий свой приезд, – предположил я.

Но она решительно отмахнулась:

– Ну уж нет. Никакого следующего приезда не будет. Завтра утром я уеду, и мы больше никогда не увидимся. У вас, двоих братьев, жизнь, конечно, очень интересная, но у меня есть своя, пусть, конечно, не такая яркая и романтическая.

От водки у нее слегка заплетался язык, однако это не мешало ее решительности.

– Знаешь, – задумчиво сказал я, – лошади и маленькие девочки, которых Мехмед видел на площади, вовсе не были его фантазией.

– То есть? – удивилась она.

– Когда Советский Союз развалился, государство перестало поддерживать многие организации, в том числе школы верховой езды. Дети, которые учились в этих школах, по вечерам ездили по Москве, собирая с горожан деньги на пропитание лошадей. Короче говоря, лошадей Мехмед видел самых настоящих. Но когда он в своем страшном обличье подошел к ним, одна из лошадей испугалась и встала на дыбы. Мехмед получил удар по голове. То, что показалось ему песней, было на самом деле криком девочек. Приехала полиция, и Мехмеда забрали в больницу.

– Вы, конечно, ничего об этом не знали.

– Разумеется, не знал. Я ждал его приезда и время от времени звонил Динчу, спрашивал, как у Мехмеда дела. В один прекрасный день мне сказали, что Мехмед опять пропал. Сказали, что он уже несколько дней не показывался в отеле. Динч перепугался, пустился на поиски, но на сей раз моего брата быстро нашли, потому что при нем был паспорт и он попал в полицейские сводки.

– Что значит – «при нем был паспорт»? Он что, сам не мог рассказать, что с ним случилось?

– Потерпи немного, сейчас ты все поймешь. Через два дня после этого случая с лошадьми я прилетел в Москву и увидел Мехмеда в больнице. По словам лечащего врача, у моего брата было сотрясение мозга – но ничего опасного. Копыто задело по касательной, череп не пострадал, правда, Мехмед немножко был не в себе, однако врачи надеялись, что через неделю все пройдет.

Глаза девчонки начали закрываться от усталости и от водки, к которой она была непривычной. Но на этот раз она так сильно сопротивлялась сну, что у меня не было иного выхода, кроме как закончить рассказ.

– Ту неделю я провел у постели Мехмеда. Сидел у его изголовья и все время с ним разговаривал. Я говорил с ним об автокатастрофе, так изменившей нашу жизнь, о родителях, о школьных годах в Анкаре, о Николе Тесле, о бабушке и дедушке, короче говоря, обо всем, что могло бы ему быть интересным. И только Ольги не было в моих разговорах. Я не хотел рисковать, чтобы не навредить. Он иногда принимался бормотать, а я пытался разобрать смысл его обрывочных фраз. Он произносил очень странные слова, говорил что-то про разбежавшихся синих зайцев.

Девчонка на мгновение задремала и от этого выронила рюмку. Она тут же широко открыла глаза и издала изумленное «Ой!». Я сказал, чтобы она

ложились спать, история, в общем, закончилась. Она с трудом встала и направилась к лестнице.

– Так, а что с Мехмедом? – только и смогла выговорить она.

– Он поправился. Через неделю вышел из больницы, ну, а что было потом – ты знаешь. Спокойной ночи.

Я вернулся к себе в спальню. По идее, я должен был погрузиться в глубокий сон, но этого не произошло. Сон не шел. Не сознавая, что я делаю, я встал и вышел из комнаты.

Дверь в комнату девчонки была приоткрыта, и я проник туда, как привидение. Не отдавая отчета в своих поступках, я лег рядом с гостьей. Она спала крепким сном на правом боку. Колени были поджаты, она тихо дышала.

Я тоже повернулся на правый бок, но к ней не прикасался. Ее волосы разметались по подушке. Я лежал какое-то время. Я не знал, почему так поступаю. Однако мне очень нравилось чувствовать исходящее от девушки тепло и вдыхать аромат ее волос.

Как я дошел до такого состояния? Может быть, я влюбился в эту девушку, как мне и сказал Мехмед? Да нет же, этого не могло быть, дело было не в этом. Я вообще не способен на подобное чувство. Разве я не закрыл себя для любви, прекрасно сознавая, какие она таит опасности? Разве любовь не является прогулкой по краю пропасти с завязанными глазами? Разве любовь к какому-то человеку не сродни походу по тонкому льду недавно замерзшего озера, который неизвестно когда и где проломится? Разве произошедшее с Мехмедом не стало для меня важным уроком, который я никогда не забуду? Возможно, нынешняя ситуация имела отношение к так называемому физиологическому влечению? Но и этого быть не могло.

Девушка не двигалась. Ее левое плечо, освещенное фонарным светом, сияло белизной, будто покрытое снегом. Я подумал о том, что произошло с тех пор, как она позвонила в мою дверь. Я вновь и вновь размышлял об Арзу, лежавшей неподалеку от нас в земле, о сидевшей в тюрьме Светлане, о страдавшем от потери супруги Али, о Мехмеде. Завтра девушка уедет, и я вернусь к своей обычной спокойной жизни. Но сегодня, этой ночью я хочу наслаждаться запахом ее молодости.

Если бы она проснулась, кто знает, как бы она разозлилась, как бы кричала, как бы хмурилась, с каким бы укором смотрела на меня. Так что мне через некоторое время следовало тихонько встать и уйти к себе. Все должно будет закончиться именно так.

Неожиданно гостья повернулась на левый бок. Должно быть, она что-

то почувствовала, потому что пробормотала: «Любимммый!» Она прикоснулась своими губами к моим губам. Сначала я решил, что она проснулась, но нет, девушка очень крепко спала. Она не сознавала, что делает.

Что же это было? Воспоминание о бывшем возлюбленном. Тоска по настоящему возлюбленному, которого она привыкла обнимать каждую ночь? А может быть, просто фантазия? У меня не было возможности узнать правду, но самым странным было то, что от тепла ее губ, которое я ощутил на своих губах, я почувствовал только покой и нежность. Прикосновение стало тем счастьем, которым женщина может одарить мужчину.

В тот момент я заметил, что плачу. Да, да, из моих глаз текли слезы. Тепло ее губ растворило лед, который годами копился в моем сердце.

В ту минуту по темному небу пролетела упавшая звезда. Она осветила все, каждую темную точку, каждый скрытый изгиб жизни, каждый темный ее угол, где прежде не было света, сердце, почерневшее, словно непроглядная ночь... И я все вспомнил.

Эти губы вернули все назад. Эти губы пробудили меня от крепкого сна, от которого я, словно в сказке, не должен был проснуться. Но эти же губы стали моим палачом.

Верно, можно жить, забыв обо всем, но жить, вспомнив обо всем, невозможно. Я встал с кровати и вернулся к себе в спальню. Там я сел в кресло и задумался. Поначалу все казалось просто интересной игрой. Поначалу мне нравилось играть с девчонкой, удивлять ее, наблюдать за ее реакцией. Но внезапно мы оба оказались в «Тысяче и одной ночи». В какой-то момент господин и его рабыня поменялись ролями, и произошло это не от моей силы, а от моего бессилия. Вода пробила скалу, подснежник пророс сквозь землю, изящество победило грубость, женственность провозгласила победу над мужественностью. В конце концов губы этой спящей красавицы стали самым большим моим счастьем и самой большой моей катастрофой. Улыбка Ольги, царившая на ее лице, прежде чем она впадала в транс, мелодия «Via Con Me», шрам на моем указательном пальце, вставшая на дыбы лошадь, заслонившая собой небо, понятные мне слова, непонятные мне слова, снег, покрывающий землю, словно одеяло... Все эти видения появлялись в такт ударам моего сердца, словно желавшего вернуть потерянные годы.

Красные отблески зари застали Шехерезаду, которая закончила свою последнюю историю, которая договорила все слова, но опустошила свое сердце, в старом кресле. Я сидел, не шевелясь. Запели петухи. Они пели не так, как механический петух в вестибюле московской гостиницы. Они пели

так, будто плакали о разлуке.

Когда солнце только-только встало, в комнате гости раздался шорох. Девчонка проснулась. Очевидно, она собиралась, стараясь меня не беспокоить. Через мгновение она уйдет из моей жизни, и я больше никогда ее не увижу.

И она ушла!

Письмо

Уважаемый господин прокурор,

Когда я писал этот дневник, который в итоге составил 315 страниц, я и предположить не мог, что в один прекрасный день читать его будете Вы. Однако в сложившейся ситуации я понимаю, что Ваше чтение неизбежно и необходимо. Дело в том, что для раскрытия нынешнего сложного и запутанного преступления Вам потребуются именно мои записки. Прежде всего мне бы хотелось принести извинения за негативные высказывания в адрес Вашей благородной личности, которые встретятся Вам на некоторых страницах дневника. Прошу Вас поверить, что эти чувства связаны не с Вами лично, а с моим общим отношением к миру, с безразличием к нему и со стремлением от него отдалиться, а еще они являются результатом некоторых чувств, которые я тогда испытывал, но которые не мог назвать. (Позвольте мне тем не менее заметить, что песня «Ты перестал приходить», что играет в Вашем телефоне, никак не ассоциируется у меня с важной работой прокурора и серьезным судейством. Надеюсь, что те выходные прошли у Вас прекрасно в кругу семьи и друзей и Вы весело провели время.) Прежде чем покинуть этот мир по собственной воле, я хочу преподнести Вам в подарок – Вы, возможно, решите, что это подарок с того света – свой дневник и это письмо, с единственной целью скрасить те обидные слова, которые в дневнике посвящены Вам и на исправление которых мне не хватило времени и сил. Этот подарок связан с убийством Арзу Кахраман, для раскрытия которого Вы потратили немало времени и сил и в совершении которого Вы даже одно время подозревали меня.

Светлана Курумова, которая в настоящий момент содержится в тюрьме и которая обвиняется в совершении данного преступления, совершенно невиновна, уважаемый господин прокурор. Я понял это после долгих и тщательных размышлений, а также после того, как обнаружил в будке моего дворового пса Кербероса золотое украшение. Как Вы помните, я осмелился в очередной раз побеспокоить Вас своим визитом, во

время которого попросил показать мне снимки, выполненные на месте преступления. Целью моего визита было понять, было ли на шее у Арзу то украшение после убийства, которое все видели на ней во время приема. В результате проведенных мной изысканий удалось установить, что золотая цепочка с подвеской в виде птицы на замочке, которая была на Арзу весь вечер перед убийством, отсутствует на фотографиях, сделанных после убийства. Таким образом, становится понятно, что украшение, обнаруженное мной в будке моего пса, принадлежало Арзу, была похищено убийцей и, скорее всего, зарыто у меня во дворе.

Уважаемый господин прокурор!

На прощание я хочу предложить вам небольшую литературную головоломку, в которой зашифровано имя убийцы. Письмо, которое вы держите в руках, является ключом к этой головоломке и содержит шифр, который скрывает имя убийцы.

1. Последняя буква последнего слова первой главы.
2. Первая буква первого слова третьей главы.
3. Первая буква первого слова четвертой главы.
4. Последняя буква третьего слова шестой главы.
5. Последняя буква последнего слова седьмой главы.

(Уважаемый господин прокурор, полагаю, Вы уже догадались, о ком идет речь, но с Вашего позволения, я продолжу.)

6. Третья буква третьего слова восьмой главы.
7. Третья буква третьего слова девятой главы.
8. Седьмая буква с начала тринадцатой главы.

Уважаемый господин прокурор, я надеюсь, что мое письмо не вызовет у Вас неприятных чувств. Пожалуйста, не принимайте всерьез мою критику относительно Вашей манеры завязывать галстук. Надеюсь, информация, которая содержится в этом письме, позволит Вам извинить мои глупые шутки. Тем не менее я советую Вам вязать не односторонний узел на галстуке, а на более узкой части галстука двусторонний. Тогда галстук не будет съезжать на сторону. Я прошу Вас принять мой совет как совет инженера, который во всем ищет совершенство.

За сим выражаю свое почтение.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
ОТДЕЛ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ
Г. ЧАТАЛДЖА
Дело № 2011/1007
Постановление № 2011/128

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ**

ИСТЕЦ: Публичное право.

ПОГИБШИЙ-ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ: Мехмед Арслан, сын Исмаила и Хайрие, дата рождения 14.08.1953, место рождения – область Стамбул, округ Фатих, квартал Авджибей, о чем в книге актов гражданского состояния сделана запись: том 0007, семейная запись 00680, строка 0009; постоянно проживающий в Чаталдже.

СОВЕРШЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: подстрекательство к самоубийству и проживание под чужим именем.

ДАТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: 26.06.2011 и ранее.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: область Стамбул, округ Чаталджа, город Бинкылыч, деревня Ялыкёй (старое название Подима), квартал Эски Джамии, строение 14.

ПРОВЕДЕНО РАССЛЕДОВАНИЕ:

В указанную дату в Управление жандармерии поступил сигнал, что по адресу г. Бинкылыч, деревня Ялыкёй (прежнее название Подима), квартал Эски Джамии, дом 14 было обнаружено тело мужчины; на данный адрес была направлена дежурная группа, которая обнаружила, что в подвальном помещении указанного дома, внутри прибора неизвестного предназначения, находится труп мужчины примерно 50–60 лет; о происшествии было доложено в районное управление республиканской прокуратуры, которая сразу же направила на место происшествия единственного практикующего врача в деревне Ялыкёй, доктора Абдуллаха Саглама, который при первом же осмотре подтвердил смерть указанного лица. На место происшествия сразу же

прибыли следователи районного отделения республиканской прокуратуры, Низаметтин Тоган и Али Хайдар Тыглы. На месте происшествия были проведены необходимые следственные действия с целью установления обстоятельств смерти указанного лица, был составлен план места происшествия, сделаны фотографии, а затем труп был направлен в морг районной больницы с целью установления обстоятельств смерти. В больнице было принято решение о вскрытии, для чего тело было направлено в Стамбульский центр судебной медицины.

В результате расследования было установлено, что тело обнаружила 48-летняя Хатидже Денмез, дочь Хайруллаха, постоянно проживающая в той же деревне и служившая домработницей в доме погибшего. В рамках первого допроса Хатидже Денмез сообщила, что погибший является Ахмедом Арсланом, который после выхода на пенсию поселился в Ялыкёй, что прекрасно известно всей деревне, а лично она очень хорошо знала погибшего, поскольку три раза в неделю убирала в указанном доме. Она сообщила, что в день происшествия она пришла в дом примерно в девять часов утра, открыла дверь собственным ключом, вошла, как обычно, начала уборку, поняла, что в первой комнате справа от входа на первом этаже ночевал какой-то гость, что она знает этого гостя как «девчонку-журналистку», которая к моменту ее прихода уже ушла; что она предполагает, что указанная девушка, имя которой ей неизвестно, действительно является стамбульской журналисткой; что затем она, как всегда, приготовила завтрак, и, когда Ахмед-бей не откликнулся на ее настойчивое приглашение, поднялась в его спальню, но там его не обнаружила, равно как не обнаружила и в других комнатах, и решила, что Ахмед-бей нет дома, что, возможно, он вышел вместе с журналисткой; однако, когда впоследствии она зашла для уборки во вторую комнату на первом этаже, то увидела, что погибший лежит неподвижно внутри того прибора, который ей всегда казался странной кушеткой; она окликнула его несколько раз, не получив ответа, подошла к нему и лишь тогда заметила, что он не дышит, а когда дотронулась до его лба, заметила, что он холодный, испугалась, вышла из комнаты и по домашнему телефону позвонила в полицию.

Вдобавок к сведениям Хатидже Денмез, доктор Абдуллах Саглам и полицейские из районного отделения также

засвидетельствовали, что погибший является бывшим инженером, а ныне пребывающим на пенсии Ахмедом Арсланом, а кроме того, было установлено, что погибшего вызывали на допрос к главному прокурору районного управления республиканской прокуратуры в Чаталджа, Низаметтину Тогану, для дачи показаний по убийству госпожи Арзу Кахраман, произошедшему ранее в Ялыкёе, по постановлению прокурора у суда был затребован арест Ахмеда Арслана, под который он был помещен. Это подтвердил и сам главный прокурор, и его секретарь. В свете всего вышеуказанного было составлено заключение о смерти погибшего, о чем было направлено извещение в стамбульское управление регистрации актов гражданского состояния, по месту регистрации погибшего.

Однако с этого момента появилась необходимость более глубокого расследования относительно личности погибшего. Стамбульское управление регистрации актов гражданского состояния направило ответ, адресованный в наше районное управление республиканской прокуратуры, в котором сообщалось, что Ахмед Арслан, сын Исмаила Арслана и Хайрие Арслан, погиб в результате автокатастрофы на трассе Стамбул – Анкара в районе деревни Кайнашлы вместе со своими родителями. Единственным, кто спасся в той катастрофе, был второй сын четы Арслан, брат-близнец Ахмеда, Мехмед Арслан. Ребенок по имени Ахмед Арслан похоронен на стамбульском кладбище Зинджирликую, участок № 3, 308 ряд, могила № 113.

Вследствие этого было выяснено, что Ахмед Арслан вводил в заблуждение государственные органы относительно своей личности. На основании этого районное управление республиканской прокуратуры инициировало полное расследование с целью установления истинной личности погибшего, для чего были опрошены многочисленные свидетели, а также в Управлении по делам записи актов гражданского состояния была затребована дополнительная информация.

По этой причине представители районного управления республиканской прокуратуры внимательно ознакомились с записками, написанными рукой погибшего на листах формата А4, числом всего 315 страниц, которые были обнаружены около трупа, и направили эти записки в Стамбульское управление судебной экспертизы для дальнейшего расследования.

Кроме того, помимо пачки записей, оставленной погибшим и подозреваемым, в руки следователей попало письмо, адресованное в районное управление республиканской прокуратуры. Это письмо подтвердило подозрения, вызванные необычным поведением погибшего и подозреваемого, которое тот продемонстрировал во время вызова на допрос по убийству Арзу Кахраман.

После прочтения письма были дополнительно изучены фотографии, снятые накануне убийства Арзу Кахраман, и было установлено, что золотое украшение, о котором говорится в письме погибшего, на самом деле было снято с шеи убитой во время убийства или сразу после него. Это украшение, которое в деле Арзу Кахраман является вещественным доказательством № 3, было найдено в конверте с вышеуказанным письмом, рядом с телом погибшего, и для дальнейшей экспертизы, в частности, для определения отпечатков пальцев, было отправлено в Стамбульское управление судебной экспертизы.

В это время были получены окончательные ответы из Стамбульского управления медицинской экспертизы и Стамбульского управления регистрации актов гражданского состояния относительно окончательного определения личности погибшего. Согласно полученной информации, погибшим являлся Мехмед Арслан, который в собственном воображении оживил своего брата-близнеца Ахмеда Арслана, скончавшегося в десятилетнем возрасте.

Согласно подробным рапортам, предоставленным по запросам нашей прокуратуры в различные государственные органы, были получены следующие сведения, связанные с личностью погибшего подозреваемого. Мехмед Арслан, переживший в 1963 году тяжелую физическую и психическую травму от потери семьи, в частности брата-близнеца, был вынужден продолжать жить, смирившись с реальностью. Под собственным именем он поступил в Ближневосточный технический университет на факультет строительного инженерного дела и успешно закончил его, а впоследствии работал в турецкой строительной компании в белорусском городе Борисов. Согласно справке, которая поступила от турецкой строительной компании Enka, Мехмед Арслан некоторое время работал у них в офисе, однако уволился после некоторых

неприятностей на личной почве; что касается его брата-близнеца по имени Ахмед, то в архивах компании данное имя не зафиксировано.

Кроме того, был получен отчет из отделения психиатрии при медицинском факультете Стамбульского университета; согласно этому отчету, Мехмед Арслан получил еще одну тяжелейшую психологическую травму из-за несчастной любви, пережитой в Борисове, и из-за того, что он по ошибке был арестован и провел восемнадцать месяцев в тюремном заключении в Чечне, а после заключения пережил еще один шок, окончательно потеряв любимую женщину; эта травма соединилась с физической, полученной в результате удара лошади на одной из площадей Москвы, и все это соединилось с детской травмой, которая жила в его подсознании, породив аномальное состояние мозга, которое называется в медицине *аффективное уплощение*. Данное явление выражается в том, что больной продолжает вести обычный образ жизни, в его сознании не происходит изменений, однако у него пропадает способность к некоторым чувствам, иными словами, больной утрачивает способность к тому, что свойственно каждому человеку, – ему неведомы эгоизм, дружеские чувства, любовь, ненависть, ревность, гнев, раскаяние. Следовательно, мозгу больного свойственно полностью блокировать эти чувства, чтобы защитить себя от различных негативных проявлений в жизни и возможных стрессовых ситуаций. Больной может размышлять, понимать, испытывать физическое наслаждение, однако с точки зрения чувств он ничего не ощущает. В деле погибшего подозреваемого Мехмеда Арслана также имеет место его фобия к прикосновениям. Предположительно это также связано с психологической травмой, нанесенной несчастной любовью. Как следует из его записок, последние дни своей жизни он провел с неизвестной журналисткой, имя которой ни разу не упоминается, что означает, что женщин, весь женский род он воспринимал как некий анонимный символ. Предположительно, это самый важный фактор сильного психического отклонения, также вызванного упомянутой психологической травмой. К этому добавляются вторичные симптомы, упомянутые в дневнике Мехмеда Арслана, среди которых способность разговаривать с животными и видения, которые преследовали погибшего между сном и явью, то есть в измененном состоянии.

Самая примечательная деталь этого запутанного дела заключается в том, что после горьких событий, пережитых в России, он, отказываясь воспринимать реальность, представил себя своим умершим братом Ахмедом Арсланом и создал своего рода перенос всех пережитых несчастий на своего брата Мехмеда Арслана. Таким образом, его сознанию казалось, что все эти несчастия произошли не с ним, а с его братом-близнецом. Любопытным здесь является тот момент, что попытка представить себя на месте умершего брата не вызвала в нем горьких воспоминаний, а лишь помогла абстрагироваться от собственной личности. В результате мы имеем то, что погибший является Мехмедом Арсланом, а Ахмеда Арслана, который погиб в 1963 году, в данный момент не существует.

Машина для объятий, которая привела к смерти подозреваемого и которая в его записках упоминается как «Любимая», была создана самостоятельно, благодаря инженерным способностям погибшего; подобные машины существуют в мире для лечения аутистов или тех, кто страдает фобией прикосновений; эти машины используются для расслабления и успокоения и называются в медицине «обнимательные машины». Этот прибор был изобретен в 1965 году женщиной-врачом из США по имени Темпл Грандин. Обнимательная машина, сконструированная Мехмедом Арсланом (см. Приложение 1), является редкой моделью этого рода. Эта машина вызывает у больного чувство успокоения, и до сих пор неизвестно ни одного случая, когда бы такая машина привела к смерти из-за чрезмерного давления. Очевидно, эту опцию специальным образом добавил погибший Мехмед Арслан, будучи инженером.

После того как личность погибшего была окончательно установлена, прокуратурой был затребован отчет о вскрытии, объясняющий причину смерти (см. Приложение 2). Согласно отчету Управления медицинской экспертизы, лицо покойного в крови; вокруг левого глаза и на скуле синяк размером 10×10 см и отек; во фронтальной области имеет место экхимоз, который уклоняется на 45 градусов к правой стороне, постепенно увеличиваясь в области грудной клетки; мануальный осмотр показал, что имеет место перелом шейной кости, в результате чрезмерного давления полностью сломаны ребра, что вызвало

повреждение легких; в результате трепанации черепа не было обнаружено никаких патологий, кости черепа в норме; вскрытие грудной клетки и области живота показало, что все реберные кости сломаны и нанесли глубокие повреждения обоим легким, шейные позвонки разможены, в левой части груди обширное кровоизлияние и разрыв левой сонной артерии; на спине и в районе поясничной зоны, а также на задней поверхности ног образовались глубокие гематомы; осмотр места происшествия продемонстрировал, что степень воздействия прибора не оставляла шансов выжить; таким образом, можно заключить, что смерть наступила в результате чрезмерного давления на левую шейную артерию и разможения ребер, что привело к блокаде дыхания и сообщения жизненно важных органов.

Наше отделение республиканской прокуратуры провело всестороннее и полное расследование с целью установить, является ли данное происшествие убийством или несчастным случаем. В результате подробных показаний Хатидже Донмез, сообщившей о происшествии, доктора Абдуллаха и соседа погибшего, владельца бакалейной лавки Тевфика Акара, «девчонка-журналистка», которая фигурирует в дневнике погибшего, существует и фактически провела много дней в доме погибшего-подозреваемого, однако покинула указанный дом незадолго до наступления смерти Арслана.

В результате проведенного расследования личность журналистки удалось установить. Это оказалась Пелин Сойсал, 11.09.1991 г. р., место рождения г. Стамбул, по профессии журналист. Она была вызвана на допрос в районное отделение республиканской прокуратуры. Ей вручили дневник погибшего и попросили прочитать его, а затем спросили, соответствует ли действительности все написанное.

Пелин Сойсал, упомянутая в дневнике погибшего как «девчонка-журналистка», подтвердила, что все написанное в дневнике является правдой, а кроме того, охарактеризовала погибшего-подозреваемого словами: «Он был самым странным человеком из всех, встретившихся мне в жизни»; сказала, что не имеет представления о том, лежал ли он рядом с ней последней ночью или нет, но лично ей он вреда никакого не причинил; кроме того, находясь в районном отделении республиканской прокуратуры, от избытка чувств Пелин Сойсал не сумела

сдерживать слез.

Помимо вышеуказанной информации, она сообщила, что погибший говорил с ней о подвеске в виде птицы на замочке, связанной с убийством Арзу Кахраман, и даже попросил ее оказать содействие в поиске по фейсбуку фотографий, выполненных во время приема в доме семьи Кахраман, а когда фотографии были найдены и он увидел золотую цепочку с подвеской в виде птицы на замочке на шее Арзу, то глубоко задумался, а затем сказал ей, что не может сообщить ей имя убийцы. Кроме того, Пелин Сойсал добавила, что из-за этой и других подозрительных деталей, в частности из-за того, что погибший все время повторял одни и те же слова: «Любовь – самое опасное для людей чувство», подозревала погибшего в совершении убийства Арзу Кахраман на почве ревности.

После допроса Пелин Сойсал была отпущена в статусе свидетеля, т. к. была установлена ее непричастность к смерти Мехмеда Арслана.

В адресованном Главному прокурору (см. Приложение 3) предсмертном письме погибшего Мехмеда Арслана вместе с дневником, оставленным у места самоубийства, приводится литературная головоломка, которая по письменному заявлению погибшего Мехмеда Арслана скрывает имя убийцы Арзу Кахраман. После расшифровки текста было установлено имя «Мухаррем». Мухаррем является умственно отсталым сыном Хатидже Донмез. С учетом вновь открывшихся деталей дела, а также новых улик и вещественных доказательств (золотая цепочка с подвеской в виде птицы на замочке 1 шт., женская), районный отдел республиканской прокуратуры готовит представить Стамбульскому уголовному суду новые материалы по делу Арзу Кахраман, по которому в статусе главного подозреваемого уже была задержана Светлана Курумова.

Как удалось установить, Мухаррем Донмез является умственно отсталым молодым человеком, занятий в школе не посещает, определенного места работы не имеет, иногда помогает по дому семьям состоятельных жителей Ялыкёя, переехавших из Стамбула. Одной из таких семей была семья Кахраман. Погибшая Арзу Кахраман относилась к юноше с большой нежностью, иногда обнимала и гладила его по щекам и целовала, как настоящего ребенка, в результате чего подозреваемый Мухаррем,

неверно истолковав такое поведение, пришел к ошибочному выводу о любовной связи между собой и погибшей Арзу Кахраман. После ареста подозреваемый Мухаррем Донмез эту информацию не отрицал, а также сознался, что, по его мнению, Арзу Кахраман, которая оказывала ему множество знаков внимания, была слишком откровенно одета во время приема гостей вечером 10 июня, что он не совладал с собой, разозлившись из-за того, что она постоянно обнимается, пьет и целуется с гостями-мужчинами, прибывшими из Стамбула, что эти мужчины обнимают Арзу Кахраман за талию и за плечи, что во время танца с этими мужчинами она сильно прижимается к ним, что решил, будто убитая его обманывает с этими мужчинами, и в результате, воспользовавшись отъездом кейтеринговой компании, всех гостей и Али Кахрамана, который уехал проводить всех, поймал Арзу Кахраман за руку на лестнице, когда она поднималась наверх, и там же, на лестнице, нанес ей множество ударов ножом; сколько именно ударов он ей нанес, он не помнит, однако, убедившись в том, что Арзу Кахраман убита, он решил взять себе на память золотую цепочку с подвеской в виде птицы на замочке, которую позже ночью он зарыл в будке собаки Мехмеда Арслана по кличке Кырбаш, потому что эта собака никого, кроме него и хозяина, к себе не подпускает. Когда ему был задан вопрос, раскаивается ли он в совершенном преступлении, он ответил, что совершенно не раскаивается и что если бы еще раз увидел подобную сцену, снова совершил бы то же самое. В качестве довода своей правоты он привел то, что любил убитую Арзу Кахраман и был уверен, что она тоже любит его.

Исходя из всех вышеприведенных фактов и согласно ст. 172 и следующих статей Уголовного кодекса Республики Турция было принято следующее решение:

С учетом всех полученных доказательств установлено, что смерть погибшего и подозреваемого Мехмеда Арслана наступила в результате самоубийства; в данном деле отсутствуют третьи лица, которые бы со злым умыслом или без умысла подстрекали погибшего к совершению самоубийства и на которых можно было бы возложить ответственность за произошедшее; согласно статье 64 Уголовного кодекса Республики Турция, из всего вышеприведенного материала следует, что данное преступление

недоступно для расследования;

погибший и подозреваемый Мехмед Арслан освобождается от уголовного преследования за публичное преступление;

данное решение не является основанием для запрета апелляций.

В связи с новыми доказательствами в деле по убийству Арзу Кахраман будет начато отдельное производство; на основании обвинительного акта будут подготовлены документы для отдельного обращения в уполномоченный суд Силиври по тяжким уголовным делам; новый подозреваемый Мухаррем Донмез задержан по требованию суда.

Данное решение может быть обжаловано в рамках существующего законодательства Турецкой Республики в уполномоченном суде Силиври по тяжким уголовным делам.

Низаметтин Тоган,
Главный прокурор
районного отделения
республиканской прокуратуры

18.12.2011.

---

notes

Примечания

1

Около сорока соток

Господин, джентльмен по-турецки.

Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Перевод Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1988.